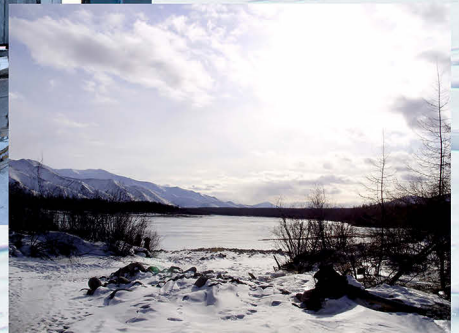




АРКТИКА И СЕВЕР

в современных
гуманитарных исследованиях



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА



**АРКТИКА И СЕВЕР
В СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Сборник научных статей

Якутск-2018

УДК 81+39+94(985+571.56+571.65)

ББК 83+63.5+63.3(21)

A82

Научный редактор:

д.и.н. Бурнашева Н.И.

Рецензенты:

к.и.н. Радченко Н.Н., к.ф.н. Дьячковский Ф.Н.

Составитель:

Астахова И.С.

Утверждено к печати Ученым советом Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

A82 Арктика и Север в современных гуманитарных исследованиях [Электронный ресурс] : сборник научных статей / [науч. ред. Бурнашева Н.И., сост. Астахова И.С.] ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. народов Севера. – Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2018. – 181 с.

URL: <http://http://igi.ysn.ru/files/publicasii/ArktikaiSever.pdf...>

Сборник составлен на основе материалов научно-практической конференции «Арктика и Север в современных гуманитарных исследованиях» (V полевая сессия), посвященной памяти Николая Алексеевича Алексева, известного этнографа и фольклориста, доктора исторических наук, профессора, лауреата Государственной премии РФ, заслуженного деятеля науки России. В нем рассматриваются результаты современных полевых исследований в арктическом регионе, а также неизвестные страницы «северных» научных экспедиций.

Издание адресовано специалистам гуманитарного профиля и широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-902198-39-0

© ИГиИПМНС СО РАН, 2018

Science editor:

Burnasheva N.I. Dr.Sci (History)

Reviewers:

Radchenko N.N. Cand. Sc. (History),
Dychkovskii F.N. Cand. Sc (Philology)

THE ARCTIC AND THE NORTH IN CURRENT HUMANITARIAN RESEARCH. The collection of research articles. – Yakutsk: Publishing House of IHRISN SB RAS, 2018. – 181 p.

URL: <http://http://igi.ysn.ru/files/publicasii/ArktikaiSever.pdf...>

The collection is based on the materials of the scientific and practical conference “The Arctic and the North in the Current Humanitarian Research” (V field session), dedicated to the memory of Nikolai Alekseevich Alekseev, the outstanding ethnographer and folklorist, Doctor of Historical Sciences, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Honored Scientist of Russia. The collection is devoted to the modern field research in the Arctic region, as well as unknown pages of “Northern” scientific expeditions.

The publication is addressed to specialists in the humanities and a wide rang of readers.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Н.И. Бурнашева)	5
---	---

РАЗДЕЛ I.

ОСВОЕНИЕ АРКТИКИ И СЕВЕРА: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И СОЦИОЛОГИИ

<i>Боякова С.И.</i> Материалы северных отрядов Якутской экспедиции АН СССР 1925-1930 гг. как источник по истории научного освоения Арктики	8
<i>Сулейманов А.А.</i> Академия наук СССР и разработка научных основ развития сельского хозяйства в арктических районах Якутии в 50-е – нач. 60-х гг. XX в.	18
<i>Винокурова Л.И.</i> О реконструкции советской повседневности арктических и северных сел Якутии: из опыта полевых работ	26
<i>Егоров П.М.</i> Молодежная политика в сельских арктических и северных районах Якутии: исторический опыт 1970-1980-х гг.	34
<i>Никитина С.Е.</i> Научно-исследовательские результаты Лингвокультурологической экспедиции в с. Походск Нижнеколымского района и с. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) Республики Саха (Якутия)	40
<i>Санникова Я.М., Боякова С.И., Филиппова В.В.</i> Этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия): методические рекомендации по проведению полевых исследований ..	52
<i>Астахова И.С.</i> Отношение населения к новым проектам промышленного освоения (на примере этнологических экспертиз в Оленекском районе РС(Я)	63
<i>Томаска А.Е., Игнатьева В.Б.</i> Особенности миграционной ситуации эвенков Олекминского района Якутии (на примере этнологической экспертизы в Олекминском районе РС(Я))	75
<i>Васильева О.В.</i> Ценности и жизненные стратегии молодежи Арктики (по материалам Республики Саха (Якутия)	86
<i>Маклашова Е.Г.</i> Упрочение российской нации как задача стратегии государственной национальной политики России (на материалах региональных социологических исследований)	95

РАЗДЕЛ II.

ФОЛЬКЛОР И СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ АРКТИКИ И СЕВЕРА

<i>Курилова С.Н.</i> Вариативность русских личных имен в языке тундровых юкагиров.....	104
<i>Васильева Р.И.</i> Функционирование типов двуязычия в Республике Саха (Якутия) (на материале Приленья)	111
<i>Мухомлева С.Д.</i> Рукопись олонхо «Сидьи Босхон бухатыыр» в записи А.А. Саввина.....	117
<i>Данилова А.Н.</i> Особенности олонхо Д.А. Томской «Көмүс Мөкүлүкээн старик, Элгээн Иэйиэхсит старуха»	125
<i>Павлова Н.В.</i> О публикации текстов олонхо ранних фольклорных экспедиций в томах серии «Саха боотурдара»: том «Олонхо северных якутов»	130
<i>Оросина Н.А.</i> Самозапись олонхо У.Г. Нохсорова «Дыырай Бэргэн» как «многослойная» рукопись (к проблеме редактирования эпического текста)	135
<i>Ларионова А.С.</i> Особенности пения северных якутов (на материале комплексных экспедиций)	141
<i>Чарина О.И.</i> Русский фольклор сел Синск Хангаласского района и Павловск Мегино-Кангаласского района Якутии: формирование исторической памяти (по материалам экспедиций 2016-2017 гг.)	151
Приложения. Экспедиционные фотографии авторов научного сборника статей	160

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы развития Арктики и Севера привлекают сегодня внимание исследователей всех направлений гуманитарной науки. Результатом, отразившим пристальный интерес ученых-гуманитариев к вопросам научного изучения истории, социальных и культурных процессов, происходящих у народов, населяющих арктические и северные территории Республики Саха (Якутия), является предлагаемый читателям сборник научных трудов «Арктика и Север в современных гуманитарных исследованиях». В сборник вошли научные статьи сотрудников ИГиПМНС СО РАН, посвященные истории, фольклору, культуре, социальным и общественно-политическим проблемам населения Арктики и Севера. В представленных статьях нашел свое отражение весьма широкий круг научных интересов авторов, охватывающий самые различные аспекты важных и актуальных проблем Арктики и Севера.

Уникальность и своеобразие статей, представленных в сборнике, заключены в опубликовании авторами оригинальных первичных исследовательских источников, собранных ими в полевых условиях, в ходе работ в составе научных экспедиций. В своих статьях авторы постарались донести до читателя не только свои свежие впечатления и эмоции от встреч с носителями северной культуры, но и представили научно-обоснованную оценку собранного материала, обобщив его с позиций и достижений современной науки.

Материалы, представленные авторами, объединены в два тематических раздела по социальным и филологическим направлениям гуманитарных наук. В свою очередь, внутри разделов выделяются статьи, отличающиеся своеобразием примененных в работе методов научного исследования, присущих историкам, социологам, филологам, лингвистам, эпосоведам и фольклористам. В общей же своей совокупности такое разнообразие инструментария поисковых исследований, использованного в ходе экспедиций, позволило собрать широкий спектр научных источников, передающих историю освоения Арктики и Севера, а также неповторимый образ уникальной арктической культуры.

Среди работ исторического плана выделяются исследования, в которых на основе добротной источниковой базы раскрывается исторический опыт изучения различных сторон жизни арктического региона. Прежде всего, к ним следует отнести статью д.и.н.

С.И. Бояковой, значительно расширяющую представления об истории научного освоения Арктики, статью к.и.н. Л.И. Винокуровой – о богатстве ресурсов и возможностях реконструкции повседневной жизни людей эпохи социализма в северных и арктических селах Якутии. При этом Л.И. Винокуровой дается оценка региональных особенностей наличия и сохранности документальной базы, подчеркнута их особая ценность и необходимость срочной фиксации устной истории, отражающей социальные события в сельских поселениях. Вызывает интерес и осуществленная к.и.н. А.А. Сулеймановым реконструкция научных инициатив Академии наук СССР, касающихся развития сельского хозяйства в арктических районах Якутии в период индустриального освоения региона в 50-е – начале 60-х гг. XX в., которая позволила выявить роль сотрудников отдела экономики Якутского филиала Академии наук (ЯФ АН) СССР в разработке научных рекомендаций по вопросам развития сельскохозяйственного производства на Севере Якутии. В исследовании к.полит.н. П.М. Егорова, основанном на анализе опубликованных источников и архивных документов, рассматривается государственная молодежная политика Советского государства в отношении молодежи 1970-1980-х гг. сельских арктических и северных районов Якутии.

В сборнике представлены результаты социологического исследования к.полит.н. Е.Г. Маклашовой, посвященного одной из стратегических задач государственной национальной политики России – проблемам упрочения российской нации и, в частности, вопросу о восприятии единства в социальной практике. Автором приводятся результаты двух массовых анкетных опросов жителей Якутии и Еврейской автономной области, а также экспертного опроса представителей власти девяти субъектов Дальневосточного федерального округа. Актуальные проблемы, касающиеся ценностей и жизненных стратегий молодежи Арктики (по материалам РС(Я)), рассматриваются в статье к.полит.н. О.В. Васильевой. В статье приводятся данные социологических опросов, продемонстрировавших крайнюю противоречивость декларируемых молодежью ценностей и социальной практики, что объясняется автором ролью глобальных и локальных тенденций в формировании сложившейся ситуации. Интерес читателей может вызвать и статья к.и.н. Я.М. Санниковой, д.и.н. С.И. Бояковой и к.и.н. В.В. Филипповой, раскрывающая методические подходы к проведению полевых работ в разрезе наслега/района. Материалы статьи могут быть использованы в практике составления объективной картины особенностей развития территорий традиционного природопользования местных сообществ. Результатам этнологических экспертиз, проведенных в Олекминском и Оленекском районах РС(Я) посвящены статьи А.Е. Томаска и к.и.н. В.Б. Игнатъевой, а также статья И.С. Астаховой.

В статье к.и.н. С.Е. Никитиной нашли свое отражение результаты лингвокультурологической экспедиции, проведенной в Нижнеколымском и Аллаиховском районах республики.

Во второй раздел сборника вошли статьи, посвященные вопросам развития языков и языковой политики, в частности, рассматривающие вариативность русских личных имен в языке тундровых юкагиров – в статье к.ф.н. С.Н. Куриловой; на материалах Приленья поднимаются проблемы функционирования типов двуязычия – в статье к.ф.н. Р.И. Васильевой. На основе текстологического изучения эпических текстов, в статье к.ф.н. А.Н. Даниловой затронуты вопросы исследования ранних форм архаического эпоса, в статье к.ф.н. Н.А. Павловой раскрывается история создания и записи текстов олонхо ранних фольклорных экспедиций, в статье к.ф.н. Н.А. Оросиной рассматриваются аспекты редактирования эпических текстов; в статье к.ф.н. С.Д. Мухоплевой текст олонхо исследуется как документ, повествующий не только историю своего создания, но и рассказывающий о своем создателе. Материалы, собранные в ходе комплексной экспедиции 1986-1987 гг., дали возможность д.иск. А.С. Лариновой исследовать характер пения северных якутов на примере верхоянской стилистики пения. Изучению особенностей бытования текстов русского фольклора в селах, заселенных смешанным, в национальном плане, составом населения, посвящена статья к.ф.н. О.И. Чариной.

Для продвижения вперед во времени, преодоления все новых ступеней общественного прогресса, необходим постоянный поиск наиболее оптимального пути дальнейшего развития. Осмысление многих аспектов развития Арктики и Севера вызывает много вопросов, споров и дискуссий, в связи с чем, каждое событие, происходящее в данном регионе, нуждается в профессиональной оценке и научном анализе. Вместе с тем, в современных условиях выбор пути невозможен без опоры на предыдущий практический опыт общества, требующий осмысления и обобщения с позиций сегодняшних реалий. Бесспорно, что в выборе окончательного ответа на вызовы времени и стоящие перед обществом вопросы, решающее значение играет мнение ученых-исследователей и специалистов, способных с научных позиций обобщать и анализировать любые общественно значимые события и факты. С этой точки зрения, предлагаемый читателям сборник, несет в себе бесценный заряд для размышлений над настоящим и будущим нашего общества.

*Доктор исторических наук **Н.И. Бурнашева***

РАЗДЕЛ I. ОСВОЕНИЕ АРКТИКИ И СЕВЕРА: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.25693/571.56.985.2018_002
УДК 001'1925-1930'(571.56)(091)

Боякова Сардана Ильинична

МАТЕРИАЛЫ СЕВЕРНЫХ ОТРЯДОВ ЯКУТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АН СССР 1925-1930 ГГ. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАУЧНОГО ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ

Аннотация. В статье дается характеристика опубликованным и неопубликованным материалам северных отрядов Якутской экспедиции АН СССР, результаты деятельности которых легли в основу программ последующего хозяйственного освоения региона. Особое внимание уделено обзору фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, составу и содержанию документов, отражающих основные направления гидрографического, биологического, экономического и этнографического изучения Заполярья. Подчеркивается важность использования и введения в научный оборот этих материалов, многие из которых не утратили своего значения и в настоящее время.

Ключевые слова: Арктика, Север, Академия наук, Якутская комиссия, I комплексная экспедиция, научное освоение, обзор фондов.

Boyakova Sardana Ilyinichna. MATERIALS OF THE NORTHERN TEAMS OF THE YAKUT EXPEDITION OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES IN 1925-1930 AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF SCIENTIFIC EXPLORATION IN THE ARCTIC

The article describes the published and unpublished materials of the Northern teams of the Yakut Expedition of the USSR Academy of Sciences, the results of which formed the basis for the programs of the subsequent economic development of the region. Particular attention is paid to the review of the funds of the St. Petersburg Branch of the Archive of RAS, the composition and content of documents reflecting the main directions of hydrographic, biological, economic and ethnographic study of the Arctic. The importance of the use and introduction into scientific circulation of these materials, many of which have not lost their importance at the present time, is emphasized.

Keywords: Arctic, North, Academy of Sciences, Yakutsk Commission, the I Integrated Expedition, scientific exploration, an overview of the funds.

Боякова Сардана Ильинична

д.и.н., г.н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГИИПМНС СО РАН; boyakova@mail.ru

Boyakova Sardana Ilyinichna

Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of History and Ethno-sociology of the Arctic Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

В истории научного изучения Севера и Арктики особое место занимает деятельность Якутской комплексной экспедиции (ЯКЭ), организованной Комиссией по изучению производительных сил Якутской АССР (КЯР) Академии наук СССР во второй половине 1920-х гг. Впервые были организованы и проведены масштабные исследования, заложившие основы последующего форсированного освоения региона, определившие приоритеты развития экономики северных районов Якутии в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Научные результаты деятельности Якутской комиссии и значение их для дальнейших изысканий в республике отражены в ряде монографических и иных публикаций [2, 3, 5, 9–11, 13, 16], довольно подробно изучена история и организация работ отрядов ЯКЭ, её персональный состав [1, 3, 5, 9–11, 13]. Труды участников экспедиции послужили основой для развития новых направлений генетики, орнитологии, почвоведения, геологии, лесоведения, эпидемиологии, этнографии и многих других наук; не потеряли своей актуальности до настоящего времени. В данной статье хотелось бы сфокусироваться на работах северных отрядов ЯКЭ, большая часть материалов которых осталась неопубликованной и лишь частично введенной в научный оборот.

Относительно «арктического» или «северного» вектора работы ЯКЭ напомним, что во второй половине XIX – начале XX вв. в Российской Академии наук уже были созданы учреждения и академические структуры постоянного типа для выработки систематических наблюдений на территории Севера России. Д.А. Ширина в числе их выделяет образованную в 1914 г. Полярную комиссию, имевшую задачей изучение Севера как определенной области Земли, исследование народов Северной Сибири, Северного морского пути. В 1917 – 1918 гг. также ставился вопрос о создании особой Комиссии по изучению Севера при Академии наук [14, с. 216-217]. С конца XIX в. Россия приступила к планомерному исследованию морей и островов Северного Ледовитого океана, прерванному начавшейся I мировой войной и последовавшими за ней политическими и социальными катаклизмами.

В то же время, говоря о предпосылках развертывания работ КЯР, хотелось бы обратить внимание ещё на один момент. Открытие в последней четверти XIX в. золота на Аляске стимулировало ещё в дореволюционный период его поиски и на сходной с американским полуостровом по природным условиям и орографии Чукотке. Геологоразведочные работы уже тогда показали золотоносную перспективность района, что, в свою очередь, вызвало повышение интереса мировых и российских научных учреждений к районам Северо-Востока Азии, совершенно неизученных ранее, прежде всего, в геологическом отношении. Так, только в 1924 – 1925 гг. в правительство СССР дважды обращались представители американских

научных кругов с просьбой о разрешении провести геологические изыскания в регионе: сначала от имени ряда американских музеев известный русский геолог И.П. Толмачев, эмигрировавший в США после революции, предлагавший совместную экспедицию в бассейн Колымы, Индигирки и Яны [4, с. 339], затем в мае 1925 г. – горный инженер Даниэль Уорф через А. Хаммера пытался получить разрешение на получение права на производство поисков золота и других драгоценных металлов в районе Колымы и Индигирки с последующей передачей разработки открытых месторождений ему в концессию [8, л. 79–85]. В первом случае с резким протестом выступила АН СССР, заявившая о подготовке собственной экспедиции в перспективный район, во втором – разрешение союзного правительства было получено, однако, эта экспедиция не состоялась из-за очередного обострения политической обстановки на Севере Якутии.

Обращаясь собственно к истории организации Комиссии по изучению производительных сил Якутской АССР Академии наук СССР, отметим, что одной из главных задач в 1920-е гг. молодая Якутская республика определила изучение своей территории и населения для выработки взвешенного, научного Генерального плана развития края на ближайшие несколько десятилетий. С этой целью правительство ЯАССР через своего постоянного представителя при Президиуме ВЦИК М.К. Аммосова в марте 1924 г. первым из региональных органов власти обратилось с просьбой в Академию наук СССР об организации систематического изучения производительных сил республики. 7 апреля 1925 г. СНК СССР постановил организовать силами Академии наук экспедицию для исследования производительных сил Якутской республики, которую последовательно возглавляли академики С.Ф. Ольденбург, А.Е. Ферсман, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг и В.Л. Комаров. Ответственным секретарем был избран профессор П.В. Виттенбург.

Структура экспедиции была довольно сложной: согласно ей Якутская экспедиция подразделялась на отдельные отряды. В составе экспедиции действовали десять специализированных отрядов: геоморфологический, гидрологический, аэрометеорологический, ихтиологический, охотничье-промысловый, агрономический, статистико-экономический, лесо-экономический, этнографический и медико-санитарный. В свою очередь отряды были разделены на 24 подотряда, отдельные подотряды делились на партии [9, с. 72].

Якутская экспедиция АН СССР отличалась от всех прежних экспедиций не только многообразием поставленных задач, но и совершенно новой постановкой вопросов практического применения исследований.

Якутская экспедиция Академии наук была уникальной не только по своим целям и задачам, по продолжительности работ, но и по своим научным силам. Академия наук предоставила свои лучшие научные кадры. Только в полевых работах приняли участие 246 человек одних лишь научных и научно-технических работников, всего же в работе Комиссии по изучению Якутской республики принимало участие 386 человек.

В качестве руководителей самой комиссии, секций, консультантов по различным отраслям знания были приглашены ведущие ученые страны. В исследовании Якутской республики приняли участие 16 академиков, 9 членов-корреспондентов Академии наук, 30 профессоров вузов. К разработке научных программ, руководству работой экспедиции были привлечены ведущие специалисты по всем отраслям знания, лучшие научные силы России.

Активное участие принимали местные работники. В непосредственных полевых исследованиях участвовали 43 человека, в том числе 10 из них работали в качестве наблюдателей аэрологических и водомерных постов (Н.Д. Антипин, А.П. Домашенкин, В.В. Еречнев, М.Ф. Лысцов, П.Г. Николаев, П.Е. Слепцов, П.Х. Староватов, С.Т. Шипицына, Л.Я. Тарабукин, Попова). В качестве переводчиков работали А.С. Ефимов, С. Лукин, Ф.Ф. Попов, Д.И. Тимофеев, Г.И. Яковлев и др. В медико-санитарном отряде приняли участие Н.П. Афанасьева, Г.М. Кокшарский, В.В. Никифоров. В качестве научных и технических сотрудников работали А.Я. Тарабукин, И.Ф. Молодых, А.Н. Скалзубова, В.Н. Порядин, П.В. Иноземцев, С.И. Попов, Т.З. Винокуров, Г.И. Оросин, П.В. Слепцов, П.Д. Бельчук, В.Т. Бур, Г.М. Георгиевский и др. Отрядами Якутской экспедиции АН СССР в течение 1925-1930 гг. были обследованы все 7 округов Якутии. Ученые провели в поле 391 месяц и прошли маршрутами свыше 130 тыс. километров [там же].

Материалы и рекомендации КЯР сыграли важную роль в правильном определении основных направлений развития экономики и научной разработки проблем развития производительных сил республики на весь предвоенный период. Выводы и предложения комиссии были использованы при составлении «Генерального плана реконструкции народного хозяйства Якутской АССР на ближайшие 10-15 лет», первого и второго пятилетнего плана развития народного хозяйства ЯАССР.

Опыт организации Якутской экспедиции использовался при создании других, подобных экспедиций. Например, в 1926 г. начала свою деятельность Казахстанская экспедиция, в 1927 г. Туркестано-Сибирская, в 1928 г. Чувашская и Башкирская экспедиции и др.

Преемственность наблюдалась не только в формах организации науки, но и в издании трудов предыдущих экспедиций, подборе ка-

дров. В частности, участники КЯР Э.К. Пекарский, И.И. Майнов принимали участие в Сибиряковской экспедиции, А.А. Бялыницкий-Бируля, В.Н. Васильев, В.И. Подгорбунский, В.Г. Богораз и др. также в досоветский период изучали Якутию [9, с. 73].

Таким образом, в 1925–1930 гг. на территории Якутии работала уникальная по широте программы, планов и составу экспедиция. Как подчеркивают исследователи, ей нет равных в мире по постановке целей и задач, итогам и научным результатам [1, 2, 3, 5, 15].

В контексте исследуемой темы, оценивая деятельность северных отрядов ЯКЭ, хотелось бы заострить внимание на вопросе определения задач и приоритетов в работе Якутской экспедиции КЯР. В научной литературе не всегда отмечается тот факт, что первоначальный план научного изучения территории республики подвергся значительной коррекции. В соответствии с мировыми трендами, рассмотренными в начале данной статьи, разработанный Академией наук план работ экспедиции предполагал в первую очередь геологические исследования бассейнов рек Колымы, Яны и Индигирки и, в целом, первоочередное изучение северных районов Якутии. По настоянию руководства ЯАССР и лично М.К. Аммосова, приоритеты в деятельности экспедиции были изменены с северного на южное направление, что, объективно говоря, действительно на тот момент больше соответствовало «запросам текущей хозяйственной политики» республики [3, с. 60–62], связывавшейся с развитием Алданского золотоносного района и разработкой полезных ископаемых вилюйской группы улусов, прежде всего, Кемпэндяйского соляного месторождения.

Тем не менее, даже в скорректированном определении задач экспедиции Академия наук основное внимание уделила наиболее актуальным на тот момент проблемам научного североведения: развитию транспортной инфраструктуры, созданию промышленности (горной, лесной, строительной, рыбной и т.д.), подъему пушного промысла, вопросам жизнеобеспечения и жизнедеятельности населения региона. Для решения этих проблем ставились задачи гидрологического описания рек и морей Северного Ледовитого океана, омывающих берега Якутии, геоморфологического и геологического изучения, исследования флоры и фауны края, вечной мерзлоты, демографии и условий жизни населения. Предусматривался широкий комплекс научных исследований, предшествовавших хозяйственным мероприятиям по освоению Севера, которые, в свою очередь, должны были вестись в соответствии с рекомендациями, выработанными учеными. Предполагалось, что промышленное освоение Заполярья начнется с тщательного изучения природных ресурсов, экономики, традиционных отраслей северного хозяйства и будет носить комплексный характер с обязатель-

ным созданием собственной продовольственной базы и продуманной переселенческой политикой.

Как известно, к комплексным исследованиям северной части республики удалось приступить лишь на четвертый год работы экспедиции, в 1928 г. Правда, здесь следует сразу же оговориться, что отдельные изыскания на Севере в первые три года её деятельности все-таки проводились. В 1925 г. лесозащитным подотрядом в числе других восьми улусов была произведена таксиметрическая съемка Верхоянья, в 1925 – 1926 гг. изучались пушные и рыбные запасы низовьев р. Лены, с 1927 г. начались гидрологическое изучение р. Яны и деятельность Хатанго-Анабарского подотряда. В 1928–1930 гг. отряды Якутской экспедиции приступили к комплексному исследованию Колымского края по всем направлениям: геоморфологии, гидрологии, аэрометеорологии, ихтиологии, экономики, демографии, этнографии, изучению охотничьего промысла и пушно-мехового хозяйства. Также велись работы по гидрологическому описанию рр. Яны и Индигирки (руководители соответственно П.К. Хмызников и Ю.Д. Чирихин), этнографическому и экономическому изучению Хатанго-Анабарского края (П.В. Слепцов) и Верхоянского округа (Д.Д. Травин), исследованию песцового промысла и фауны Ляховских островов (нач. – Н.В. Пинегин и Н.Н. Шпаковский) [10, с. 10-11]. В результате работы северных отрядов и подотрядов экспедиции были определены промысловые рыбные запасы Лены и Колымы; установлены границы района обитания песца и дана гипотеза его миграции и очагов распространения по тундре между Яной и Анабаром; проведены гидрологическое изучение и описание в судоходном отношении Яны и Индигирки, маршрутная съемка Колымы, исследованы моря Лаптевых и Восточно-Сибирское, что позволило приступить к осуществлению каботажных перевозок и сквозных плаваний по трассе Северного морского пути; существенным образом исправлены существовавшие до того карты Хатанги, Оленека, Индигирки и Колымы с бассейном; собраны сведения о полезных ископаемых региона (золота, угля, слюды и т.д.) [9]. В следующее пятилетие Комиссия по изучению Якутской АССР планировала продолжить работы в северном направлении: широкомасштабными экспедиционными исследованиями предполагалось охватить бассейн Индигирки, завершить описание Колымы [7, л. 10–31]. Однако, ликвидация КЯР в 1931 г. не позволила осуществиться этим и другим планам по комплексному научному изучению арктической зоны республики.

К этому времени в «Материалах Комиссии по изучению Якутской АССР» удалось издать лишь некоторые результаты работ северных экспедиций: ихтиологического отряда в бассейне р. Хатанги, низовьях р. Лены и р. Колымы (вып. 2, 28, 32), геоморфологического отряда по описанию Верхоянского хребта (вып. 4), Янского

гидрологического отряда (вып. 35). В «Трудах» КЯР были опубликованы в 1928 г. «Атлас проток дельты рек Лены, низовий Оленека и бухты Тикси» Н.И. Евгенова, П.К. Хмызникова и Ю.Д. Чирихина (том 3, ч. 3), «Материалы по климатологии Северного побережья Азии» А.А. Каминского (том 5), метеорологические и аэрологические наблюдения 1925 и 1928 гг., в том числе станции Булун (том 8, ч. 1), в 1926 и 1930 гг., в том числе, станций Среднеколымск, Верхоянск, Булун (том 16), монографии П.Г. Борисова «Рыбы реки Лены» (том 9) и Л.А. Лебедевой «Грибы арктического побережья Сибири» (том 12). Некоторые предварительные итоги были отражены в первом обобщающем труде экспедиции – сборнике «Якутия» [15].

Позднее в «Трудах СОПСа. Серия Якутская» в 1931–1935 гг. вышли работы участников северных отрядов экспедиции по геологии, геоморфологии, ихтиологии, гидрологии, геофизике, астрономии. В другой серии «Трудов СОПСа», посвященной 10-летию образования Якутской АССР, в 1932 г. вышли сборники статей и некоторые отчеты КЯР по геоморфологии, лесным ресурсам и рыбным запасам Якутской Арктики и Субарктики [10, с. 124–125].

Однако значительный массив, подготовленных в ходе полевых исследований материалов, все еще не опубликован и хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук [12]. Отложившиеся материалы можно условно разделить на 5 групп:

1. Подготовительные, т.е. программы исследований, протоколы обсуждений их на заседании Президиума АН СССР.
2. Первичные, т.е. собранный в ходе экспедиций эмпирический материал, журналы и дневники наблюдений.
3. Отчеты и рукописи подготовленных по итогам исследований монографий и сборников статей.
4. Иллюстративный материал – фотографии, карты и рисунки, выполненные в ходе полевых исследований.
5. Документы личного происхождения.

Все эти материалы являются важнейшим источником по истории научного освоения Арктики XX в.

Программы, инструкции и протоколы обсуждений итогов работы отрядов экспедиции характеризуют уровень развития отечественного североведения первой четверти прошедшего столетия. Компаративный анализ этих документов позволяет выявить процессы становления и концептуальные основы выработанных российскими учеными новых подходов к изучению полярного региона, его природных ресурсов и населяющих высокие широты народов.

Материалы наблюдений, записанные в ходе исследований интервью, переписные листы, полевые дневники, путевые записи, предварительные и краткие отчеты, донесения с мест представля-

ют собой уникальный источник по изучению климата, орографии, животного и растительного мира, истории и этнографии Арктики. Особую ценность здесь представляют материалы Лено-Хатангской экспедиции, так и оставшиеся необработанными из-за безвременной кончины ее руководителя П.В. Слепцова. Написанные на якутском языке и латиницей, эти уникальные документы по экономике и этнографии долган, северных якутов и эвенков, требуют расшифровки и ждут своего пытливого и кропотливого исследователя.

Уникальные данные отложились в ходе работы Ляховской геофизической станции под руководством Н.В. Пинегина. Только часть этих материалов введена в научный оборот. Интерес также представляют донесения репрессированного и погибшего впоследствии в сталинских лагерях Г.В. Кречмана, который был командирован в 1929 г. на пароход «Ставрополь», совершавший рейс Владивосток–Колыма. Проведенные им гидрологические и метеорологические наблюдения послужили качественной базой для создания службы ледовой разведки и последующего освоения Северного морского пути. Полные живых зарисовок письма другого участника этого исторического плавания С.В. Стебницкого, написанные во время арктического плавания и зимовки на попавшем в ледовый плен судне своему учителю В.Г. Богоразу, являются прекрасным источником по истории полярных экспедиций и советской повседневности тех лет.

Кроме того, в материалах этнографических отрядов отложились и некоторые подлинные исторические документы XIX – начала XX вв., которые участники этих отрядов собирали наряду с предметами утвари и артефактами, характеризующими традиционное хозяйство, одежду и духовную культуру коренных народов Арктики.

К сожалению, большая часть монографий, подготовленных этнографо-экономическим отрядом КЯР осталась неопубликованной. Здесь следует упомянуть, прежде всего, рукопись Д.Д. Травина «Русские на Индигирке» в 2-х томах, посвященная русским арктическим старожилам Якутии. Исследователи давно добиваются возможности издать этот капитальный труд, но каждый раз сталкиваются с финансовыми трудностями.

КЯР планировала издание еще одного интересного труда. Краеведу и журналисту В.С. Кривенко была заказана книга об исследователях Полярной Якутии. Судя по сохранившимся в СПбФ АРАН и Архиве РГО материалам, книга, для написания которой Кривенко проделал поистине титаническую работу, была практически готова. Ему удалось собрать не только большой фактический материал, но и очень подробные автобиографии с каждого участника арктических экспедиций конца XIX – первой четверти XX вв. (включая сотрудников ЯКЭ), многие из которых в то время были еще живы. Эти автобиографии являются прекрасными образцами самоописания и

требуют самостоятельного изучения. Бесспорную ценность представляет и сохранившаяся в СПбФ АРАН тематическая картотека «Исследователи Арктики».

Иллюстративные материалы КЯР в последние годы активно публикуются. Наиболее известным примером хорошего полиграфического оформления и бережного отношения в первоисточнику могут служить три тома исторического альбома «Пути великих свершений», изданных в 2015 и 2016 гг. [9–11]. Однако, в архивах и музеях осталось немало других рисунков, фотографий и карт, еще не введенных в научный оборот. Так, автором данной статьи в декабре 2015 г. после скрупулезного изучения документов СПбФ АРАН в Музее Арктики и Антарктики были обнаружены 5 ранее неизвестных фотоальбомов, составленных различными отрядами ЯКЭ. Безусловно, это направление визуальной антропологии весьма перспективно и также ждет своего пытливого исследователя.

Большие перспективы для изучения истории науки с точки зрения новых направлений исторической науки: интеллектуальной истории и персональной истории открывают материалы личного происхождения, отложившиеся в фонде КЯР СПбФ АРАН. Это личные дела, переписка, автобиографии, приказы по личному составу, заявления, личные документы сотрудников Комиссии и экспедиции. Социальный контекст интеллектуальной биографии ученого зримо высвечивается в переписке АН СССР с органами ГПУ, касающейся репрессированных исследователей, в том числе участников КЯР Н.В. Воленс, П.В. Виттенбурга, Н.Н. Березкина, Г.А. Попова и др. В этом же контексте интересно проследить взаимоотношения академического сообщества с М.К. Аммосовым и другими руководителями Якутской республики. Следует отметить высокую оценку выдающимися российскими учеными государственного мышления и организаторских способностей Аммосова, а также, несомненно, как показатель мужества и независимости членов Академии, объявленную ему благодарность и публично выраженное сожаление после снятия его со всех постов и высылки в связи с делом «конфедералистов» из Якутии в 1928 г.

Таким образом, научные результаты Комплексной экспедиции Комиссии по изучению производительных сил Якутской АССР АН СССР 1925–1930 гг., некоторые работы которой были завершены в 1931 г. уже после закрытия самой Якутской комиссии, во многом опередили свое время. Широта научных интересов участвовавших в исследованиях ученых позволила накопить огромное количество уникального научного материала, в значительной части по политическим и иным субъективным мотивам оставшегося без должного внимания. С течением времени все больше выявляется значимость работ, сделанных сотрудниками Якутской экспедиции, важность оставленного ими научного наследия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Виттенбург Е.П. Комиссия Академии наук по изучению производительных сил Якутской АССР (1925–1930 гг.): организация и методика работы: ист. очерк. Якутск: Бичик, 2008. 200 с.
2. Гранберг А.Г. О развитии производительных сил Якутии // Вестник РАН. 2005. Т.75. №12. С. 1132–1135.
3. Ермолаева Ю.Н. Якутская экспедиция Академии наук СССР. 1925–1930 гг.: развитие науки в Якутии. Новосибирск: Наука, 2001. 166 с.
4. История открытия и освоения Северного морского пути. Т.3. М.: Морской транспорт, 1959. 510 с.
5. Комиссии Академии наук в XVIII – XX веках: исторические очерки. СПб.: Нестор–История, 2013. 732 с.
6. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 270 . Оп. 1, Д. 3.
7. НА РС(Я). Ф. 605. Оп. 1. Д. 104.
8. НА РС(Я). Ф. 605. Оп. 4. Д. 6.
9. Пути великих свершений. Книга вторая. Том 3. Курс – Арктика. Владивосток: Русский остров, 2015. 132 с.
10. Пути великих свершений. Книга третья. Том 5. Якутия познает себя. Владивосток: Русский остров, 2016. 120 с.
11. Пути великих свершений. Книга третья. Том 6. Из глубин древности. Владивосток: Русский остров, 2016. 126 с.
12. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 1. Конференция АН СССР. Ф. 47. Комиссия по изучению производительных сил Якутской АССР.
13. Степанова М.М. Из истории Якутской экспедиции АН СССР // Якутский архив. Вып. 3. Якутск, 1966. С. 153–156.
14. Ширина Д.А. Петербургская Академия наук и Северо-восток. 1725–1917гг. Новосибирск: Наука, 1994. 272 с.
15. Якутия: сб. статей/ под ред. П.В. Виттенбурга. Л., 1927. 746 с.
16. Якутская экспедиция АН СССР 1925–1930 гг. // Якутия: энциклопедия. Т.1. 2000. С. 164–165.

Сулейманов Александр Альбертович

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР И РАЗРАБОТКА
НАУЧНЫХ ОСНОВ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
В АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНАХ ЯКУТИИ
В 50-Е – НАЧ. 60-Х ГГ. XX В.**

Аннотация. В работе на основе анализа архивных данных, в т.ч. впервые вводимых автором в научный оборот, реконструирована история реализации научных инициатив Академии наук СССР, касающихся развития в арктических районах Якутии сельского хозяйства в период начала широкомасштабного индустриального освоения региона. В связи с этим показаны персональный состав и география реализованных инициатив, определены их основные направления и полученные результаты.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, Академия наук СССР, научные исследования, экспедиции, сельское хозяйство.

Suleymanov Alexander Albertovich. ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR AND DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC BASES OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT IN THE ARCTIC REGIONS OF YAKUTIA IN 1950 – EARLY 1960

In this research, we reconstruct history of studying various issues of the development of agriculture in the Arctic regions of Yakutia in the period of the beginning of large-scale industrial development on the basis of archival data analysis, including that which has been introduced for the first time into the scope of scientific studying. In relation to this, personal composition and geography of activities carried out are given, and their main directions and results of the study are determined.

Keywords: Arctic, Yakutia, USSR Academy of Sciences, researches, expeditions, agriculture.

Неуклонный рост значения арктических территорий и акваторий для будущего Российской Федерации актуализирует обращение к разнообразным аспектам накопившегося в нашей стране векового опыта освоения северных пространств, включая богатейшие традиции их научного познания. В данной работе представлена попытка реконструкции истории разработки научных основ

Сулейманов Александр Альбертович

к.и.н., с.н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГиИПМНС СО РАН; alexas1306@mail.ru

Suleymanov Alexander Albertovich

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History and Ethno-sociology
Arctic Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

развития сельского хозяйства арктических районов Якутии в период начала их широкомасштабного индустриального освоения. Еще одним моментом, актуализирующим, как представляется, рассматриваемую проблематику, является отсутствие в историографии работ подобной направленности.

Арктические районы Якутии занимают гигантскую площадь в более чем 1600 тыс. кв. км. На протяжении нескольких столетий здесь проживают представители аборигенных этносов Арктики: долган, чукчей, эвенков, эвенов, юкагиров, якутов, а также самобытного этнического сообщества русских арктических старожилов. Начиная с 1930-х и, в особенности, с 1950-х гг. арктические районы республики в связи с активизацией транспортно-промышленного освоения стали также местом энергичной миграции населения из западных районов Советского Союза. При этом сельское хозяйство региона было мало готово к такому резкому увеличению численности жителей. Его развитие, прежде всего, в силу природно-географических особенностей требовало активного участия ученых в данном процессе.

Важную роль в этом отношении, как будет показано далее, сыграли сотрудники отдела экономики Якутского филиала Академии наук (ЯФ АН) СССР, организованного в 1949 г.

Хотя первоначально основные силы исследователей отдела были направлены на анализ проблем развития центральных, западных и южных районов Якутии, однако затем, в первую очередь, в связи с отмеченным выше ростом значения арктического региона, серьезное место в изысканиях якутских экономистов стали занимать северные территории республики.

Так, научный сотрудник отдела ЯФ АН СССР Е.Д. Конников на основе полевых исследований, проведенных летом 1955 г. в Верхоянском, Саккырырском и Усть-Янском районах Якутии, рассмотрел проблемы развития сельского хозяйства в бассейне Яны. Проанализировав состояние скотоводства, коневодства, оленеводства, зверо- и собаководства, охотничьего и рыбного промыслов, а также структуру затрат и валового дохода ведущих хозяйств, ученый установил наиболее экономически эффективные отрасли. На основе полученных материалов Е.Д. Конников пришел к выводу о низкой рентабельности разведения крупного рогатого скота в условиях исследованных районов. Являясь крайне трудозатратной отраслью хозяйства скотоводство, по мнению ученого, отвлекало и без того ограниченные трудовые ресурсы региона от значительно более доходных занятий охотой, оленеводством и коневодством. В связи с этим, Е.Д. Конников определил наиболее перспективные отрасли. Для Верхоянского района это были пушной промысел в комплексе с оленеводством и мясным коневодством, для Саккырырского – оленеводство и охота, Усть-Янского – пушной промысел и рыболовство. Ученый отметил также крайне запутанную систему обложения колхозов региона обя-

зательными поставками мяса, масла и сена, мешавшую успешному экономическому развитию. В качестве примера он привел ситуацию с колхозом им. Ленина в Саккырырском районе, который был образован в 1953 г. после слияния 5 колхозов. Часть колхозников в нем «унаследовала» от прежних хозяйств льготы, освобождавшие их от обязательных поставок, другие же члены артели подобной привилегии не имели, что подрывало, на взгляд Е.Д. Конникова, принцип материальной заинтересованности [2, л. 1–22].

Большинство из названных выше положений нашли отражение также в подготовленной Е.Д. Конниковым докладной записке, которая была адресована руководству Саккырырского района. Наряду с этим имелся и ряд отличий. В частности, в записке были более подробно освещены меры, необходимые для развития основных сельскохозяйственных отраслей района. Так, в оленеводстве предлагался постепенный, в тесной увязке с улучшением технической оснащённости местных колхозов, переход от транспортной ориентации к мясо-шкурной. Кроме этого, ученый настаивал на ограничении максимального размера стад, а также четком определении намечаемых маршрутов их передвижения в целях повышения сохранности пастбищ и улучшения рациона питания животных. Е.Д. Конников отметил и необходимость жесткой дифференциации оплаты труда оленеводов в зависимости от их квалификации, а не механическом учете затраченного времени. Одни из наиболее серьезных огрехов Е.Д. Конников выявил в сфере администрирования. По его наблюдениям, в Саккырырском районе оленеводству, несмотря на высокую доходность этой отрасли, районные власти и даже руководство местных колхозов практически не уделяли внимания, сконцентрировавшись на вопросах развития скотоводства. Это являлось одним из факторов плохой материальной обеспеченности, острой нехватки медицинской помощи, в целом, оторванности оленеводов от общерайонной жизни [1, л. 1–18].

Имели место и более локальные изыскания. Например, сотрудник отдела экономики ЯФ АН СССР В.С. Рыбников осуществил расчет себестоимости продукции, производимой колхозом «Победа» Булунского района. Обобщив сведения по прямым и общехозяйственным затратам трудодней, денежным и материальным расходам, а также амортизационным отчислениям на средства производства, исследователь произвел необходимые вычисления, основываясь на общепринятой методике, разработанной во Всесоюзном научно-исследовательском институте экономики сельского хозяйства. При этом В.С. Рыбников отказался от рекомендованной этим институтом оценке трудодня, по его мнению, не учитывающей в полной мере специфики хозяйственной деятельности в заполярных районах Якутии. В связи с этим, В.С. Рыбников на основании материалов снабжающих организаций и отдельных бюджетов колхозников, а также сведений, собранных им в ходе полевых исследований летом 1956 г., составил примерный перечень потребностей жителя Булун-

ского района, позволивший определить усредненный размер доходов, необходимых для нормального существования [3, л. 1–24].

Вопросы развития сельского хозяйства арктических районов Якутии занимали важное место и в ходе работы Якутского регионального совещания Восточно-Сибирской конференции по развитию производительных сил, проводившегося 2–13 августа 1958 г. в г. Якутске, одним из организаторов которого был Совет по изучению производительных сил АН СССР.

В работе сельскохозяйственной секции принимали участие 85 человек. Примечательно, что среди ее участников был секретарь Якутского обкома КПСС Н.Н. Барашков и министр сельского хозяйства ЯАССР Т.Г. Николаев, что свидетельствует, как представляется, о важности для органов власти республики того периода научно-исследовательской деятельности по разработке основ развития аграрного сектора.

Среди докладов, прозвучавших на секции, были и выступления, посвященные вопросам развития северных районов Якутии. Так, сотрудник Министерства сельского хозяйства ЯАССР А.В. Паулин рассмотрел проблемы совершенствования деятельности колхозов Абыйского, Анабарского, Аллаиховского, Булунского, Верхоянского, Жиганского, Томпонского, Момского, Саккырырского, Оймяконского, Усть-Янского, Верхне-, Средне- и Нижнеколымского районов. Чиновник определил основные «узкие места» в работе хозяйств названных районов: тяжелые производственно-бытовые условия, отражающиеся, в том числе, и на численности работников; плохое снабжение товарами («колхозник на Севере не может купить шерстяного шарфа») и горюче-смазочными материалами; слабая техническая оснащенность; недостаточные темпы строительства жилых домов. Докладчик предложил и меры для активизации развития колхозов региона, включавшие, помимо устранения названных недостатков, увеличение лимитов на финансирование зоотехпунктов, разработку сотрудниками Академии наук СССР «рациональных приемов механизации выемки мерзлых грунтов» при строительстве ледников [8, л. 15–30].

Заместитель министра промышленности продтоваров ЯАССР Б.Л. Рождественский в своем выступлении большое внимание уделил перспективам развития рыболовного хозяйства Заполярья и, в частности, организации там двух зон промышленного производства – Колымо-Индибирской и Нижне-Ленской. В каждой из этих зон он предложил создать по рыбкомбинату, который был бы подчинен единому центру управления в республике. В свою очередь, сами комбинаты должны были иметь «по одному – два рыбзавода с законченным циклом производства и учета», а также «необходимую сеть приемо-обрабатывающих пунктов» [7, л. 126–136].

Примечательно, что отдельным пунктом в резолюции, принятой по итогам работы секции, значились инициативы, касающиеся комплексного развития сельского хозяйства северных районов Якутии, которые

включали мероприятия по «всемерному расширению исконных отраслей – оленеводства, охотничьего и рыбного промыслов, пушного звероводства...», введение во всех колхозах региона пастбищеоборота, интенсификации лугомелиоративных работ, разработке специализированной техники, создание единого государственного комплексного торгово-заготовительного, сбытового и производственного предприятия для всех северных районов РСФСР с центром в Москве и на местах, в т.ч. в 15 районах Якутии (Абыйский, Анабарский, Аллаиховский, Булунский, Верхне-, Средне- и Нижнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Оймяконский, Оленекский, Саккырырский, Томпонский и Усть-Янский) [7, л. 217–225].

В.С. Рыбников и другие сотрудники отдела экономики принимали активное участие в деятельности Северо-Восточной комплексной экспедиции Якутского филиала Сибирского отделения (СО) АН СССР (СВКЭ), проводившейся в 1959–1962 гг.

В августе-сентябре 1959 г. под руководством В.С. Рыбникова осуществляла исследования экономическая группа рыбохозяйственного отряда СВКЭ. Изыскания проводились на моторной лодке по маршруту Батагай – Нижнеянк с целью рекогносцировочного обследования состояния рыболовства на Яне. Проведение опросов и личные наблюдения участников исследований позволили установить места лова рыбы, встречающиеся на них виды и примерные количественные показатели добычи [4, л. 1–10].

На основе собранного эмпирического материала исследователи разработали ряд практических рекомендаций по оптимизации рыболовной деятельности на Яне. Рекомендации включали в себя предложения о варьировании численности работников Усть-Янского рыбзавода в зависимости от сезона (увеличение на период путины), передачи производства бочкотары Верхоянскому промкомбинату с соответствующим обеспечением ее перевозки судами Янского речного пароходства, а также доставки готовой продукции из рыбзавода в районы потребления. Кроме того, рекомендовалась организация лова чира в ряде мест, не используемых ранее, а также ограничения на добычу муксуна, нельмы, омуля и ряпушки в целях восстановления популяции этих видов [4, л. 11–14].

В 1962 г., резюмируя результаты полевых работ, проведенных в рамках СВКЭ ЯФ СО АН СССР, а также изучения отчетных материалов местных совхозов и обзора научной литературы, В.С. Рыбников продолжил свои экономико-ихтиологические исследования, подготовив подробный отчет, в котором были проанализированы состояние рыболовной отрасли в северо-восточных районах Якутии и перспективы ее развития [5, л. 1–51].

Ученый аккумулировал сведения о показателях вылова рыбы, средней себестоимости и среднетоварной цены на нее, задействованных в развитии отрасли колхозных бригад и рыбаков, оснащении хозяйств необходимым промысловым инвентарем, выполнении планов по сдаче

продукции государству, объему заготовки предприятиями Якутии и др. При этом В.С. Рыбников достаточно скептически отнесся к существующему в отрасли порядку вещей. Среди наиболее негативных черт, характеризующих рыболовное хозяйство региона, он, в частности, назвал промысел в устьях крупных рек и приморских участках, регулярный перелов рыбы в бассейнах Яны, Индигирки и Колымы, производившийся, зачастую, за счет добычи неполовозрелых особей и молоди, по своим качественным показателям мало пригодных для потребления, использование запрещенных орудий лова. Все это приводило к «быстрому изъятию» рыб, не успевавших оставить потомство и, естественно, отрицательно сказывалось на численности популяций. Такой подход, по его мнению, был адекватен в годы Великой Отечественной войны (в 1943 г. почти 37 тыс. ц рыбы было выловлено только на Яне, что вскоре привело к резкому сокращению возможностей добычи – 1,2 тыс. ц в 1949 г.), но никак не мог оправдать себя в исследуемый период.

Критику ученого вызвало и рассредоточение производства рыбной продукции в нескольких, разбросанных по Якутии организациях. Это, по его данным, приводило к т.н. «встречным перевозкам» рыбной продукции. Например, Усть-Янский рыбзавод ежегодно вывозил свою продукцию из п. Кресты Верхоянского района в Якутск. В свою очередь, Янский и Депутатский продснабы систематически завозили рыбную продукцию в тот же Верхоянский район из других регионов. В результате, как отметил исследователь, «только в 1959 г. на встречные перевозки было затрачено 514 тыс. руб. и было заморожено 970,5 тыс. руб. На эти деньги можно было бы построить три рыбоводных завода...». Вызвало у ученого вопросы и качество производимой продукции. Так, были забракованы все 303 центнера поступившей в 1960 г. в Якутск продукции Усть-Янского рыбзавода.

Немаловажным негативным фактором было названо также отсутствие промысловой разведки, из-за чего не осваивалось множество перспективных водоемов региона. В связи с этим, В.С. Рыбников отметил недостатки, существующие в организации рыбохозяйственной науки Якутии. Проведением соответствующих исследований занимались две структуры – Ихтиологическая лаборатория Института биологии ЯФ СО АН СССР, а также Якутское отделение Государственного научно-исследовательского института озерного и речного рыбного хозяйства (ГосНИОРХ). Их работа «слабо координировалась между собой», а малочисленный штат (в лаборатории было всего 6 сотрудников) не позволял проводить изыскания в необходимых масштабах и с достаточной степенью оперативности.

В.С. Рыбников подробно остановился и на проблеме ценообразования – розничные цены формировались без учета вкусовых качеств, жирности и питательности различных пород промысловых рыб. Решить эту проблему были призваны произведенные ученым расчеты оптимальных заготовительных и розничных цен, одним из важнейших критериев ко-

торых было качество поставляемого сырья. Цены, в частности, предлагалось дифференцировать в зависимости от периода лова рыбы (зимняя, как правило, дороже) и размеров. Последнее подразумевало и упразднение заготовительных цен на маломерную рыбу, что было призвано повысить качество производимой продукции и обеспечить сохранность популяций – вылов молодежи терял бы экономический смысл.

Среди других рекомендаций, разработанных ученым, были: прекращение рыболовецкой деятельности в устьевых участках Яны, Индигирки и Колымы, что позволило бы, по его мнению, вскоре увеличить вылов крупной рыбы в низовьях и средних течениях рек; организация искусственного рыбозаведения на Яне; промысловое освоение богатых рыбой озер северо-востока Якутии; механизация лова и переработки рыбы на местах; поставка в регион рефрижераторных катеров; строительство больших ледников в поселках Куйга и Батагай; упорядочение системы поставок рыбной продукции для ликвидации «встречных перевозок»; объединение Ихтиологической лаборатории Института биологии ЯФ СО АН СССР и Якутского отделения под эгидой Академии наук с укреплением кадрового потенциала новой структуры; создание Министерства рыбной промышленности ЯАССР [5, л. 30–51].

Совместно с Ф.И. Головных и Е.Д. Конниковым В.С. Рыбников также подготовил отчет о состоянии и перспективах развития сельского хозяйства в северо-восточных районах Якутии. В отчет, который был написан на основе полевых исследований, проведенных авторами в рамках СВКЭ в 1959–1961 гг., изучения плановой и отчетной документации по деятельности совхозов, колхозов и подсобных хозяйств, материалов Якутской землеустроительной экспедиции Министерства сельского хозяйства РСФСР, Якутского статистического управления и научной литературы, естественно, вошли многие из положений, разработанных в рассмотренных выше работах Е.Д. Конникова и В.С. Рыбникова. Вместе с тем, следует отметить скрупулезный анализ собранного материала при рассмотрении современного состояния скотоводства, коневодства и земледелия (площадь угодий, динамика поголовья и производства продукции, ее себестоимость и др.) в регионе. Исследователи определили важнейшие проблемы, аналогичные для названных отраслей, установили имеющиеся и потенциальные ресурсы по увеличению производства мяса, молока, картофеля и других овощей. Одновременно были даны рекомендации, касающиеся целесообразной специализации совхозов и колхозов северо-востока ЯАССР, перспектив отдельных видов животноводческой и плодоовощной продукции, рационализации деятельности аграриев, повышения технической оснащенности сельскохозяйственных предприятий [6, л. 1–172].

Таким образом, в рассмотренный период сотрудники Академии наук СССР приняли активное участие в разработке научных основ развития сельского хозяйства в арктических районах Якутии. Учеными были выявлены ключевые проблемы в аграрных отраслях, а также намечены

пути их развития. Реализация на практике подготовленных исследователями предложений, естественно, сталкивалась с рядом объективных и субъективных трудностей. В частности, инициативы по снижению себестоимости и повышению качества продукции рыбной промышленности были крайне трудно выполнимы на практике в условиях плановой экономики. С большим трудом, в том числе, и благодаря совместной деятельности ученых различной специализации, удалось минимизировать издержки, связанные с внедрением на севере Якутии нетрадиционных отраслей сельского хозяйства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Якутского научного центра (Архив ЯНЦ) СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 151.
2. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 161.
3. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 162.
4. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 189.
5. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 199.
6. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 10. Д. 13.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 399. Оп. 1. Д. 782.
8. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 786.

Винокурова Лилия Иннокентьевна

О РЕКОНСТРУКЦИИ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ АРКТИЧЕСКИХ И СЕВЕРНЫХ СЕЛ ЯКУТИИ: ИЗ ОПЫТА ПОЛЕВЫХ РАБОТ

Аннотация. В статье рассмотрены ресурсы и возможности реконструкции повседневной жизни эпохи социализма в северных и арктических селах Якутии; анализируются источники для изучения сельской истории, оценены региональные особенности наличия и сохранности документальной базы. Подчеркивается ценность полевых работ и необходимость срочной фиксации устной истории, отражающих социальные события в сельских поселениях.

Ключевые слова: история повседневной жизни, коренные народы, сельская Якутия, Север, Арктика

Vinokurova Liliia Innokentievna. RECONSTRUCTION OF THE SOVIET EVERYDAY LIFE IN THE ARCTIC AND NORTHERN VILLAGES OF YAKUTIA: FROM THE EXPERIENCE OF FIELD WORK

The article discusses the resources and possibilities for the reconstruction of soviet everyday life in the northern and arctic villages of Yakutia; regional features of the availability and preservation of the documentary base are estimated. The special value of field work and the need to urgently fixation of the oral history of rural settlements is emphasized.

Keywords: everyday life history, indigenous peoples, rural Yakutia, the North, the Arctic

Настоящая статья написана в рамках сборника материалов полевой сессии, посвященной памяти Н.А. Алексеева, известного российского специалиста по истории религии сибирских народов, по культурной истории народов Севера и Якутии. На этой уже ставшей традиционной встрече в Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН специалисты разного профиля гуманитарных наук делятся итогами своих полевых работ. Вниманию аудитории предлагаются интересные находки, впечатления от экспедиций и поездок по территории своих работ, апробируются подходы и методы, выводы и рефлексии, заключающие полевой сезон. Наши исследования по социальной истории

Винокурова Лилия Иннокентьевна

к.и.н., в.н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГиПМНС СО РАН; lilivin@mail.ru

Vinokurova Liliia Innokentievna

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of the History and Ethnology Arctic Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

сельской Якутии уже презентовались на полевых сессиях, но здесь мы остановились на отдельной теме реконструкции повседневности советских сёл Якутии.

Изучение истории повседневности является относительно новым, но одним из плодотворных направлений современных гуманитарных исследований. В отечественной историографии уже сформировались свои школы и сложился обширный круг научной литературы, отражающий существующие теоретические взгляды и их интерпретации на российском материале. С учетом нашего прямого интереса к территории сельской Якутии в хронологических рамках позднего социализма, здесь ограничимся указанием только тех направлений и авторов, чьи труды представили наибольшую поддержку в наших полевых исследованиях. В историографической базе среди ценнейших – труд В.Б. Безгина, относящийся к другому периоду на материалах центральной России, но освещающий все главные контуры реконструкции отечественной сельской повседневности [1]. Нами также были востребованы труды специалистов по аграрной истории России, в которых содержатся методы характеристики жизнедеятельности сельских жителей, фрагменты реконструкции советской и пост-советской реальности в селах России [3, 4, 6, 7].

Среди принципиально важных для нас публикаций следует указать работу Бердинских В., чьё мнение по главному моменту в процессах сохранения сельской истории мы разделяем: «История молчаливого большинства населения России прошлых эпох – русского крестьянства *еще не написана* [выделено нами – Л.В.]. Между тем через пять – десять лет уйдут в небытие последние люди, сохранившие в памяти духовный облик России – страны крестьянской» [2, с. 11]. К сожалению, мы на материалах республики не успели создать специализированное академическое направление, которое бы провело работу по фиксации и сохранению сельской устной истории. Но для человека, который изберет темой своей жизни исследование истории сельской Якутии, существует, наряду с неизведанными источниками, массив уже собранного и не востребованного материала.

Исследователи истории советской повседневности оперируют в своих изысканиях разными источниками, в т.ч. и традиционными: новые выявленные архивные документы, документальные публикации, фото- и видеодокументы в сочетании с вещественными артефактами исследуемой эпохи. Работа исследователя повседневности означает поиск в государственных и муниципальных музеях, анализ семейных коллекций и рукописных фондов в государственных и частных хранилищах. Можно обратиться к большому кругу исторических, экономических и социологических трудов, освещающих советский период истории. Пусть в них ставились иные зада-

чи, далекие от повседневных аспектов жизнедеятельности, но «просеяв» богатый эмпирический материал предшественников, можно извлечь полезные для реконструкции повседневности факты и сведения. Бесспорно, работа с источниками по истории сельской повседневности подразумевает их комплексный сравнительный анализ с перекрестной проверкой документов совпадающих хронологических периодов.

В случае с реконструкцией повседневной истории отдаленных северных и арктических сел Якутии дорог каждый информативный источник. В своей практике мы много обращались к методам устной истории, используя также материалы местных архивов, краеведческой и мемуарной литературы, советской прессы. Собранные источники позволяют реконструировать повседневность обследованных сёл достаточно достоверно. По крупицам, из отдельных, кажущихся малозначимыми, обыденных фактов и событий, собиралась целостная картина прошлого. Восприятие внешнего облика сел жителями, переживание быта и вещного мира, лица и голоса, сохранившиеся в письмах и протоколах, передают объемную реальность, обладающую «звучом и запахом Времени»: уже забытого недавнего советского прошлого – неотделимой части истории сельской Якутии, истории Российского Севера и Арктики.

В течение многих лет нами собирались и анализировались документальные источники по истории сельской местности Якутии. Отдельное внимание было уделено истории сельской повседневности, в частности, в локальных сообществах центральной и северной части республики. История сельской Арктики была освещена на полевых материалах по Булунскому, Усть-Янскому, Верхоянскому и Нижнеколымскому улусам. Следует признать, что полевые работы в разных этнокультурных районах Якутии обнаруживают, что группы источников сохранились неоднородно и неравнозначно, по этой причине не могут считаться репрезентативными.

В нашем случае, особенно трудно было со свидетельствами повседневности в арктических сельских поселениях. В силу региональной специфики: отсутствия корпуса отложившихся семейных архивов, сельских эпистолярных архивов, приходилось выявлять письменные документы, напр., периода 1960-х гг. буквально поштучно. В централизованных фондохранилищах республики также мало документов, раскрывающих элементы повседневных забот рядовых граждан, живших в советских арктических и северных селах. В их случае, скудно отложились даже такие распространенные источники как письма и обращения, что вряд ли можно считать отсутствием каких-либо социальных проблем у жителей из малых и отдаленных сел Севера.



*Рис. 1. Во время полевых работ в Верхоянском улусе (районе) Якутии. 2013 г.
Фото из архива автора*

Подчеркиваем, что не только для арктической, но и всей сельской глубинки республики характерно наличие специфического фонда фотодокументов. В локальных муниципальных или частных архивах, на первый взгляд, эпоха социализма оставила достаточный «след». Но анализ данных фотографий показывает, что для сельских жителей периода 1960-1970-х гг. фотографирование оставалось нерядовым событием, не простой фиксацией текущей рабочей, бытовой семейной обыденности. Семейные архивы полны фотографий, в частности, 1970-х гг., приуроченных к определенным событиям: документы на паспорт, на комсомольский билет, парные семейные снимки и снимки с детьми.

Очень было интересно фиксировать, в каком формате, в какой композиции они хранились в альбомах или на стенах домов, что рассказывали наши собеседники, разглядывая эти фотографии эпохи социализма. Была, напр., практика в сельской глубинке Якутии в 1970-е гг. развешивать фотографии всех членов многопоколенной семьи на «парадной» стене. Фотографии заказывались заезжему мастеру фотосъемки, оплачивались заранее, пакет с распечатанными фотографиями приходил по почте. Именно поэтому в этот период в сельской глубинке появляются серии цветных фотографий. Часто их оформляли в однотипные картонные рамки и помещали на видном месте, чаще всего в комнате, которая служила и гостиной, и столовой, и комнатой для отдыха семьи.

Осматривая фотографии, давно снятые со стен и хранящиеся в коробках, хозяева, изображенные еще детьми и подростками, рас-

сказывали о своих родителях, о школьных годах, о времяпровождении в зимнее или летнее время. Подтверждалось наше предположение, что сельское детство в годы социализма всегда было наполнено посильной сезонной работой. При этом производственная тематика мало присутствует на фотографиях. В местных музеях и муниципальных архивах доминируют постановочные фото, сделанные для стенных газет, «досок почёта» или оставшиеся как свидетельства визитов важных официальных лиц. В северных селах фотографий, отражающих реальные трудовые будни, обыденные хлопоты или простые человеческие радости, ощутимо меньше. Но тем ценнее снимки, отражающие трудовые занятия или радостные минуты жизни сельских жителей, живших в эпоху позднего социализма. Для коллег – историков культуры повседневности благодатным источником могут служить фотографии по праздничным датам: с новогодних мероприятий, с советских парадов и т.д.



*Рис. 2. Молодые люди вышли на парад к 60-летию Октябрьской революции.
7 ноября 1977 г. Фото из архива автора*

Существует богатый пласт якутоязычных источников по ушедшей эпохе: воспоминания ветеранов колхозного и совхозного производства, организаторов и руководителей аграрных отраслей, в совокупности освещающих историю якутского села. Думается, что один только контент-анализ данных текстов, созданных с позиций рядового колхозника и рабочего, с одной стороны, и с точки зрения признанного организатора, советского или партийного руководителя советской эпохи, мог бы высветить интересные «углы и пустоты» уходящей с очевидцами эпохи.

В ходе полевых работ мы старались также зафиксировать остатки внешнего вида сельских построек периода социализма, элемен-

тов внешней визуальной атрибутики тех лет: малые архитектурные формы, символика, памятники и т.п. Несмотря на уязвимость деревянных построек перед лицом исторических потрясений, в небольших отдаленных поселениях сохранились хозяйственные постройки и жилые дома, относящиеся не только к позднему социализму, но к более ранним периодам истории. Как известно, во второй половине XX в. постепенно исчезла традиционная система расселения народов Якутии, сложилась современная, существующая в общих чертах до настоящего времени.

В ходе советского поселкования, череды укрупнений и переселений, часть построек была заброшена и впоследствии уничтожена. Часть жилых домов, придомовых хозяйственных построек была перевезена сельскими жителями на новые места постоянного проживания. В якутских сёлах сохранилось много старых построек, относящихся к рубежу 1950-1960-х гг., есть даже строения начала XX в. В северных поселках, по понятным историко-культурным причинам их формирования, в качестве старых фигурируют больше строения периода 1970-1980-х гг.



*Рис. 3. Постройки 1970-х гг. в Верхоянском улусе (районе). 2013 г.
Фото из архива автора.*

В ходе полевых работ в северных селах удалось собрать, кроме материалов непосредственно по истории повседневности, по истории гендера, ещё и ценнейшую информацию по истории природных катастроф. Так, в Верхоянском улусе (районе) с нового ракурса открылись аспекты экстремальной повседневности, когда сельские общины коллективно противостоят внешней угрозе. Удивительно, что в разных российских регионах актуализируется необходимость изучения традиционного опыта применительно к условиям растущих рисков политических и экономических катаклизмов [7], что созвучно нашим прежним заключениям о ревитализации традиций народов Якутии в условиях кризисов и природных катаклизмов. При анализе локальных примеров функционирования сельских общин обнаруживаются интересные сочетания тра-

диционных и современных практик, имеющих, в отдельных случаях, прикладное социальное значение.

В качестве заключения к небольшому обзору опыта реконструкции повседневной жизни малых сел северных и арктических районов Якутии хотелось бы остановиться на следующих моментах. Мы коснулись лишь внешнего «каркаса» и отдельных компонентов прошлой жизни сельских жителей. Но «включенное» пребывание в сельской местности, живое общение со старожилами и с краеведами, «проживание» локальных историй людей или местностей открывают новые аспекты для исследований, порой обнаруживая возможности для сбора материалов на казавшемся пустом поле работы. Нужно торопиться, т.к. остались последние знатоки, в частности, традиционных норм и правил коллективной жизни в сельских общинах.

Полевые работы в северных и арктических районах республики убеждают также в том, что изучение истории повседневности должно опираться на разнообразную, многоплановую базу источников. Собранные материалы устной истории, эмпирических данных могут и должны быть дополнены, «подсвечены», напр., свидетельствами, извлеченными из художественной литературы, рефлексирующей все главные исторические процессы. Кроме русскоязычной беллетристики и мемуаров людей, имеющих опыт жизни на Севере, существует литература на языках коренных народов Якутии. Предполагаем, что богатство данного источника, существующего на русском и на языках народов республики, превышает возможности его интерпретации в пределах одной исторической дисциплины. Прежде всего, в реконструкции ментального пространства повседневности ушедшей эпохи, которая в совокупности с прямыми источниками, помогла бы услышать голоса оставшихся «немыми», ощутить хотя бы общую атмосферу исчезающего сельского мира.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов: Изд-во ТГУ, 2004. 303 с.
2. Бердинских В. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М.: Ломоносовъ, 2011. 328 с.
3. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия/ Сост. Т. Шанин. М.: Прогресс-Академия, 1992. 432 с.
4. Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах/ Сост. Е.М. Ковалев. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.
5. Полевые материалы автора (ПМА), собранные в сельских улусах(районах) Якутии в 2008-2018 гг.
6. Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России/ Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др.; / Под ред. Т. Ша-

нина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, “Российская политическая энциклопедия” (РОССПЭН), 2002. 592 с.

7. Санникова Я.М., Филиппова В.В. Советская аграрная политика на Колыме: население и хозяйство в 1920-1930-е гг. //Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 150-152.

8. Трошина Т. Парадоксы современности: к вопросу об актуальности историко-этнографических исследований // Рябининские чтения – 2015. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2015/1517.html>

Егоров Петр Михайлович

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В СЕЛЬСКИХ АРКТИЧЕСКИХ И СЕВЕРНЫХ РАЙОНАХ ЯКУТИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ 1970-1980-Х ГГ.

Аннотация. В статье рассматривается государственная молодежная политика Советского государства в отношении молодежи в сельских арктических и северных районах Якутии в 1970-1980-х годах. Советское руководство ставило себе задачи закрепления молодых кадров на селе, эффективное их участие в производстве материальных благ и улучшение идейно-нравственного поведения молодежи. Проводником этой политики являлся комсомол. Источники данных для исследования включают как опубликованные материалы, так и архивные документы, некоторые из которых впервые введены в научный оборот.

Ключевые слова: сельская молодежь Арктики, Якутия, молодежная политика, государство, комсомол, ВЛКСМ, КПСС, модернизация.

Egorov Petr Mikhailovich. YOUTH POLICY IN THE RURAL ARCTIC AND NORTHERN REGIONS OF YAKUTIA: HISTORICAL EXPERIENCE OF 1970-1980

The article discusses the state youth policy of the Soviet state with respect to rural youth in rural Arctic and northern regions of Yakutia in the 1970-1980s. The Soviet leadership set itself the task of securing young cadres in the countryside, their effective participation in the production of material goods and the improvement of the ideological and moral behavior of young people. The guide of this policy was the Komsomol. Data sources for research include both published materials and archival documents, some of which were first introduced into scientific circulation.

Keywords: rural youth of the Arctic, Yakutia, youth policy; state, Komsomol, Soviet Union, modernization.

Молодёжь в любом государстве составляет существенную часть населения страны, ее роль в жизни социума имеет важное политическое и социальное значение. Волна социальных восстаний и гражданские беспорядки в начале XXI века продемонстрировали готовность молодежи противостоять мощным режимам и инсти-

Егоров Петр Михайлович

к.полит.н., н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики, ИГиИПМНС СО РАН, pm77@mail.ru

Egorov Petr Mikhailovich

Candidate of Political Science, Research Fellow of the Department of History and Ethno-sociology Arctic Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

тутам – даже вопреки угрозе жестокости полиции, и насилия [14, с.3].

С 1960-х годов советское государство более активно проводило свою молодежную политику, направленную на идеологическое воспитание молодых мужчин и женщин, а также были приняты и опубликованы общие решения партийно-государственных и комсомольских органов (ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ и Совета Министры СССР) [7].

В советский период реализация государственной молодежной политики основывалась на коммунистической идеологии и решениях правящей партии [12]. Проводником этой политики КПСС был комсомол, при этом основное внимание уделялось идеологическому коммунистическому воспитанию молодого поколения. Эта позиция объяснялась внутренней и внешней политикой государства, направленной на построение коммунистического общества в сложных социально-экономических условиях внутри страны (коллективизация, индустриализация) с постоянной внешней опасностью (Гражданская война, Вторая мировая война, холодная война и гонка вооружений с западными странами) [6].

Впрочем, отношение к молодежи в Советском Союзе в условиях командно-административной системы оставалось патерналистским [10]. В 1970-х и 1980-х гг. роль сельской молодежи нарастала, она энергично участвовала в социально-экономических процессах, протекающих в сельских районах страны, и представляла собой существенную часть и основной ресурс пополнения рабочей силы для сельскохозяйственного сектора экономики. Молодые люди в возрасте от 16 до 29 лет составляли 20% всего сельского населения СССР. За данный период доля рабочей молодежи в общем числе сельскохозяйственных рабочих составляла 30,5%, а 25% колхозников были моложе 30 лет. Каждый третий работник совхоза Якутской АССР был молодым человеком. 8,3 тыс. молодых людей из общего числа рабочих в совхозах республики были выпускниками средних общеобразовательных школ, и только 0,9 тыс. имели среднее профессиональное образование [4, с. 3].

Закрепление молодых кадров на селе, активное их участие в производстве материальных благ, возрастание их гражданской ответственности и совершенствование идейно-нравственного поведения имели большое общественное и экономическое значение. В сельском хозяйстве Якутской АССР насчитывалось на тот момент около 4 тыс. трактористов, 2 тыс. шоферов, 800 доярок машинного доения, 400 наладчиков и ремонтников сельхозтехники. По данным Министерства сельского хозяйства ЯАССР на 1 января 1976 г. для сельского хозяйства требовалось 5345 трактористов-машинистов, 990 доярок машинного доения, 320 механизаторов животноводческих ферм [1, с.59]. К 1970 году Комсомольская организация

Якутии объединяла в своих рядах 51500 юношей и девушек. В том же году вступили в ряды ВЛКСМ 6986 чел. [15]. В сельском хозяйстве республики действовало более 400 комсомольско-молодежных коллективов [16]. Существовала практика директивного направления молодежи в различные сферы экономики, так за 1977 г. по комсомольским путевкам были направлены в промышленность около 800, в сельское хозяйство свыше 2500 юношей и девушек [17].

Советское руководство уделяло пристальное внимание задачам последующего подъема сельского хозяйства, понимая что, модернизация, специализация и концентрации сельскохозяйственного производства могут быть исполнены не только путем всеобщего увеличения числа работников механизированного труда, но и в результате значительного омоложения их возрастной структуры. Новый этап развития сельского хозяйства был невозможен без систематической подготовки квалифицированных кадров для сельского хозяйства преимущественно из молодежи. Именно молодые образованные люди могли ликвидировать значительную нехватку в квалифицированных кадрах сельскохозяйственного производства. При этом сельская работающая молодежь, должна была обеспечить более результативное применение техники, значительное изменение соотношения между, механизированным и ручным трудом в пользу первого, возрастание научно-технического потенциала сельскохозяйственного производства.

Задачи существенной перестройки общественного облика работающей молодежи села в свете современных требований было невозможно реализовать одними только способами организационного и идейно-политического характера. Их осуществление должно было зависеть в основном от уровня индустриализации, интенсификации и внедрения, достижений научно-технической революции в сельскохозяйственное производство. В Якутской АССР для совершенствования общественно-экономических условий сельскохозяйственного труда, усиления его творческого начала, всемерного сокращения ручного, малоквалифицированного и тяжелого физического труда потребуются еще много времени [9].

В этой связи были поставлены задачи по улучшению образования молодежи - обеспечению тесного единства идеологического, политического, трудового и нравственного воспитания юношей и девушек с учетом всех особенностей современного развития деревни. Единство образования, просвещения и духовно-нравственной подготовки в процессе труда и социально-политической деятельности могло бы обеспечить развитие желаний и способности самообразования в современном молодом поколении, сбалансировать их желания и действия с социальными принципами и нормами, с потребностями общества в квалифицированном сельскохозяйственном персонале.

Было отмечено, что в условиях зрелого социализма задачи идеологического и нравственного воспитания молодого поколения не упрощаются. Напротив, «можно говорить об усложнении этих задач, о диктуемой жизнью необходимости поиска более эффективных решений многих, казалось бы, очевидных, привычных вопросов труда, обучения и воспитания юношества» [11, с. 9].

Отмечается, что за этот период произошла значительная модернизация в жизни деревни, интенсификация и индустриализация сельскохозяйственного производства, а благосостояние сельских рабочих увеличилось. Это привело к изменению ценностных ориентаций молодежи, ведущим мотивом жизненных планов для подавляющего большинства сельской молодежи было не материальное благополучие, а желание получить интересную профессию и заняться захватывающей работой. Это привело к расхождению между желанием молодых людей предпочесть интересную профессию и вероятность ее получения в производстве совхозов. Советские хозяйства Якутской АССР не могли обеспечить молодежь интересной работой; в животноводстве по-прежнему преобладал тяжелый физический труд. На работу в совхозы шли в основном выпускники средних школ, которые не имели профессионального образования или не смогли поступить в специализированные учебные заведения. Это привело к тому, что молодые люди, занятые тяжелой работой в сельской местности, имели комплекс неполноценности и разочарование.

Однако особенность сельскохозяйственного производства, медленное внедрение механизации в традиционные виды занятий, отразилась на формировании профессионально-квалификационных групп работников. В деревнях по-прежнему была большая часть рабочих, не связанных с работой на машинах. Это были в основном представители традиционных профессий: охотников, пастухов и рыбаков [13, с. 37-51]. В целях привлечения молодых мужчин и женщин к традиционным секторам народного хозяйства, в частности, к оленеводству в арктических районах Якутии в начале 1970-х гг. возникло движение «олeneводство - в руки молодых».

В советский период велась работа по улучшению производства и условий жизни охотников, оленеводов и рыбаков на производственных объектах. Были созданы портативные электростанции, портативные радиоприемники, вертолеты, самолеты для доставки товаров и почты, созданы пункты сбора с улучшенными условиями жизни (агитационные палатки, бани, магазины и т. д.). Но характер работы оленеводов и охотников не претерпел существенных технических изменений.

Переход в исторически короткое время, к принципиально новой по содержанию работе, также определил специфику эволюции отношений к ней, трансформацию старого и усвоение новых ценно-

стей. Раньше работа охотника, оленевода носила индивидуальный характер, который определялся и регулировался самим исполнителем. Виды занятий, помимо оленеводства, были эпизодическими и сезонными, и, соответственно, регулирование труда было связано с природными условиями и, следовательно, не было четкой дифференциации рабочего и свободного времени.

Консервация традиционного типа занятий не устраивала молодых людей, которые усвоили плоды технического прогресса. Поколение молодых людей 1970-1980-х гг. не видело никаких перспектив в обычной работе оленевода и охотника, и соответственно искало другие виды занятий, которые стимулировали бы их последующий рост.

Как отмечала Кузьмина Р.А. в своем исследовании, что значительная часть сельской трудящейся молодежи не удовлетворена характером своего труда, уровнем механизации совхозного производства, стремится к овладению промышленными профессиями и техникой. Не на надлежащем уровне поставлена работа по производственной адаптации молодых рабочих в совхозах. Во многих случаях вчерашние десятиклассники, не подготовленные к определенной профессии и исполняющие утомительный, однообразный ручной труд, теряются в общей массе работающих, выпадают из поля зрения общественности. В результате многие юноши, и девушки рассматривают свой труд в совхозе как временное, вынужденное занятие. На этой почве появляются такие нежелательные явления, как равнодушие, нерадивость, гражданская пассивность, а иногда и безнравственность [8, с. 34].

В середине 1980-х гг. в стране стал углубляться коллапс всех сторон социальной жизни, непосредственным следствием неэффективной политики в отношении молодёжи стало то, что коммунистическая партия перестала пользоваться поддержкой молодого поколения. Неудовлетворенность решением насущных задач молодёжи органами государственной власти, партийного руководства, безусловно, переносилась и на молодёжную организацию. Комсомол в свою очередь, не сумел, да и не мог выразить интересы всех молодых людей. ВЛКСМ сам находился в глубоком кризисе и регрессе, выраженном в потере авторитета комсомола, в быстром сокращении численности комсомола, в распаде всей организационной структуры и коммуникаций, в возникновении бесчисленных неформальных объединений молодёжи, в скептицизме и росте преступности среди молодёжи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Баланов И.П., Архипов Н.Е. Подготовка рабочих кадров сельского хозяйства // Региональные социально-экономические проблемы Якутской АССР. Якутск, 1976. С. 59-60.

2. Васильев Н.В. Характер и тенденции социально-профессиональных перемещений эвенской и эвенкийской молодежи // Сельская молодежь Якутии. Якутск, 1976. С. 37-51.

3. Горохов В.В. Вклад комсомольцев и молодежи района в развитие оленеводства // Оленекский улус: история, культура, фольклор. Якутск: Бичик, 2015. С. 211-221.

4. Иванова Н.П. Сельская молодежь Якутии (середина 60-х - 70-е годы): автореферат дис. ... кандидата исторических наук / Якутский ин-т языка, литературы и истории. Якутск, 1990. 20 с.

5. Ильинский И.М. Государственная молодежная политика в СССР. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2017. 432 с.

6. Королева Т.М. Молодежная политика Советского государства и ее реализация в Восточной Сибири (середина 1950-х–1991 гг.): автореферат дис. на соискание ученой степени док. истор. наук. Улан-Удэ, 2015. 33 с.

7. Королева Т.М. Нормативно-правовая база государственной молодежной политики в период с 1960-х по 1980-е гг. // Вестник Томского университета. 2009. № 321. С. 98-101.

8. Кузмина Р.А. Некоторые аспекты отношения к труду молодых рабочих совхозов // Сельская молодежь Якутии. Якутск, 1976. С. 23-36.

9. Курс – специализация и концентрация. Доклад Председателя Совета Министров Якутской АССР И.И. Петрова на собрании областного партийно-хозяйственного актива // Социалистическая Якутия, 1976. 30 июня

10. Мацуев А.Н. Опыт и уроки реализации молодежной политики в СССР: автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1992. 19 с.

11. Машеров П.М. XXV съезд КПСС и актуальные проблемы коммунистического воспитания молодежи [Текст]: Докл. на Всесоюз. науч.-практ. конф. в Минске (июнь 1976) / П.М. Машеров. Москва: Мол. гвардия, 1976. 48 с.

12. О 50-летию ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи: Постановление ЦК КПСС от 3 окт. 1968 г. М.: Мол. гвардия, 1968. 15 с.

13. Об общих началах государственной молодежной политики в СССР. Закон СССР от 16 апреля 1991 № 2114-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dokipedia.ru/document/5177989> (дата обращения 22.09.2018)

14. Alex Farrow. Children, young people and participation. Youth Policy Working Paper. Berlin. July. 2016. – p.12.

15. Национальный архив РС(Я). Ф.35. Оп.76. Д. 38.

16. НА РС(Я). Ф.35. Оп.136. Д. 142.

17. НА РС(Я). Ф.35. Оп.25. Д. 59.

Никитина Саргылана Егоровна

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В С. ПОХОДСК НИЖНЕКОЛЫМСКОГО РАЙОНА
И С. РУССКОЕ УСТЬЕ АЛЛАЙХОВСКОГО УЛУСА (РАЙОНА)
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)**

Аннотация. В 2012–2014 гг. в рамках Государственного целевого проекта Республики Саха (Якутия) состоялась комплексная научно-исследовательская экспедиция, предпринятая сотрудниками Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН с привлечением сотрудников Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая по исследованию феномена русских арктических старожилов рр. Индигирки и Колымы (сс. Русское Устье и Походск). В статью вошли результаты исторических, антропологических, социокультурологических, диалектологических исследований современной ситуации русских старожилов Республики Саха (Якутия).

Ключевые слова: русские арктические старожилы, Республика Саха (Якутия), Русское Устье, Походск, язык, культуры, фольклор, этническое самосознание, сохранность традиций, научные экспедиции.

Nikitina Sargylana Egorovna. THE RESULTS OF THE LINGUISTIC AND CULTURAL EXPEDITION RESEARCH IN POKHODSK VILLAGE OF THE NIZHNEKOLYMSKY DISTRICT AND RUSSKOYE USTYE IN THE ALLAIXHOVSKIY ULUS (DISTRICT) IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

In 2012-2014, as the state target project of the Republic of Sakha (Yakutia), a comprehensive research expedition was carried out by the staff of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences with the staff of the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay the study of the phenomenon of Russian Arctic old-timers of Indigirka and Kolyma rivers. The article includes the results of historical, anthropological, socio-cultural, dialectological studies of the current situation of Russian old-timers of the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: Russian Arctic old-timers, Republic of Sakha (Yakutia), Russkoye Ustye, Pokhodsk, language, cultures, folklore, ethnic consciousness, save of traditions, scientific expeditions.

Никитина Саргылана Егоровна

к.и.н, н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГиПМНС СО РАН; sarg_nik.ykt@mail.ru

Nikitina Sargylana Egorovna

Candidate of Historical Sciences, Research Fellow of the Department of Archaeology and Ethnography
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences

В 2012–2014 гг. в рамках Государственного целевого проекта научно-исследовательских работ «Лингвокультурологическая экспедиция “Русские старожилы на Северо-Востоке России в XVII–XXI вв.: опыт культурно-созидательного освоения Арктики (сс. Русское Устье, Походск Республики Саха (Якутия)»» (руководитель С.Е. Никитина) была предпринята комплексная экспедиция силами отдельных отрядов для проведения полевых исследований на территории компактного проживания русских арктических старожилов севера Республики Саха (Якутия). Исследователи руководствовались целью: на основе изучения историографических, архивных, выявления новейших лингвистических, исторических, антропологических, фольклорных материалов показать этнокультурный феномен хозяйственного и культурного освоения Арктики русскими арктическими старожилыми Республики Саха (Якутия), исторический опыт их успешной адаптации в чуждой природной среде, в изоляции от генеральной русской цивилизации.

В комплексном междисциплинарном исследовании приняли участие ученые: антрополог, кандидат биологических наук Г.А. Аксянова (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, г. Москва); кандидат исторических наук, аудиовизуальный антрополог Н.В. Плужников (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, г. Москва); кандидат филологических наук Т.А. Бердникова (СВФУ им.М.К. Аммосова, г. Якутск); кандидат исторических наук С.Е. Никитина (ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск); вице-президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера РС(Я), старейшина юкагирской общины В.И. Шадрин (ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск); кандидат исторических наук Е.П. Антонов (ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск); кандидат исторических наук А.А. Строгова (ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск); кандидат филологических наук О.И. Чарина (ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск). Перед экспедицией были определены задачи исследования исторической, лингвистической, этнографической, культурологической, антропологической адаптации русских старожилов в инокультурном, иноязычном и чуждом географическом ландшафте арктического северо-востока России.

Индикаторы научно-исследовательской деятельности исполнителей проекта: 6 экспедиций, одна Всероссийская конференция (5–6 декабря 2013 г.), публикации в журналах Scopus, ВАК, РИНЦ. Подготовлен сборник материалов конференции, не изданный по причине отсутствия финансирования со стороны Министерства образования РС(Я).

В соответствии с поставленными задачами в 2012–2014 гг. были выполнены экспедиции в 2012–2014 гг.:

– антропологический отряд в Аллаиховский улус (район) пос. Чоккурдах, с. Русское Устье (25.07–10.08.2013 г.), Нижнеколымский улус

(район) пос. Черский, с. Походск (22.09-03.10.2014 г.) – исполнители Г.А. Аксянова, Н.В. Плужников, С.Е. Никитина;

– диалектологический отряд в Аллаиховский улус: пос. Чокурдах (03.10-15.10.2014 г.) – исполнитель Т.А. Бердникова;

– историко-филологический отряд в Нижнеколымский улус (район) пос. Черский, с. Походск (19.11–30.11.2013 г.) – исполнители Е.А. Строгова, О.И. Чарина;

– историко-этнографический отряд в Аллаиховский улус (район) пос. Чокурдах, с. Русское Устье (20.07–15.08.2012 г.; 25.07–10.08.2013 г.), Нижнеколымский улус (район) пос. Черский, с. Походск (25.10–16.11.2013 г.) – исполнители С.Е. Никитина, Е.П. Антонов, В.И. Шадрин;

– исторический отряд в г. Санкт Петербург (04.11–14.11.2014 г.) – исполнители С.Е. Никитина, Е.П. Антонов.

В исторической традиции к русским старожилам Арктики отнесены русские поселенцы на устьях рек Индигирки, Колымы, близкие к ним марковцы-чуванцы на р. Анадырь, камчадалы на Камчатке. Русские старожилы арктического побережья Якутии явились феноменом адаптации в инокультурный ландшафт суровых северо-восточных территорий в XVII в. при сохранении своей изначальной культуры, законсервировавшей архаизмы северорусской культуры XVI в., которые в середине XX в. еще в целостности застали научные экспедиции. При этом суровая экосистема Арктики определила кардинальные трансформации хозяйственных занятий, материальной и духовной российской материковой культуры. Экстремальные условия природно-географической среды диктовали поселенцам формирование полярного типа природопользования, отличающегося высокой рациональностью жизнеобеспечения. Русские арктические старожилы в трудовой деятельности перешли к ведению комплексного хозяйства – сочетая пушной промысел, охоту на диких оленей, птицу, рыболовство, сбор плавника, разведение ездовых собак. В XX в. устоявшаяся система жизнеобеспечения подверглась модернизационным процессам, арктические русские, гибко реагирующие на спрос, меняли приоритеты бюджетобразующих направлений, перейдя от промысла на белого песка к промысловому рыболовству, утратив собаководство, сохраняя охоту только для домашних потребностей.

В отличие от очагов хозяйственной колонизации в Центральной Якутии, где в результате адаптации русских переселенцев происходила хозяйственно-культурная аккультурация «пашенных» крестьян, их метисация и объядучивание с утратой родного языка, здесь на Индигирке и Колыме доминантное сохранение русского языка сказалось на достаточно массовом распространении знания русского языка среди окружающего коренного населения. Русскоу-

стьянцы, отмечается исследователями, на протяжении веков упорно, тщательно берегли память о своей исторической родине сохранным русским языком и фольклором, православной верой, русскими обычаями, песнями, одеждой, приемами охоты, строительства жилищ, создания инвентаря и орудий для промысла и домашнего обихода и др. [12].

Адаптация арктических русских старожилов в условиях новой экосистемы и иноязыковой среды прошла не просто в восприятии традиционных форм хозяйствования местных жителей, но в приспособлении этих знаний и умений к стандартам русской материальной культуры XVI-XVII вв. Взаимодействие с традиционными культурами тундрных юкагиров, оленных эвенов и северных якутов привело к многочисленным заимствованиям слов, бытовых предметов, одежды, традиционных промыслов арктической цивилизации. Современные исследователи отмечают устойчивость самоидентификации русских старожилов низовьев Индигирки и Колымы, сумевших сохранить русское самосознание и этнокультурную самобытность не только к началу XX в., но и в условиях форсированного внешнего воздействия, связанного с индустриальным освоением Заполярья. [6, с. 150].

Так как в научном и общественном пространстве наиболее остро обсуждается проблема сохранности и сохранения, а также определения статуса старожильского говора арктических русских северо-востока России, то важными представляются выводы диалектологического исследования. На взгляд автора данной статьи, ответвление в XV-XVI вв. и консервация в изоляции такого гибкого, динамичного культурного элемента, как язык, во времена эпохальных трансформаций перехода к новому времени, становления государств, промышленной экономики, формирования современных наций, а, следовательно, формирования языка, менталитета, культуры, обусловили феномен самобытности языка, фольклора арктических русских старожилов Якутии. В определении современного состояния сохранности имели важную научную значимость степень изученности и наличие опубликованных трудов предшественников, с одной стороны, позволяющих выявить динамику языковых особенностей, происходивших вследствие активных социально-экономических трансформаций второй половины XX в. С другой стороны, уже потерявших актуальность по давности исследований, предшествовавших потрясениям конца, рубежа и начала нового тысячелетия, послуживших рубежом кардинальной цивилизационной модернизации российской действительности.

Диалектологический отряд, представленный Т.А. Бердниковой (к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и риторики СВФУ им. М.К. Аммосова) провел исследования в пос. Чокурдах, с. Русское

Устье Аллаиховского улуса РС(Я). Результаты ее исследования вошли в научную публикацию, где можно ознакомиться с очень интересными наблюдениями и выводами ученого [4]. В рассматриваемом проекте Т.А. Бердниковой были проведены полевые сборы материалов, отражающих современную языковую ситуацию по сохранности русского старожильческого говора. Данное направление в проекте представлялось основным, наиболее актуальным, так как ставилась задача определения степени сохранности «уходящей» культуры русских старожил Арктики. В проекте была отмечена достаточно разработанная степень изученности исследования, охватывающая активную экспедиционную деятельность научных сил Якутского государственного университета в лице М.Ф. Дружининой, Н.Г. Самсонова, Г.И. Поповой в 1958-1986 гг., что в данном проекте способствовало проведению анализа трансформаций языковой ситуации. С позиции проекта было интересным то, что проведенное исследователем анкетирование представлено мнениями не только самих русских старожил, но и односельчан, местных и недавно приехавших в Аллаиховский улус. Т.А. Бердниковой в качестве особого фактора сохранности феномена старожильческой культуры русских Арктики выделен не ослабевающий научный интерес, как бы поддерживающий бытование фольклора самими старожилками. Историческим отрядом также были изучены программы преподавания национальной культуры, летнего детского трудового лагеря в с. Русское Устье, репертуар фольклорного ансамбля, что подтверждает заключение Т.А. Бердниковой в том, что русскими старожилками предпринимаются активные меры по сохранению презентационной концертной модели фольклора.

Т.А. Бердниковой были сделаны интересные наблюдения о домашнем характере сохранности старожильческого говора, используемого в повседневном обиходе, при этом, что наиболее интересно, связанного с традиционными трудовыми занятиями. Ее профессиональное мнение подтвердило исследования, проведенные историческим отрядом проекта, что современная социально-экономическая жизнь предлагает широкие перспективы для молодежи Арктики в образовании, применении своих сил в различных сферах деятельности. Повсеместная унификация быта с обязательным присутствием цифрового телевидения, Интернета подвергает население Арктики всем тенденциям глобализации в равной мере, как и в центральных районах республики. Но трудовые занятия традиционным рыболовством, охотой в традиционной, действительно защищающей от холода, одежде, удерживают отдельные слова, содержащие названия предметов, трудовые действия, своим бытованием в повседневной памяти.

Антропологический отряд работал в пос. Чокурдах и с. Русское Устье Аллаиховского улуса (район), пос. Черский и с. Походск Нижнеколымского района РС (Я). Исполнитель к.б.н., антрополог, в.н.с. Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (г. Москва) Г.А. Аксянова. Исследования Г.А. Аксяновой по русским старожилам с. Русское Устье нашли отражение в ее научной публикации [1]. Антропологическое исследование по обоим анклавам русских старожилов Арктики было проведено по одной Программе одним специалистом, что обеспечивает корректное сравнение полученных данных. Удачным в методологическом отношении фактом является также наличие ранних хорошо сопоставимых опубликованных материалов по научному описанию антропологического типа сибирских народов тех же районов Якутии И.М. Золотаревой (1959 г.) во время Юкагирской экспедиции (Колымской) комплексной экспедиции. В Аллаиховском улусе собраны данные по выборке мужчин (57 чел. в возрасте 17-70 лет), женщин (44 чел. в возрасте 17-86 лет), дети школьного возраста (115 чел. 7-17 лет), всего 216 чел. В Нижнеколымском улусе всего было обследовано 239 чел. из числа местного населения, среди них мужчины (51 чел. в возрасте 17-70 лет), женщины (43 чел. в возрасте 17-66 лет), дети школьного возраста (145 чел. 7-17 лет). В проекте важными показались выводы о разных результатах генетических компонентов между двумя группами русских арктических старожилов устья рек Колымы и Индигирки. Исследователем была отмечена у походчан большая физиологическая метисация и по компонентному наличию превосходство чукотского и юкагирского генофонда, чем это было зафиксировано у русскоустыинцев.

Историко-филологический отряд работал в составе к.и.н. Е.А. Строговой и к.ф.н. О.И. Чариной, которые давно ведут постоянные исследования по теме формирования арктических анклавов русского населения и русского старожильского фольклора соответственно. Е.А. Строгова на археологическом, историческом и этнографическом материале убедительно делает выводы, что основой для образования постоянного русского населения на севере Якутии стали промышленники, которые открывали и осваивали эту территорию с 30-х гг. XVII в., это исследование вошло в ее научную статью [11]. Изучение фольклора О.И. Чариной свидетельствует, что русский традиционный фольклор Колымы и Индигирки утрачивается и это неизбежно. Обнадеживает лишь передача фольклорных традиций подрастающему поколению. Анализ перспектив русского старожильского фольклора рассмотрен ею в научной публикации [4].

Е.П. Антонов в ходе исследования пришел к выводу, что идентичность русских старожилов республики включала в себя общерусскую и региональную – русскоустыинцы – индигирщики и походча-

не – колымчане. Им опубликована научная статья по рассматриваемой проблеме [2]. Исследователь призывает объединить научные силы институтов по изучаемой проблематике городов Москвы, Новгорода и Архангельска для проведения комплексного изучения русских старожилов арктического побережья России, включая марковцев и камчадалов.

Обобщая проведенные исследования 2012–2014 гг., С.Е. Никитина считает, что современное этническое самосознание арктических русских старожилов Якутии опирается в основном на общность происхождения, языка, традиций и культуры [8]. Огромную роль в самоидентификации сыграло православие, даже хозяйственный календарь был привязан к церковным праздникам, в соответствии с которыми тщательно соблюдались сроки охоты, рыбалки, сбора плавника, так как они были связаны с уходом мужчин на длительное время и были сопряжены с тяготами и опасностями, повседневно сопровождающими людей в суровой Арктике. Географическая изоляция в условиях Арктики Якутской области способствовала сохранению в течение четырех веков старорусской культуры XVI–XVII вв., уникальный феномен которой так привлекал научный интерес исследователей. Адаптации русских старожилов к суровым природным и климатическим особенностям арктических районов Северо-Востока способствовало их происхождение из Русского Севера, т.е. они были достаточно приспособлены к морозам, системе жизнеобеспечения, трудовым занятиям. Во второй половине XX в. втягивание арктических территорий в единую производственную, социокультурную сферу народно-хозяйственного комплекса страны, постоянное транспортное сообщение (прямые авиарейсы Москва–Чокурдах, Москва–Черский, малая авиация Чокурдах–Русское Устье, Черский–Походск), служба юношей в армии (материалы «устной истории»), получение профессионального образования (педагогическое, фельдшерское), требование в советской школе формирования у учащихся правильного литературного русского языка – все эти объективные обстоятельства привели к утрачиванию языкового старожильского феномена. В улусных архивах обнаружены документы обсуждения на педсоветах родителей, мешающих обучению детей тем, что в домашнем обиходе пользуются местным диалектом [7]. В эти годы отмечается выезд молодежи в города России и республики. Уже в конце 1980-х гг. А.Г. Чикачев писал о том, что единицы из представителей старшего поколения являются носителями языка.

С 1990-х гг. у русских арктических старожилов наблюдается рост этнического самосознания, повышение интереса к истории, фольклору, песням своего народа, семейным родословиям. В этнических процессах прослеживается наличие нескольких уровней их менталитета, что выражается в самоидентификации «русскоустынцы–

рыболовы», «походчане» (идентифицирующие себя территориально «русскоустыинцы/индигирщики», «походчане/колымчане», «местные русские»), «поселковые русскоустыинцы/походчане» («русские/русскоустыинцы/походчане») и русские старожилы городских общин Якутии и России (г. Якутск, г. Нерюнгри и др. «русские»). Собранный материал в ходе полевых исследований привел к выводу, что сопоставимые две группы арктических русских отличаются по социальной роли в геокультуре Арктики. Исторически сложилось, что Русское Устье представлено промышленниками, развивающими промысловое хозяйство, чутко реагирующее на спрос. Походск формировали казаки, несущие административные функции по охране порядка на Анюйской ярмарке, сбору и доставке ясака в г. Якутск. На наш взгляд, это сказалось на современной социально-экономической ситуации, русскоустыинцы более предприимчивы, мобильны и социально активны. В экономическом и бытовом плане они в настоящее время успешно вживаются в рыночные условия, объединившись в рыболовецкий кооператив, который несет материальную ответственность за финансовое обеспечение не только современными снегоходами, моторными лодками, но и домашней бытовой техникой, мебелью, одеждой и даже продуктами по доступным ценам. В Походске небольшие рыболовецкие артели сотрудничают с кооперативами по сдаче рыбы на крайне невыгодных условиях. Суровость климата, труднодоступность, ограниченность в ассортименте и высокие цены на все товары осложняются отсутствием современных индикаторов качества жизни: медицинского обслуживания, дополнительного внешкольного образования. По перспективам этих арктических сел представляется, что современная рыночная экономика скажется на максимальном оттоке молодежи в более благоприятные территории страны, эти мысли высказываются родителями, желающими «лучшей жизни своим детям».

При этом у населения не снижается оптимизм, наблюдается процесс этнокультурной консолидации. Основными носителями культуры русских арктических старожилов являются жители Русского Устья, Походска и представители диаспор в других местах. Уникальность лингвокультурологического материала Русского Устья и Походска определяется сохранностью архаичной северорусской культуры. Язык и фольклор красочно демонстрируют то, что русские арктические старожилы являются самобытной моделью российской цивилизации. На протяжении последних 150 лет исследователями собран многочисленный фольклорный материал, который позволяет изучить процесс трансформаций уникального феномена сохранившейся старорусской культуры вдали от генеральной материковой русской цивилизации под влиянием советской и постсоветской модернизации. Современный фольклор по большей

части носит презентационный характер, но нужно заметить, наиболее сохранившимися в бытовании являются элементы материальной и духовной культуры, связанные с трудовыми занятиями. В целях сохранения оригинальной и самобытной культуры и традиционных форм хозяйствования следует принять срочные меры для официального признания статуса особой уникальной субэтнической культуры, обладающей языком, фольклором, материальной и духовной культурой, религиозными воззрениями. Прецедент имеется – это чуванцы – потомки русских старожилов с. Марково, и камчадалы – потомки русских казаков и ительменов.

Феномен старожильской культуры Арктики вызывал научный интерес у многочисленных экспедиций, прибегавших к помощи арктических русских Индигирки, Колымы в отдаленных иноязычных территориях России по снабжению и сопровождению своих исследовательских отрядов, при этом оставивших свои впечатления об этом культурологическом островке Руси XVI в. В архивах РАН, РГИА, Архиве восточных рукописей изучались документы по научным экспедициям В. Беринга, Ф.П. Врангеля, К.К. Неймана, А.А. Бунге, И.Д. Черского, В.И. Иохельсона, В.Г. Богораза, барона Э.В. Толля, Лено-Колымской (Е.Ф. Скворцов), КЯР (Д.Д. Травин). В РНБ были изучены опубликованные материалы научных экспедиций и этнографические заметки путешественников о русских старожилах Индигирки и Колымы досоветского времени и побывавших в поселениях Русское Устье, Походск и Нижнеколымск в советский период. Выявлены документы, об участии населения устья р. Индигирки в научном освоении Арктики, так о жителях Русского Устья упоминается в материалах экспедиций Витуса Беринга (1739–1743 гг.), И.И. Билингса (1797 г.), М.М. Геденштром (1809–1811 гг.), Г.Л. Майделя (1869–1970 гг.), Е.Ф. Скворцова (1901 г.), К.А. Воллосовича (1899–1902 гг.), Д.Д. Травина (1929 г.), Т.А. Шуба (1942 г.); о русских старожилах р. Колымы оставили свои наблюдения В.Г. Богораз (1889, 1902–1904 гг.), В.И. Иохельсон (1902 г.), Н.И. Спиридонов (1929 г.), И.Д. Черский (1891 г.) и др.» [9].

В Архиве РАН в изданной описи документов экспедиций РАН Г.Ф. Миллера обнаружена карта Трускотта: «Карта печатная побережий Северо-Востока Азии и Северо-Запада Америки с маршрутами русских мореплавателей» (приблизительно может быть отнесена к 1758 г.), где нанесена р. Индигирка, в ее устье отмечено «русское жило»[3]. Все эти материалы представляют собой неопубликованные уникальные архивные документы, и даже те из них, что опубликованы, почти сразу стали библиографической редкостью. Хотелось бы отметить их научную значимость и необходимость публикации.

Важным представляется исторический вклад русских старожилов Арктики в научное освоение северо-востока Азии, участие русских старожилов в научных экспедициях, когда определялись географические очертания континента. С их слов наносились береговые линии северных границ России, как свидетельствуют документы, русскими мореходами отрядов Д. Лаптева, М. Геденштрома, А.А. Бунге, И.Д. Черского и др. Многочисленные дневниковые записи морских экспедиций содержат упоминания о помощи местных русских устья р. Индигирки и р. Колымы в нанесении береговых линий на картах, помощи в качестве проводников и материальной поддержке экспедиционных отрядов меховой одеждой, собаками, провизией.

Основная историческая миссия русских арктических старожилов в хозяйственном освоении, географической колонизации Арктического побережья, и в государственном утверждении на северо-востоке российских границ. Как обозначил В.Г. Богораз в рукописи «Русские поселения на Крайнем северо-востоке Азии. Затерянная Русь» значимость самых северных поселений русских на Индигирке и Колыме в освоении северных окраин России [5, л. 2]. Проведенные нами опросы и анкетирование в экспедиционных исследованиях 2012–2014 гг. показывают, что в устной памяти русские старожилы сохраняют важность своего пребывания на арктических территориях Северо-Востока России в качестве форпостов российской государственности, т.е. ими подчеркивается геополитическое значение русских старожильческих населенных пунктов в этих широтах как маркеров границ российского государства.

В настоящее время можно по праву считать русских арктических старожилов отдельной этнографической группой, заселяющей определенный географический ареал – низовья р. Индигирки и р. Колымы на побережье Северного Ледовитого океана, занимающейся традиционными промыслами, жизнеобеспечение которых полностью находится в зависимости от продуктов традиционных занятий. В данный момент этническая специфика стойко сохраняется в хозяйственной деятельности (преимущественно в рыболовстве) и в духовной сфере. Признание за «русскими арктическими старожилами», жизнеобеспечение которых всецело определяется традиционным природопользованием, правового статуса, гарантирующего правовую защищенность для традиционного природопользования, позволит им более успешно осуществлять свою экономическую деятельность в сфере рыболовства и охоты, пользоваться такими же льготами, как другие арктические этносы. Сохранение традиционного природопользования, хозяйственного укла-

да является необходимым условием бытования языка и культуры [10].

Следует принять срочные меры по разработке с помощью ведущих специалистов–диалектологов учебной и методической литературы для преподавания «национальной культуры русских старожилов Арктики», что станет гарантом сохранения их уникального языка и фольклора, введения его преподавания в школах с. Русское Устье и с. Походск. Без принятия этих экстренных мер грозит нивелирование особенностей культуры русских арктических старожилов в условиях глобализации и унификации культур, полное исчезновение самобытного языка и фольклора в ближайшем будущем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аксянова Г.А. Русскоустыинский антропологический феномен. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Том 43. № 3. С. 142–155.

2. Антонов Е.П. Самосознание русских старожилов Нижней Колымы в контексте экономической и социокультурной трансформации. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2014. Т. 7. С. 122–128.

3. Архив РАН. Р.IX. Оп. 1а. Д. 210.

4. Berdnikova T.A., Charina O.I., Larionova A.S., Vasileva R.I. The Experience of Linguistic and Folklore Interaction in the Circumstances of the Single Cultural Space of Yakutia // Mediterranean Journal of Social Sciences. Rome, Italy. 2015. Vol. 6. № 1.4. Supplement 4. August. 2015. P. 72–81.

5. Богораз В.Г. Русские поселения на Крайнем северо-востоке Азии. Затерянная Русь.// Архив РАН. Ф. 250. Оп. 2. Д. 50.

6. Боякова С.И. Правовой статус и этническая идентичность русских арктических старожилов Якутии.// Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2016. № 4 (10). С. 145–153.

7. Нижнеколымский муниципальный архив. Ф.13. Оп. 1. Д. 74. Акты инспекторских проверок школ района за 1959/60 уч.год.

8. Никитина С.Е. Трансформации культуры русских арктических старожилов Якутии. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 1. С. 102–106.

9. Никитина С.Е. Документы архивов г. Санкт-Петербурга как источник по истории русских арктических старожилов Якутии // Якутский архив. 2015. № 1. С. 34–41.

10. Никитина С.Е. Европейцы вне Европы: проблемы сохранения культуры русских арктических старожилов Республики Саха (Якутия). // Европа. Международный альманах. Том XIV/1–2. Тюмень, 2015. С. 125–138.

11. Строгова Е.А. Этнографические и археологические исследования русских арктических старожилов Якутии. // Вестник Омского

университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 3 (15). С. 156–160.

12. Фольклор Русского Устья / сост. С.Н. Азбелев, Г.Л. Венедиктов, Н.А. Габышев и др./ отв. ред. Н.А. Мещерский. Л.: Наука, 1986. 382 с. (Памятники русского фольклора)

Санникова Яна Михайловна
Боякова Сардана Ильинична
Филиппова Виктория Викторовна

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ): МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Авторами статьи - исполнителями ряда отчетов по этнологической экспертизе разработаны методические подходы к проведению полевых работ в разрезе наслега/района. Особое внимание уделено исследованию традиционной хозяйственной деятельности коренных народов Севера. Представленный пример научно-практических разработок социолого-этнологической группы ИГиИПМНС СО РАН может быть использован для составления объективной картины особенностей развития территорий традиционного природопользования местных сообществ.

Ключевые слова: коренные народы, Арктика, Север, этнологическая экспертиза, традиционное хозяйство.

Sannikova Yana Mikhailovna, Boyakova Sardana Ilinichna, Filippova Viktoria Viktorovna. ETHNOLOGICAL EXPERTISE IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA): GUIDELINES FOR FIELDWORKS

The authors of the article are the executors of some reports of the ethnological examination. They have developed the methodological approaches on example of their field work experience on local level. Authors studied of traditional economic activities of the indigenous peoples of the North. The experience of the scientific and practical study of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences can be used to get a real situation of the features of development of territories of traditional land use by local communities.

Keywords: indigenous peoples, Arctic, North, ethnological expertise, traditional economy

Санникова Яна Михайловна, к.и.н., с.н.с., sannikowa@mail.ru
Боякова Сардана Ильинична, д.и.н., г.н.с., boyakova@mail.ru,
Филиппова Виктория Викторовна, к.и.н., с.н.с., filippovav@mail.ru,
отдел истории и этносоциологии Арктики ИГиИПМНС СО РАН

Sannikova Yana Mikhailovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Boyakova Sardana Ilinichna, Doctor of History, Head of Department,

Filippova Viktoria Viktorovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of History and Ethno-sociology of the Arctic, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Этнологическая экспертиза – это научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса. Основная задача проведения оценки воздействия на этнологическую среду (далее ОВЭС) в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера заключается в предотвращении/минимизации воздействий, которые могут оказываться проектом промышленного освоения на природные и социокультурные основы жизнедеятельности коренного населения. На территории Республики Саха (Якутия) проведение этнологической экспертизы регламентируется Законом «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» от 14 апреля 2010 г.

В состав отчета по этнологической экспертизе включается:

1. Общая характеристика проекта намечаемой хозяйственной и иной деятельности;
2. Анализ альтернативных вариантов реализации проекта намечаемой хозяйственной и иной деятельности;
3. Характеристика этнокультурного и социально-экономического развития малочисленных народов, в том числе медико-демографическая и этносоциологическая оценки населения;
4. Характеристика видов традиционной хозяйственной деятельности, осуществляемой малочисленными народами Севера;
5. Характеристика земель и иных природных ресурсов, необходимых для ведения традиционной хозяйственной деятельности коренными сообществами;
6. Характеристика расположения отдельных природных объектов историко-культурного наследия, мест древних поселений, мест семейных и родовых захоронений малочисленных народов и иных объектов, имеющих культурную, историческую, религиозную ценность;
7. Характеристика поселений района, в том числе имеющих временное значение, факторий, стойбищ и стоянок;
8. Выявление и оценка убытков, причиненных/ причиняемых/ прогнозируемых коренным малочисленным народам и их объединениям в результате нанесения ущерба их исконной среде обитания;
9. Разработка рекомендаций по минимизации негативного воздействия проектируемого предприятия на социально-экономическое, демографическое и этнокультурное развитие коренных народов;
10. Составление программы комплекса мер, в том числе компенсационных, по обеспечению устойчивого развития мест традици-

онного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов.

Сведения о хозяйстве малочисленных народов входят в структуру содержания отчета по этнологической экспертизе: в зависимости от количества охватываемых общин включаются как отдельный раздел либо подраздел «Характеристика видов традиционной хозяйственной деятельности» раздела «Характеристика демографического и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера».

Опыт работы в составе социолого-этнологической группы (руководитель – С.И. Боякова) во время выполнения ряда экспертиз по оценке воздействия на этнологическую среду на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера позволил выработать некоторые научно-практические подходы, которые могли бы удовлетворить требования технического задания (далее ТЗ) проектной документации и позволили компенсировать сложности учета финансово-хозяйственного состояния хозяйств в условиях недостаточности требуемых документальных свидетельств. Это связано в основном с тем, что учредительные первичные документы, особенно карто-схемы земельных участков многих хозяйств не были сведены в единый перечень по району; объемы производства (добычи) продукции хозяйств не имели конкретного документального подтверждения. Таким образом, основная сложность при написании данного раздела заключалась в отсутствии необходимых данных о показателях традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, подтвержденных документально.

В данной статье мы остановимся на исходных (базовых) позициях обследования хозяйств, то есть представим некоторые методические подходы к выполнению подобной работы. Эти наработки были использованы во время проведения полевых исследований в сентябре-октябре 2015 г., в марте, июле 2016 г. в Оленекском эвенкийском национальном районе в селах Оленек, Харыялах, Эйик и в июне, декабре 2016 г. в Мирнинском районе в селах Сюльдюкар, Тас-Юрях.

В целом же специфика полевой работы этнологической экспертизы такова, что организационно вся группа, особенно во время интервью и первоначальных визитов в профильные организации, работает централизованно. Желательно, чтобы в начале работы все исполнители были задействованы в одном месте, чтобы быть в курсе всех предварительных выводов полевых исследований. Все исполнители (включая тех, кто не выезжает непосредственно на полевые работы) проводят предварительную подготовку заданий, включающих сбор данных/показателей в разрезе районов/наследов по каждой сфере жизнедеятельности и по организациям, на-

пример, по традиционному хозяйству в сфере сельского хозяйства: администрации муниципальных районных и наслежных образований, районное управление сельского хозяйства, районный КУМИ (комитет по земельным ресурсам и имущественным отношениям), госинспектор департамента охотничьего хозяйства, инспектор охраны природы, старожилы района, главы, представители хозяйств. Дополнительно в Якутске отправляются запросы в Департамент охотничьего хозяйства, Министерство сельского хозяйства и продовольственной политики, Госкомитет по делам Арктики. Перечисленные ведомства, организации и учреждения являются основными местами, где сосредоточены оперативные данные/показатели хозяйств, которые необходимо изучить в ходе этнологической экспертизы. Для выполнения ОБЭС на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера в составе проектной документации (название проекта) нами, на основании опыта проведения этнологических экспертиз, разработаны методические рекомендации (так называемые Задания) для полевых работ по району/наслегу, которые включают следующие примерные пункты:

1. Определить территории традиционного природопользования по данным администрации наслежного муниципального образования и хозяйств наслега/района:

1.1. Охотничьи угодья ОАО «Сахабулт» на территории наслега/района.

1.2. Охотничьи и сельскохозяйственные угодья каждого хозяйствующего субъекта наслега/района, в том числе оленье пастбища, старые поселения, стойбища, полевки оленеводческой бригады, конские пастбища и пастбища крупного рогатого скота.

1.3. Межселенные земли (общедоступные охотничьи угодья), используемые жителями наслега/района.

1.4. Особо охраняемые природные территории (ООПТ) в наслеге/районе.

2. Для определения территории кочевых родовых общин (КРО) и других хозяйств, подпадающей под воздействие строительства и эксплуатации промышленного объекта:

2.1. В администрации наслега/района уточнить перечень всех кочевых родовых общин и других хозяйств, копии их правоустанавливающих документов, в том числе координаты и площади территорий, отведенных для традиционной деятельности (копии свидетельства о регистрации, свидетельства ИНН, долгосрочной лицензии, схемы – карты с описанием границ хозяйства, список членов для каждого хозяйства).

2.2. Фотокопия кадастровых и землеустроительных карт землепользования.

2.3. Нанести на карты в масштабе границы территорий КРО и других хозяйств по имущественной принадлежности. Или если есть имеющиеся карты, то их копии.

2.4. Совместно с представителями КРО определить их территории, которые попадают под изъятие (с выделением 1,2 зон стрессового воздействия).

3. Сбор информации по запросам в КРО и других хозяйствах:

3.1. Запросить официальные данные (ФИО) всех членов родовых общин.

3.2. Получить сведения по основным видам экономической деятельности хозяйств (количество поголовья по видам сельскохозяйственных животных, объемы сдачи произведенной продукции, объемы добычи и сдачи охотничьего промысла (пушнины, мяса), объемы собирательства за последние три года.

3.3. Получить официальные сведения о количестве продукции традиционного промысла, потребляемой на собственные нужды ее членов.

3.4. Получить официальные сведения о размере дотаций со стороны государства, которые получают члены КРО, на производство продукции.

4. Паспорт наслега/района на ряд последних и текущий год.

5. В администрации и учреждениях наслега/района запросить официальные сведения:

- распределение общей численности населения наслега по полу и возрасту;

- численность и размещение коренных малочисленных народов;

- социальная структура, занятость и образование населения;

- медицинское обслуживание и уровень заболеваемости;

- уровень и качество жизни населения.

- языковая ситуация;

- структура питания (доля этнической пищи);

- функционирование родного языка (наличие литературы, СМИ, географических и административных названий на этнических языках, использование этнической символики в оформлении объектов инфраструктуры и частных жилых домов;

- показатели функционирования этнической культуры (наличие этнокультурных центров, музеев, фольклорных ансамблей, сувенирных мастерских, обеспечение права на традиционные промыслы и фольклор);

- перечень объектов историко-культурного наследия, находящихся на территории наслега, их характеристика.

6. Провести работу с местным населением на предмет выявления памятников этнической культуры коренных народов (святых мест, памятные места, места погребений и иные).

7. Действующая программа социально-экономического развития наслега/района.

8. Все документы должны быть официальными и иметь подписи и печать.

9. Памятка по сбору картографических материалов в разрезе наслегов представлена в табл. 1.

Таблица 1

Обозначение на карте территории традиционного природопользования в границах наслега	Принадлежность земельных участков (названия хозяйств), примечания
названия и месторасположения старых поселений	
пастбища для крупного рогатого стада	
конские пастбища	
границы охотничьих угодий по пользователям	
местонахождения охотничьих изб	
местонахождения временных хозяйственных построек	
местонахождения стойбищ, стоянок оленеводческих бригад (по сезонам)	
маршруты оленеводческих бригад	
оленьи пастбища (по сезонам: весенние, летние, осенние, зимние)	
охотугодья родов	
ООПТ местного значения	
другие ООПТ на территории наслега	
местонахождение историко-культурных объектов наслега (святилища, памятные места, места погребений и иные).	
охотничьи угодья ОАО «Сахабулт» на территории наслега	
межселенные земли (общедоступные охотничьи угодья) района, используемые жителями наслега	

10. Бланки таблиц для заполнения хозяйствами и перечень необходимых официальных сведений по наслегу/району.

Данные формы бланков имеют определенную структуру и требуют заполнения согласно следующих сведений (приводятся формы бланков фрагментарно) (табл. 2 - 5).

Форма 1

Список членов хозяйства _____

ФИО	Год рождения, пол, национальность	Адрес местожительства	Должность/ обязанности/ характер работы (глава, член, бригадир, чумработник, оленевод и т.д.)

Глава хозяйства

_____ / _____ /
 (подпись) (ФИО)

М.П.

Форма 2

Количество поголовья, объемы производства/добычи хозяйства
за 2014- 2016 гг.

_____ за 2014- 2016 гг.
 (название хозяйства)

Количество поголовья по видам сельскохозяйственных животных
(в головах)

	2014	2015	2016
крупный рогатый скот			
в т.ч. коровы			
лошади			
в т.ч. кобылы			
олени			
другие (указать)			

Объемы сдачи произведенной продукции (в центнерах, в рублях)

	2014	2015	2016
Объемы сдачи мяса			
в центнерах			
в рублях			
Объемы сдачи молока			
в центнерах			
в рублях			
Объемы сдачи другой продукции (указать)			
в центнерах (или в килограммах)			
в рублях			

Объемы добычи и сдачи охотничьего промысла
(мяса, пушнины - по видам),(в единицах, центнерах, рублях)

	2014	2015	2016
Объемы добычи и сдачи мяса (по видам особей указать)			
Вид особи (указать)			
в центнерах			
в рублях			
Объемы добычи и сдачи пушнины			
Вид особи (указать)			
в единицах (штук)			
в рублях			

Виды и объемы сдачи собирательства
(в видах собирательства – ягоды, грибы, травы и т.д., кг, рублях)

	2014	2015	2016
Вид (указать)			
в килограммах			
в рублях			

Количество продукции традиционного промысла, потребляемой на собственные нужды членов хозяйства (в килограммах)

	2014	2015	2016
Вид продукции (указать)			
в килограммах			

Размер дотаций со стороны государства, которые получают хозяйство/члены хозяйства, на производство продукции (в рублях)

	2014	2015	2016
Вид дотации (указать)			
в рублях			

Глава хозяйства _____ / _____ /
 М.П. (подпись) (ФИО)

**Перечень необходимых официальных сведений по району
для проведения этнологической экспертизы (название проекта)**

1. Фактическое количество продукции (охоты, оленеводства, собирательства), сданное хозяйствами района (в том числе кочевыми родовыми общинами) за 2013-2016 гг. в пункты заготовительных контор.

2. Официальные сведения о ценах на прием продукции традиционного промысла за 2013-2016 гг. в пунктах заготовительных контор.

3. Участие, вовлеченность коренных малочисленных народов Севера района в федеральных, региональных, республиканских программах поддержки и развития коренных малочисленных народов Севера.

4. Деятельность промышленных компаний на территории района, формы сотрудничества и помощи.

5. Степень трудоустройства представителей коренного населения района для работы в промышленные предприятия на территории района за 2013-2016 гг.

Просим подготовить и выслать по каждому пункту отдельную справку.

При отсутствии сведений по каким-либо вопросам запроса, просим дать также разъяснительный письменный ответ-справку.

**Перечень необходимых официальных сведений по наслегу
для проведения этнологической экспертизы (название проекта)**

1. Полный список хозяйств наслега (в том числе кочевые родовые общины, муниципальные (государственные) унитарные предприятия), занимающихся традиционными отраслями.

2. Копии правоустанавливающих документов всех хозяйств наслега (свидетельство, ИНН, долгосрочная лицензия, описание границ охотничьих угодий (земельных участков) хозяйства, картосхема землепользования).

3. Официальные сведения глав хозяйств наслега (можно по форме 1 и 2, заверенные подписью и печатью) за 2013-2016 гг.:

- Состав каждого хозяйства по состоянию в настоящее время (форма 1);

- Количество поголовья, объемы производства/добычи хозяйства (форма 2)

4. Участие, вовлеченность коренных малочисленных народов Севера наслега в федеральных, региональных, республиканских программах поддержки и развития коренных малочисленных народов Севера.

5. Деятельность промышленных компаний на территории наслега, формы сотрудничества и помощи.

6. Степень трудоустройства жителей наслега для работы в промышленных предприятия на территории района за 2013-2016 гг.

Просим подготовить и выслать по каждому пункту отдельную справку.

При отсутствии сведений по каким-либо вопросам запроса, просим дать также разъяснительный письменный ответ-справку.

Как видно, одним из пунктов Задания является табл. 3 для заполнения сведений о хозяйствах. При разработке структуры данной таблицы исполнители опытным путем пришли к тому, что те данные/показатели, которые сосредоточены в организациях недостаточны для характеристики хозяйств и выполнения требований ТЗ о том, что все показатели экономической деятельности хозяйств должны быть получены из официальных документов, и здесь кроется самая большая проблема. При сборе требуемых материалов для характеристики хозяйств выявлено, что они не всегда присутствуют в официальных документах или доступны, или могут быть подтверждены. Например, основная проблема касается документаций самих хозяйств – кочевых родовых общин, имеются проблемы с предоставлением как учредительных документов некоторых хозяйств (копий свидетельства, картосхемы закрепленных участков, долгосрочных лицензий), так и официальных бухгалтерских документов по производству и сдаче продукции; определением списка действующих хозяйств и т.д.

Также как указано в Задании, для выявления непосредственного влияния промышленных компаний и для уточнения территорий, попадающих под зону промышленного освоения необходимы данные о закрепленных за хозяйствующими субъектами земель для ведения их хозяйственной деятельности. Результатом данной работы является итоговая карта, на которой нанесены все землепользователи района (улуса) – ведущие традиционную хозяйственную деятельность, участки промышленного освоения и земли, отведенные под особо-охраняемые территории.

Источниками для составления карты землепользования хозяйств выступают описание границ хозяйств, карты-схемы закрепленных участков, описание границ охотничьих участков, отведенных по долгосрочной лицензии.

Отсутствие данных документов было восполнено сведениями, полученными из Департамента биологических ресурсов, которая занимается выдачей лицензий долгосрочного соглашения и на их основе распределением охотничьих участков. На основе имеющихся описаний границ земель была создана итоговая карта землепользований хозяйствующих субъектов исследованных районов (улусов).

В первые выезды на полевые исследования мы ограничивались получением официальных справок по нужным данным/показателям согласно требованиям ТЗ от профильных организаций или хозяйств. Столкнувшись с проблемой недостаточности сведений исполнители проекта разработали таблицу показателей деятельности хозяйств, в которые их главы и представители могли вписывать свои показатели и официально заверить своими печатями.

Таким образом, мы привели апробированный пример научно-практических разработок социолого-этнологической группы ИГИиПМНС СО РАН при проведении полевых исследований для этнологической экспертизы. Наши методические подходы в сборе полевых материалов могут быть полезны при выполнении подобных работ, когда требуется составить объективную картину особенностей развития территорий традиционного природопользования и хозяйственной деятельности сообществ коренных малочисленных народов Севера.

Астахова Ирина Сергеевна

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К НОВЫМ ПРОЕКТАМ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ

*(на примере этнологических экспертиз
в Оленекском районе РС(Я))*

Аннотация. В статье представлены результаты исследований 2015-2016 гг., проведённых в рамках подготовки этнологических экспертиз месторождения Верхне-Мунское и строительства временного технологического проезда г. Удачный – месторождение «Верхне-Мунское». Показано отношение населения, проживающего на данной территории, к новым проектам промышленного освоения, проанализированы их ожидания и опасения. Автор заключает, что местное население положительно относится к новым промышленным проектам, надеясь, что это позволит решить ряд социальных вопросов.

Ключевые слова: компании-недропользователи, коренные малочисленные народы Севера, государственная этнологическая экспертиза, ожидания населения, воздействие и последствия промышленного освоения, диалоги и сотрудничество, социальная ответственность.

Astakhova Irina Sergeyevna, POPULATION'S ATTITUDE TO NEW INDUSTRIAL DEVELOPMENT PROJECTS (FOR EXAMPLE OF ETHNOLOGICAL EXPERTISE IN OLENEK REGION OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))

The article presents the results of research in 2015-2016, conducted in the project of the preparation of ethnological examinations of the Verkhne-Munskoye field and the construction of a temporary technological passage in Udachny – Verkhne-Munskoye field. The population's attitude living in this territory to new projects of industrial development is shown and also their expectations and fears are analyzed. The author concludes that the local population has a positive position to new industrial projects, hoping that it will solve a number of social issues.

Keywords: subsoil users companies, indigenous people of the North, State Ethnologic Examination, population expectations, influence and consequences of industrial development, dialogues and cooperation, social responsibility.

Астахова Ирина Сергеевна

м.н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГиИПМНС СО РАН; Irasta@list.ru

Astakhova Irina Sergeyevna

Research Fellow of the Department of History and Ethno-sociology Arctic
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Новый этап промышленного освоения Якутии начала XXI в. требует от государства и общества разрешить острейшую проблему взаимоотношения между недропользователями и представителями коренных малочисленных народов Севера (далее КМНС). Данный вопрос остаётся одним из актуальнейших при промышленном освоении природных богатств северных территорий. В Республике Саха (Якутия) (далее РС(Я)) одним из механизмов взаимодействия промышленников и народов Севера предлагается проведение государственной этнологической экспертизы. Целью данной экспертизы, согласно республиканскому законодательству, является социально-экономическое и культурное развитие КМНС, защита их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов [4].

Учитывая актуальность темы, становятся все более востребованы обществом публикации, освещающие вопросы разработки и проведения этнологической экспертизы, в которых проблема взаимоотношения добывающих компаний и КМНС является ключевой. География исследований весьма обширна, и затрагивает большинство территорий проживания малочисленных народов [5, 3]. Авторами анализируется процесс проведения этнологической экспертизы, предлагаются теоретические и практические решения [6, 2]. Наибольший интерес представляют работы, посвящённые непосредственно проведению этнологической экспертизы в РС(Я) [1, 7, 9, 10, 11, 12].

В данной статье, представлено исследование автора об отношении населения к новым проектам промышленного освоения, ожиданиях и опасениях жителей, на примере Оленекского района РС(Я). В 2015-2016 гг. в рамках этнологических экспертиз были проведены социологические исследования по поводу начала эксплуатации месторождения Верне-Мунское и строительства временного технологического проезда г. Удачный – месторождение «Верхне-Мунское». В анкетном опросе участвовало взрослое население от 18 лет и старше: Кирбейского национального наслега (с. Харыялах), Оленекского национального наслега (с. Оленек), Шологонского национального наслега (с. Эйик) Оленекского района и Садынского национального эвенкийского наслега (с. Сюльдюкар) Мирнинского района. В пилотном исследовании 2015 г. (с. Эйик) было опрошено 80 чел., в 2016 г. – 461 чел. (табл. 1). Выборка в 2015 г. использовалась случайная, в 2016 г. квотная (половозрастная). Дополнительным источником послужили полустандартизированные и групповые интервью жителей наслегов, статистические данные.

Таблица 1

Характеристика респондентов (2016 г.)

Показатели	Населенные пункты			
	Оленек	Сюльдюкар	Харьялах	Эйик
Общее количество опрошенных чел. – 461	173	90	98	100
Пол (%)				
Мужчины	46,2	45,6	46,9	52
Женщины	53,8	54,4	53,1	48
Возраст (%)				
18-34	46,2	28,9	50,0	39,0
35-49	25,4	33,3	21,4	25,0
50-64	19,1	31,1	18,4	29,0
65 и ст.	9,2	6,7	10,2	7,0
Национальность (%)				
эвенки	59,0	57,8	82,7	18,0
якуты	23,7	40,0	11,2	29,0
не указали	15,6	1,1	5,1	53,0
другой национальности	1,7	1,1	1,0	-
Образование (%)				
высшее и незаконченное высшее	44,5	26,7	21,4	28,0
среднее специальное	34,1	36,7	38,8	42,0
среднее общее	17,9	28,9	27,6	22,0
неполное среднее	3,5	7,8	12,2	8,0

Хотелось бы отметить, что при проведении анкетных опросов, население всех наслегов было заинтересовано в получении полной и главное достоверной информации о проектах. Жители сел полностью осознавали, что от результатов взаимодействия с промышленными компаниями зависит их будущее. Информацию о проекте население хотело бы получать не только из СМИ (в с. Эйик, из-за неразвитости системы связи, СМИ не самые популярные источники получения информации), но и непосредственно от представителей Компании при посредничестве органов власти и общественных организаций (табл. 2).

Таблица 2

**В каком виде в будущем Вам было бы удобно
получать информацию о проекте? (%)**

Ответ	Кирбейский националь- ный наслег (с.Харыялах)	Оленекский националь- ный наслег (с. Оленек)	Шологонский национальный наслег (с. Эйик)		Садынский национальный эвенкийский наслег (с. Сюльдюкар)
			2015	2016	
Газета	43,9	44,5	22,0	20,0	32,2
Интернет	19,4	29,5	16,0	11,0	25,6
ТВ	35,7	28,3	24,0	13,0	33,3
Радио	22,4	15,6	10,0	3,0	11,1
Информационный центр Компании	12,2	5,8	4,0	12,0	3,3
Встреча с представи- телями Компании	42,9	50,9	44,0	34,0	22,2
Местные органы власти	25,5	33,5	40,0	32,0	22,2
Не интересуюсь проектом	4,1	4,0	2,0	6,0	3,3
Другое	-	-	-	-	1,1
Затрудняюсь ответить	8,2	8,1	10,0	11,0	10,0

В 2015 г. жители сел Оленек и Харыялах, как показывают интер-
вью, в целом положительно отнеслись к освоению Верхне-Мунского
месторождения, но подчёркивали необходимость неукоснительно-
го соблюдения экологического законодательства, то для жителей с.
Эйик характерно настороженное отношение к проекту (рис. 1).

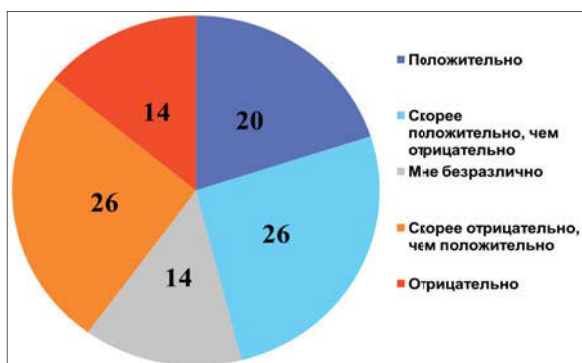


Рис. 1. Как Вы относитесь к проекту разработки месторождения «Верхне-Мунское?», в % (2015 г.)

В 2016 г. население сел Оленек и Харьялах к проекту строительства и эксплуатации автодороги (временного технологического проезда) от г. Удачный к месторождению «Верхне-Мунское» относились больше «положительно» или «скорее положительно, чем отрицательно». Это связано, прежде всего с тем, что жители данных сел более информированы о строительстве, представители компании и органы власти встречались с общественностью. Население с. Эйик по сути разделено на два лагеря, одни ожидают негативные последствия, другие надеются на положительные изменения в жизни, безразличных к строительству в обществе практически нет. В с. Сьюдьюкар напротив, общество либо индифферентно к строительству (30,0 %), либо выступает резко против, видя только негативные стороны. В целом тенденции 2015 г. сохраняются (рис. 2).

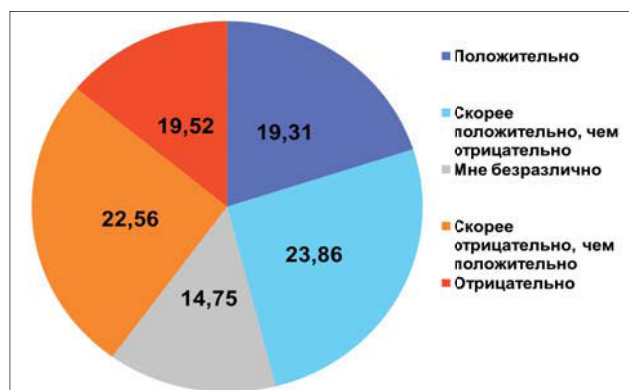


Рис. 2. Как Вы относитесь к проекту строительству проезда к месторождению «Верхне-Мунское?», в % (2016 г.)

Положительное ожидание населения от проектов во всех наслегах связано с появлением новых рабочих мест и благоустройством сел. В селах Харьялах и Оленек жители надеются на инвестиции в социальную сферу и перспективы в жилищном строительстве. Улучшение транспортного сообщения заботит жителей отдаленных населенных пунктов: Харьялах, Оленек, Эйик. Показательно, что в Слюдюкаре большой процент «ничего не ожидающих» от эксплуатации месторождения и строительства проезда. Данная категория респондентов считает, что ничего не изменится в их жизни, все останется по-прежнему или даже ухудшится (табл. 3).

Таблица 3

Что Вы ожидаете положительного от этого проекта? (%)

Ответ	Кирбейский национальный наслег (с. Харьялах)	Оленекский национальный наслег (с. Оленек)	Шологонский национальный наслег (с. Эйик)		Садынский национальный эвенкийский наслег (с. Слюдюкар)
			2015	2016	
Новые рабочие места	59,2	58,4	60	49,0	50,0
Инвестиции в соц. сферу	36,7	27,2	30	10,0	8,9
Благоустройство села	53,1	44,5	50	39,0	23,3
Развитие малого бизнеса	7,1	2,3	10	6,0	5,6
Помощь студентам	10,2	4	20	16,0	3,3
Улучшение транспортного сообщения	36,7	31,2	38	39,0	15,6
Улучшение качества мобильной связи	16,3	11	30	16,0	11,1
Улучшение медицинского обслуживания	15,3	16,8	18	13,0	12,2
Развитие кабельного ТВ, Интернета	11,2	12,7	26	19,0	13,3
Сокращение оттока молодежи	8,2	5,2	14	22,0	5,6
Перспектива жилищного строительства	21,4	22,0	20	13,0	14,4
Ничего не ожидаю	11,2	20,2	24	17,0	34,4

Опасения населения, прежде всего, связаны с ухудшением состояния окружающей среды и уменьшением запасов рыбы, дичи. Особенно взволнованы жители с. Эйик, так как, по их мнению, строительство и эксплуатация проезда, изменив пути миграции дикого оленя, лишит население существенного источника питания. Мужчины во всех наслегах склонны полагать, что данные проекты приведут к изъятию угодий у местного населения, вследствие изменения миграции дикого оленя и пушного зверя, учащение случаев браконьерства со стороны работников промышленных компаний – приведет к оскудению запасов рыбы и дичи. Женское население сел больше опасается возможного возникновения социальных проблем: рост цен на продукты питания, увеличение уровней алкоголизации и преступности, что приведёт к ухудшению состояния здоровья населения. Женщины также опасаются возможных негативных последствий, связанных с ростом миграции, полагая, что с увеличением числа приезжих, возрастут уровни алкоголизации и наркомании, увеличится количество преступлений. Респонденты в возрасте «65 и старше» высказывали опасения о возможном переселении коренного населения на новое место. По-видимому, политика перевода на оседлость оставила негативный опыт в жизни общества (табл. 4).

Таблица 4

Какие у Вас возникают наибольшие опасения в связи с разработкой этого проекта? (в %)

Ответ	Кирбейский национальный наслег (с.Харыялах)	Оленекский национальный наслег (с. Оленек)	Шологонский национальный наслег (с. Эйик)		Садынский национальный эвенкийский наслег (с. Сьюльюкар)
			2015	2016	
Ухудшение состояния окружающей среды	62,2	68,2	76	74	62,2
Уменьшение запасов рыбы, дичи	61,2	56,8	68	61	41,1
Браконьерство	20,4	26,6	27		27,8
Риск аварии, ЧС	10,2	6,9	28	10	11,1
Сокращение/изъятие пастбищ, сенокосных угодий	25,5	28,9	58	20	31,1
Сокращение/изъятие охотничьих угодий	30,6	26,6	30		27,8

Повышение уровня преступности	11,2	6,4	8	3	7,8
Увеличение уровня алкоголизации	19,4	12,1	10		3,3
Ухудшение состояния здоровья населения	27,6	24,9	26		10
Рост цен на питание и услуги	11,2	5,8	28	11	7,8
Приток приезжих	18,4	16,8	42	13	17,8
Ничего не ожидаю	8,2	5,8	10	1	10

Желающих лично принять участие в строительстве и эксплуатации промышленных объектов в наслегах не так много. Более подробно рассмотрим результаты 2016 г., так как генеральная совокупность была шире и информированность населения о проекте была выше. Среди жителей с. Харьялах наблюдается самый больший процент желающих принять участие в строительстве и эксплуатации дороги – около 30 % жителей. В сёлах Оленек и Эйик около 20 % населения, а в с. Сюльдюкар только чуть более 12 %. Учитывая возрастную-половую структуру, больше всех желающих принять участие в строительстве и эксплуатации проезда наблюдается среди молодых мужчин возрастной категории «18-34». Также можно отметить большой процент желающих работать на строительстве проезда среди мужчин возрастных категорий в с. Харьялах «50-64» и с. Оленек «35-49», обозначив при этом, что их «все равно не возьмут в силу возраста».

Самым популярным ответом респондентов во всех наслегах на вопрос «Кем бы Вы хотели работать на строительстве и эксплуатации планируемой автодороги?» был – «Рабочий на строительстве и во время эксплуатации проезда (водитель, техник, разнорабочий и т.д.)». Судя по ответам респондентов, работодатель может найти специалистов различного профиля и квалификации среди местного населения, готовых принять участие в строительстве и эксплуатации проезда. В основном мужчины, вне зависимости от населённого пункта, планируют устроиться на работу на строительство объекта, а также рабочими при эксплуатации. Женщины видят себя занятыми на объектах инфраструктуры проезда, инженерами, бухгалтерами. Во всех наслегах ориентированы на получение работы в основном население со средним специальным образованием. В с. Эйик картина немного другая, чем выше уровень образования, тем больше желающих принять участие в проектах.

Жители сел очень пессимистично настроены по поводу любых изменений в их жизни. Большая часть населения полагает, что от «меня ничего не зависит», «моё мнение никого не интересует», «бу-

дет сделано все так, как угодно власть имущим». Отсюда и такие результаты на вопрос анкеты: «Каким образом, повлияет строительство и эксплуатация планируемой автодороги на Ваше социальное положение и характер Вашей работы?». Самым распространенным ответом был ответ «Все останется по-прежнему». Женщины традиционно более критично отнеслись к строительству. Среди них частота ответа «Все останется по-прежнему» и «Ухудшится благосостояние» немного выше, чем у мужчин. Исключение составляет с. Сюзьдюкар, где с большей настороженностью и подозрением к строительству отнеслись мужчины. В селах Харьялах и Оленек ответ «Все останется по-прежнему» преобладает в возрастной категории «35-49», в с. Эйик среди пожилого населения «65 и ст.», а в с. Сюзьдюкар наблюдается единодушие всех возрастов – чуть более 60% населения выбрали этот ответ. Необходимо отметить, что многие респонденты выбрали открытый ответ «Другое». В ответах они либо сразу писали, что не знают, как на них повлияет это строительство, либо их размышления были сведены к тому же – они затрудняются ответить на этот вопрос.

Население сел единодушно не одобряют увеличение миграционных потоков к ним: с. Харьялах – 66,3 %, с. Оленек – 61,85 %, с. Эйик – 52,0 %, с. Сюзьдюкар – 54,4 % опрошенных. Они рады приезду квалифицированных специалистов в социальную сферу, прежде всего в здравоохранение и образование. Но массовый наплыв трудовых мигрантов, связанный с промышленным освоением вызывает резкое отторжение. Это, прежде всего, связано с высоким уровнем скрытой безработицы в селах. Население надеется, что промышленные компании будут ориентироваться на местные трудовые ресурсы. У старшего поколения «50-64» и «65 и старше» приток приезжих вызывает меньшее опасение в отличие от респондентов мужчин трудоспособного возраста «18-34» и «35-49». Женщины всех возрастов более положительно относятся к приезду мигрантов, но традиционно опасаются увеличения уровня преступности, наркомании, других негативных явлений. (табл. 5,6)

Таблица 5

Если Вы одобряете приезд людей в Ваш район, село, то почему? (%)

Ответ	Кирбейский национальный наслег (с. Харьялах)	Оленекский национальный наслег (с. Оленек)	Шологонский национальный наслег (с. Эйик)		Садынский национальный эвенкийский наслег (с. Сюльдюкар)
			2015	2016	
Не хватает трудовых ресурсов	5.1	5.2	8	6,0	12,2
Приезжают квалифицированные специалисты	18.4	25.4	24	22,0	25,6
Миграция способствует сближению народов	7.1	6.4	2	8,0	8,9
Перенаселение и перегрузка на природную среду не грозит	10.2	3.5	-	6,0	4,4
Другое	1.0	2.3	2	1,0	3,3

Таблица 6

Если Вы не одобряете приезд людей в Ваш район, село, то почему? (%)

Ответ	Кирбейский национальный наслег (с. Харьялах)	Оленекский национальный наслег (с. Оленек)	Шологонский национальный наслег (с. Эйик)		Садынский национальный эвенкийский наслег (с. Сюльдюкар)
			2015	2016	
Следует ориентироваться на местные трудовые ресурсы	28.6	32.4	16	47,0	28,9
Миграция вызывает перегрузку на природную среду	12.2	17.3	22	3,0	11,1

Село не в состоянии обеспечить работой всех приезжающих	33.7	23.7	42	19,0	18,9
Увеличится преступность, наркомания, другие негативные явления	36.7	31.2	44	15,0	27,8
Другое	1.0	2.3		1,0	6,7

Таким образом, местное население осознает, что промышленное освоение не остановить, и безусловно, с освоением будет связано много негативных моментов: ухудшение состояния окружающей среды, сокращение биологических ресурсов, изъятие угодий. Но многие негативные моменты освоения, такие как ассимиляционное давление и увеличение уровня преступности, можно избежать за счёт привлечения местных трудовых ресурсов. Часть населения готово принять участие в строительстве и эксплуатации объектов. В целом местное население положительно относится к новым промышленным проектам, надеется решить ряд социальных вопросов: появление новых рабочих мест и благоустройство сел. Население и муниципальные власти полагают, что за счёт компенсационных выплат промышленной компании произойдёт замещение социальных обязанностей властей и будут решены все копившиеся годами проблемы. Несомненно, население обеспокоено возможными экологическими проблемами в ходе реализации проекта «Верхне-Мунское» и сохранение исконной среды обитания имеет существенное значение. В тоже время вопрос каким образом, в условиях промышленного освоения, сохранить традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, остаётся открытым.

Проведение этнологической экспертизы помогло научному сообществу изучить современное состояние социально-экономического и культурного развития КМНС в местах промышленного освоения, зафиксировать это состояние. О возможном положительном или негативном влиянии, оправдались ли опасения и ожидания коренного сообщества, можно будет говорить только после проведения этнологического мониторинга, проведение которого также закреплено в республиканском законодательстве.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Баишева С.М. Взаимодействие бизнеса и коренных малочисленных народов Якутии: социальный контекст и жизненные реалии // Business Economics. 2016. Issue 4 (2), vol. 51. P. 580–584.
2. Басов А.С. Диалог и бюрократические процедуры: этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия) РФ // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 91–123.

3. Головнёв А.В. Этнологическая экспертиза в сценариях ресурсного освоения Ямала // Уральский исторический вестник. 2014. № 2 (43). С. 143–153.
4. Закон РС(Я) «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» от 14 апреля 2010 г. (редакция от 20.1.2017 г.) // Якутские ведомости, 2010. 12 мая.
5. Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения: Этнологическая экспертиза 2011 года. М.: ИП А.Г. Яковлева, 2012. 132 с.
6. Новикова Н.И. Этнологическая экспертиза в академическом дискурсе и ожиданиях коренных народов // Арктика: экология и экономика. 2017. № 4 (28). С. 125–135. DOI: 10.25283/2223-4594-2018-1-125-135.
7. Пахомов А.А., Мостахова Т.С. Взаимодействие коренных малочисленных народов Севера и компаний-недропользователей: проблемы этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия) // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. 2017. № 4. С. 6-14.
8. Потравный И.М., Гассий В.В., Черноградский В.Н., Постников А.В. Социальная ответственность компаний-недропользователей на территории традиционного природопользования как основа партнерства власти, бизнеса и коренных малочисленных народов Севера // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2(22). С. 56–63.
9. Романова Е.Н., Алексеева Е.К. Добывающие компании на земле оленеводов (этноэкспертиза на северо-западе Якутии) // Казанская наука. 2015. № 11. С. 361–364.
10. Слепцов А.Н. Государственная этнологическая экспертиза Республики Саха (Якутия) // Арктика. XXI век. Гуманитар. науки. 2015. № 1 (4). С. 15–24.
11. Сосин П.В. Южная Якутия: социальная адаптация и этноэкологические проблемы коренных малочисленных народов Севера // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 2 (11). С. 69–74.
12. Шадрин В.И. Этнологическая экспертиза в Якутии // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 331–337.

DOI: 10.25693/571.56.985.2018_018
УДК 314.15(=512.212)(571.56-13)

**Томаска Алена Георгиевна
Игнатьева Ванда Борисовна**

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ ЭВЕНКОВ ОЛЕКМИНСКОГО РАЙОНА ЯКУТИИ (на примере этнологической экспертизы в Олекминском районе РС(Я))

Аннотация. В статье анализируются особенности миграционной ситуации эвенков Олекминского района Якутии по результатам исследования, проведенного в рамках этнологической экспертизы 2017 г. «Оценка воздействия на этнологическую среду при геологической разведке на территории Олекминского и Среднеленского лицензионных участков». Рассматриваются миграционные намерения населения трех национальных наслегов, отнесенных к труднодоступным и отдаленным местностям в Республике Саха (Якутия). Авторы заключают, что миграционная ситуация намного отличается от миграционных особенностей района и в большей степени детерминирована традиционным образом жизни и общинными ценностями народов Севера.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, этнологическая экспертиза, миграционная ситуация, миграционные намерения.

Tomaska Alyona Georgievna, Vanda Borisovna Ignatyeva. FEATURES OF THE MIGRATION SITUATION OF THE EVENKS OF THE OLEKMINSKY DISTRICT OF YAKUTIA (ON THE EXAMPLE OF ETHNOLOGICAL EXPERTISE IN OLEKMINSKY DISTRICT OF THE RS (Y))

The article analyzes the features of the migration situation of the Evenks of the Olekminsky district of Yakutia based on the results of a study conducted in the framework of the 2017 ethnological expertise "Evaluation of the impact on the ethnological environment during geological exploration in the Olekminsky and Srednelensky license areas". The migration intentions of the population of the three national villages related to hard-to-reach and remote areas in the Republic of Sakha (Yakutia) are considered. The author concludes that the migration situation is much different from the migration characteristics of the area and is largely determined by the traditional way of life and the community values of the Native Minority Peoples of the North.

Keywords: indigenous peoples of the North, ethnological expertise, migration situation, migration intentions.

Томаска Алена Георгиевна

н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГиПМНС СО РАН; algepo@mail.ru

Игнатьева Ванда Борисовна

к.и.н., в.н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГиПМНС СО РАН; v_ignat@mail.ru

Tomaska Alyona Georgievna

Research Fellow of the Department of History and Ethno-sociology Arctic Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch

Vanda Borisovna Ignatyeva

Lead Researcher of the Department of the History and Ethno-sociology Arctic Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch

Коренные малочисленные народы Севера определяются Федеральным Законом как народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в России менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями [1]. В Республике Саха (Якутия) по итогам переписи 2010 г. проживают 39936 представителей коренных малочисленных народов Севера, что составляет 4,2% от общей численности населения республики. Малочисленные народы Севера представлены эвенками – 21008, эвенками – 15071, долганами – 1906, юкагирами – 1208 и чукчами – 670 чел. Мужчины составляют 46,3% (18478 чел.), женщины – 53,7% (21458 чел.), население трудоспособного возраста – 60,3% (24081 чел.) [2].

В двадцати районах (улусах) Республики Саха (Якутия), занимающих 77,1% территории, расположены районы компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, где в сельских поселениях проживает 70,8% представителей этих народов. Сегодня коренные малочисленные народы Севера, проживающие в суровых климатических условиях в местах традиционного обитания на труднодоступных, отдаленных территориях, занимаются традиционной хозяйственной деятельностью во всех обозначенных 20 улусах. Традиционное землепользование является основой их жизнеобеспечения, материальной и духовной культуры.

Территория Олекминского района Республики Саха (Якутия) по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РС(Я) на 1 января 2017 г. занимает 160,8 тыс. кв. км., что составляет 5,2% территории республики в целом. Плотность населения составляет 0,16 чел. на 1 кв. км. В районе один город, один поселок городского типа, 21 наслег и 52 сельских населенных пункта, что составляет 24 муниципальных образования – один городской и, соответственно 23 – сельских [3].

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Олекминском районе проживало 26785 чел. По данным ТО ФС Госстатистики по РС(Я) на 1 января 2017 г. 25139 чел. Численность населения района ежегодно сокращается (рис. 1). Сокращение численности населения района преимущественно связано с превышением миграционного оттока над естественным приростом. Так, например, как показывает общий прирост (сокращение) численности постоянного населения Олекминского района в 2016 г., отрицательный показатель детерминирован большим миграционным оттоком из села в городские поселения. Если рассматривать статистику по району, то с 2010 г. на 1 января 2017 г. городское население сократилось на 3,1%, сельское на – 7,8%.

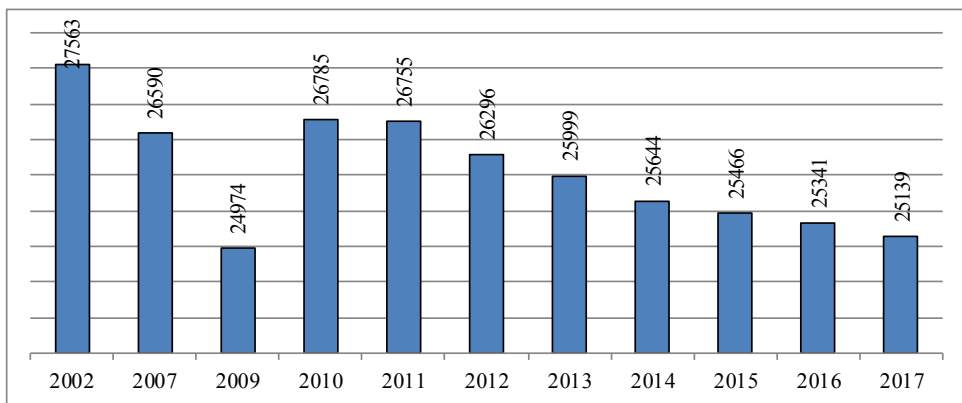


Рис. 1. Динамика численности населения
Олекминского района, чел. на начало года [3]

По данным Всероссийских переписей населения 2002, 2010 гг. численность населения Олекминского района сократилась на 1074 чел. В национальном составе улуса в межпереписной период тоже произошли изменения. Так, на 8,1% сократилась численность русского населения, на 25,3% – татар, на 32,0% – украинцев, на 0,7% – якутов. Увеличилась численность коренного населения: эвенков – на 16,0%, эвенов – на 77,9%. Национальный состав Олекминского района по переписи 2010 г.: русские – 12206 чел. (46,1%), якуты – 11402 чел. (43,0%), эвенки – 1234 чел. (4,7%), татары – 464 чел. (1,8%), украинцы – 215 чел. (0,8%), эвены – 265 чел. (1,0%) и другие национальности – 703 чел. (2,7%) (рис. 2).

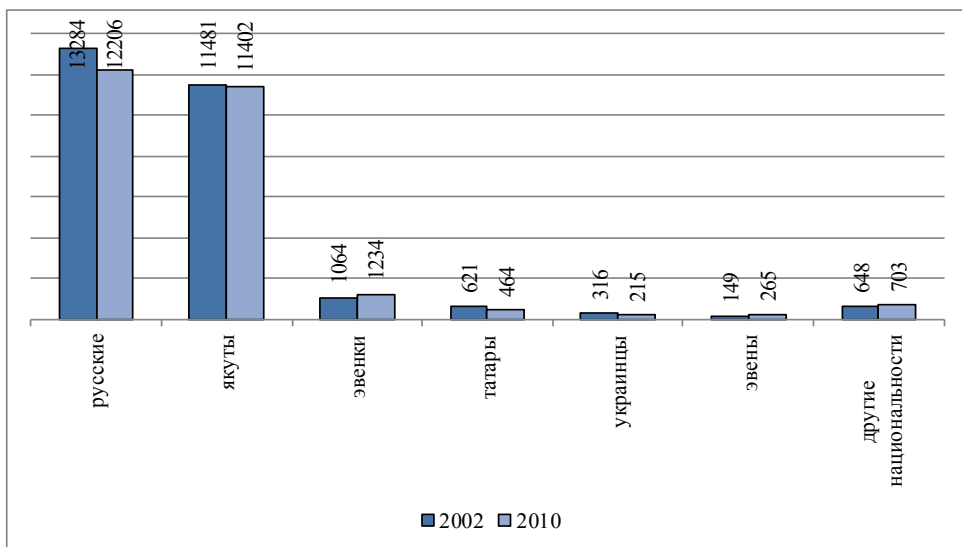


Рис. 2. Национальный состав Олекминского района по данным ВПН, чел.

Район реализации намечаемой деятельности при геологической разведке на территории Олекминского и Среднеленского лицензионных участков затрагивает территории 3-х национальных наслегов Олекминского района: Жарханский, Киндигирский и Тянский эвенкийские национальные наслега. По данным местной администрации в Жарханском наслеге на 1 января 2017 г. проживают: 289 представителей коренных малочисленных народов Севера, что составляет 22,6% от общей численности населения наслега; 63,3% – якуты, 14,1% – русские и представители других национальностей. В с. Тяня малочисленные народы Севера составляют абсолютное большинство – по данным местной администрации они составляют 85,0% населения.

Все три национальных наслега отнесены к труднодоступным и отдаленным местностям в Республике Саха (Якутия) Законом РС(Я) от 4 октября 2002 г. (с изменениями от 25.04.2017) №47-3-№ 429-П. Села Токко, Уолбут Жарханского национального наслега, Куду-Кюель сельского поселения Киндигирский национальный наслег и с. Тяня сельского поселения Тянский национальный наслег входят в перечень районов проживания малочисленных народов Севера, сформированный и утвержденный Постановлением Правительства РФ от 1 октября 2015 г. № 1049 в целях установления социальной пенсии по старости.

Жарханский национальный наслег включает в себя села Жархан, Токко и Уолбут. Село Токко – сельский населённый пункт, центр наслега, в котором находится наследная администрация. Расположен на правом берегу реки Чара (правого притока реки Лена), в 90 км к юго-западу от улусного центра. Село Жархан в пяти км от наследного центра насчитывает три чел. (в 2001 г. – 20 чел.) постоянного населения и с. Уолбут в трех км насчитывает 305 чел. (в 2001 г. – 315 чел.) постоянного населения на 1 января 2017 г. (рис. 3).

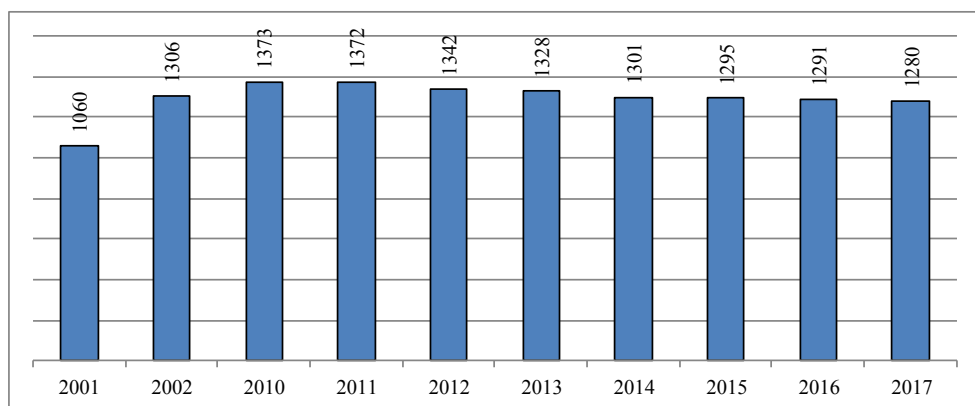


Рис. 3. Динамика численности населения Жарханского национального наслега, чел. на начало года [3, с. 47]

Киндигирский наслег состоит из села Куду-Кюель – центра наслега, и села Дикимдя, в 70-и км от него, в котором осталось всего пять чел. населения (в 2001 г. проживало 11 чел.). Село Куду-Кюель расположено на левом берегу реки Олекмы, в 180 км к юго-востоку от районного центра города Олекминска. Численность населения села на 1 января 2017 г. составила 355 чел. (в 2001 г. – 317 чел.) (рис. 4).

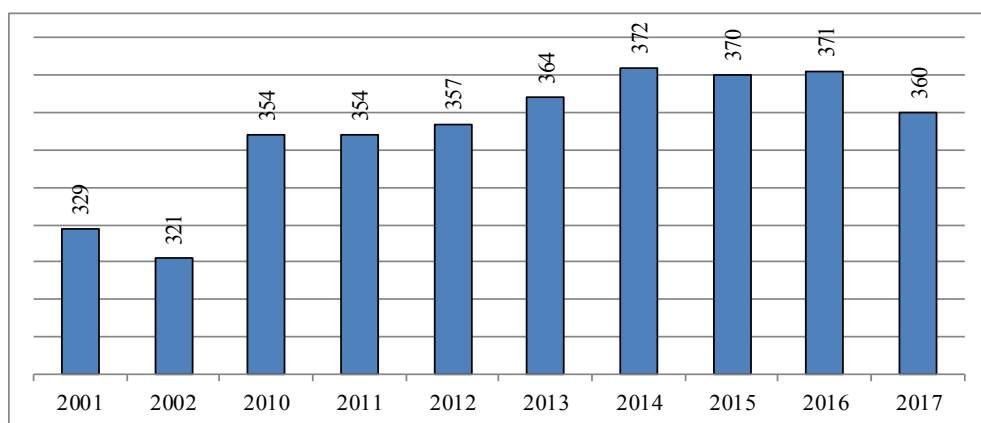


Рис. 4. Динамика численности населения Киндигирского национального наслега, чел. на начало года [3, с. 47]

Тянский национальный наслег представлен сельским населенным пунктом Тяня, расположенным на левом берегу одноименной реки (правого притока реки Токко), в 280 км к югу от улусного центра города Олѣкминск. Ранее, до 2009 г. к Тянскому национальному наслегу относился и заброшенный с 2010 г. поселок городского типа Торго – поселок геологов Чаро-Токкинской геологической разведочной экспедиции, возникший в 1976 г. В пгт Торго проживало более полутора тысяч человек. В 2009 г. осталось 25 чел., по данным переписи 2010 г. в поселке нет населения. Статистика численности населения наслега велась без учета пгт Торго. На 1 января 2017 г. в с. Тяня численность постоянного населения составила 493 чел. Хотя по текущим данным администрации муниципального образования – 500 чел. (рис. 5).



Рис. 5. Динамика численности населения Тянского национального наслега, чел. на начало года. [3, с. 47]

Таблица 1

Численность постоянного населения по муниципальным наслегам, чел.*

Сельское поселение	По данным ВПН-2010 (на 14 октября 2010 г.)	Оценка численности постоянного населения на 1 января		
		2015 г.	2016 г.	2017 г.
Жарханский национальный наслег	1373	1295	1291	1280
в том числе с. Токко		1 118	1114	1112
Киндигирский национальный наслег	354	370	371	360
в том числе с. Куду-Кюель		382	381	385
Тянский национальный наслег	499	486	484	493
в том числе с. Тяня		499	502	500

**Составлена по данным администраций национальных наслегов. Численность населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2017 года: стат. сб./ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) – Якутск, 2017. С. 30-31.*

Как видно из табл. 1, в Киндигирском и Тянском национальных наслегам характер изменения численности населения отличается от изменений по Олекминскому району в целом. Если по району численность постоянного сельского населения сократилась на 7,8% к 1 января 2017 г. относительно показателей ВПН-2010, то в

Киндигирском сельском наслеге, напротив, численность населения за указанный период увеличилась на 3,7%, а в Тянском наслеге сокращение численности относительно не значительно – 1,2%. Показатели по Жарханскому наслегу близки к районному сокращению численности сельского населения – 6,1%. В сс. Тяня и Куду-Кюель, по данным администрации численность постоянного населения больше указываемых официальной статистикой. Здесь, надо полагать администрация учитывает студентов очного обучения, выехавших в другие населенные пункты.

Незначительные изменения численности населения в Киндигирском и Тянском национальных наслегах не свойственны современной динамике численности населения в сельских поселениях Якутии, кроме северных районов, где низкий коэффициент естественного прироста и миграционная активность ограничивается огромными транспортными тарифами, низким уровнем и качеством жизни северян.

Олекминский район характеризуется как регион с довольно интенсивным миграционным обменом – можно отнести ко второй группе по интенсивности миграции районов после районов первой группы (Алданский, Ленский, Нерюнгринский, Мирнинский), где имеются крупные промышленные предприятия, активно привлекающие трудовые ресурсы с других регионов. С начала социально-экономических преобразований в обществе в период с 1991 г. по 2002 г. отмечается интенсивный подъем отрицательного миграционного прироста населения. С этого времени в районе стабильно высокое отрицательное миграционное сальдо при остающейся относительной стабильности прибывающей миграции, т.е. миграционный отток превышает миграционный приток. Пик миграционной убыли пришелся на 2013 г. (миграционный отток составил 1159 чел.). Миграционный прирост остается отрицательным и, несмотря на некоторую стабилизацию с 2007 г. по настоящее время коэффициента общего прироста населения, миграционные процессы остаются одним из главных факторов, формирующих не только показатели численности населения, его структуру, особенности естественного прироста населения, но и качество развития общества.

В структуре миграции Олекминского района преобладает миграция в пределах РФ, особенно среди сельского населения, преимущественно из села в город в пределах РС(Я) (рис. 6). В возрастной структуре мигрантов преобладает группа мужчин (16-59) и женщин (16-54) трудоспособного возраста. Особенная миграционная активность наблюдается у возрастной группы 20-39 лет среди мужчин. У женщин миграционная активность начинается раньше

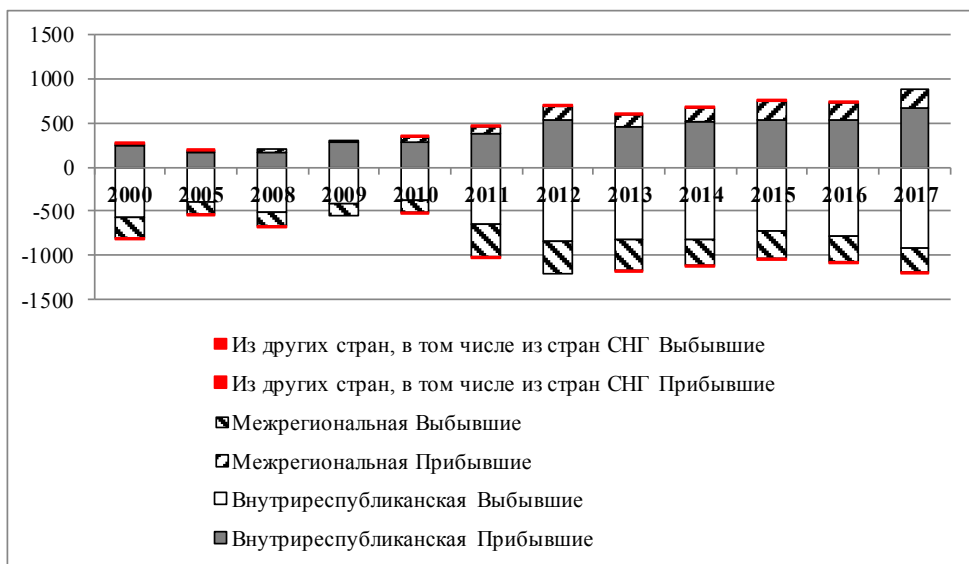


Рис. 6. Общие итоги миграции Олекминского района, чел. [4, с. 7-13]

– 18-39 лет. Однако у женщин миграционная активность резко сокращается в возрасте старше 40 лет, мужчины же сохраняют некоторую активность до 49 лет.

В структуре по уровню образования среди прибывающих и убывающих мигрантов преобладают лица, имеющие среднее общее образование, следующая группа – лица, имеющие среднее профессиональное (среднее специальное) образование, затем лица с высшим образованием. При распределении мигрантов района в возрасте 14 лет и старше по причинам смены места жительства, среди прибывающих мигрантов большинство составляют лица, меняющие свое место жительства в связи с учебой, среди убывающих – по причинам личного, семейного характера.

Результаты анкетного опроса, проведенного в рамках этнологической экспертизы в трех национальных наслегах Олекминского района, выявили невысокий уровень толерантности местного населения к мигрантам – 63,3% респондентов не одобряют рост прибывающей миграции. 36,0% всех опрошенных считают, что увеличится преступность, наркомания и другие негативные явления. 32,3% уверены, что миграция вызывает перегрузку на природную среду, а 21,3%, что село не в состоянии обеспечить работой всех приезжающих. 35,7% положительно относятся к приезду людей в район или село. 22,7% от общего количества опрошенных считают, что преимущественно приезжают квалифицированные специалисты. 11,0% связывают это с нехваткой трудовых ресурсов.

Как пишет Гудков Л.Д., «отсутствие барьеров между теми, кто считается большинством населения “нашими” и “не нашими”, равнодушие, апатия или слабость отталкивания от чужого (или, напротив, привлекательность чужого) означало бы предельную атрофию социальных связей, аморфность отношений социальной и этнической солидарности, неразличимость близкого и дальнего, важного и неважного. Представить себе такую аномическую ситуацию крайне трудно, если вообще возможно» [5, с. 31].

Среди опрошенных респондентов в рассматриваемых национальных наслегах 39,3% имеют более или менее определенные миграционные намерения: в ближайшее время планируют переезд – 6,7%, 18,0% считают, что переезд неизбежен, но неизвестно, когда, и 14,7% респондентов в принципе не уверены в своих планах на будущее. В свою очередь, 60,7% респондентов отметили отсутствие миграционных намерений. Главными причинами миграционных намерений являются отсутствие рабочего места по специальности (13,0%) и низкие доходы (12,3%).

Таблица 2

Основные демографические и миграционные показатели национальных поселений Олекминского района, чел.*

Показатели	На 1 января	Куду-Кюель	Токко	Тяня
Среднегодовая численность постоянного населения	2015 г.	385	1118	499
	2016 г.	381	1114	502
	2017 г.	382	1112	500
Число родившихся за год	2015 г.	5	14	7
	2016 г.	6	7	7
	2017 г.	4	11	5
Число умерших за год	2015 г.	3	4	5
	2016 г.	5	4	8
	2017 г.	3	7	2
Число прибывших	2015 г.	0	13	1
	2016 г.	0	1	0
	2017 г.	0	15	1
Число выбывших	2015 г.	0	8	1
	2016 г.	5	8	0
	2017 г.	5	21	6

*Составлена по данным администраций национальных наслегов

Как видно из таблицы 2, если рассматривать в целом по трем национальным селам, численность населения сокращается в основном за счет миграционной убыли. Здесь необходимо отметить, что миграционная убыль в указанных наслегах не достигает и 2-х процентов в отличие от миграционного сокращения численности сельского населения по району в целом – 7,8%. В отдаленных и труднодоступных селах Куду-Кюель и Тяня прибывающая миграция почти отсутствует, т.е. поселения не привлекают мигрантов. Однако выбывающая миграция имеется и, надо полагать, имеет тенденцию к росту.

Село Токко территориально располагается значительно ближе к центру района, и здесь наблюдаются более резкие колебания и убывающей и прибывающей миграции населения, что показывает с одной стороны наличие ресурсов для социальной мобильности у населения, с другой может свидетельствовать о не очень стабильном социально-экономическом положении села. Анкетный опрос также показал выраженные миграционные намерения у 34,4% респондентов. В Киндигирском наслеге у 23% респондентов имеются миграционные намерения, но здесь 20,0% затрудняются однозначно ответить на вопрос о возможном переезде – вероятно, затруднения вызваны ограниченными социальными ресурсами.

Ли Е.С. указывал на четыре основных фактора, влияющих на принятие решения о миграции и на сам процесс миграции: 1. Факторы, связанные с зоной происхождения. 2. Факторы, связанные с областью назначения. 3. Промежуточный набор препятствий. 4. Личные факторы. [6, с. 49-50]. В данном случае положение в отдаленных от центра района и труднодоступных Киндигирском и Тянском национальных наслегах показывает актуальность и устойчивость традиционных общинных ценностей наряду с социально-экономическими факторами, несколько ограничивающими миграционную активность. Жарханский национальный наслег территориально располагается значительно ближе к центру района, и здесь наблюдаются, хоть и незначительные, но относительно более выраженные колебания миграционной активности населения. В целом в трех национальных наслегах, отнесенных к труднодоступным и отдаленным местностям в Республике Саха (Якутия), где проживают представители коренных малочисленных народов Севера – эвенки, миграционная ситуация намного отличается от миграционных особенностей района и в большей степени детерминруется традиционным образом жизни и общинными ценностями народов Севера.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 27.06.2018) // Собрание законодательства РФ, 1999. № 18. Ст. 2208.
2. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm // (дата обращения: 08.06.2018 г.).
3. Численность населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2017 года: стат. сб. Якутск: Саха(Якутия)стат, 2017. 75 с.
4. Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сб. Т.2. Якутск: Саха(Якутия)стат, 2018. 68 с.
5. Гудков Л.Д. «Россия для русских»: ксенофобия и антимигрантские настроения в России // Нужны ли иммигранты российскому обществу? Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. 168 с.
6. Lee Everett S. A Theory of Migration / Demography, 1966. Vol. 3, No. 1, pp. 47-57.

Васильева Ольга Валерьевна

ЦЕННОСТИ И ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ АРКТИКИ

(по материалам Республики Саха (Якутия))

Аннотация. В статье рассматривается проблема ценностных ориентаций современной молодежи Арктики. Приводятся данные социологического опроса, которые демонстрируют противоречивость декларируемых молодёжью ценностей и социальной практики. Определяется роль глобальных и локальных тенденций в формировании сложившейся ситуации. В качестве вывода указывается, что ценности молодежи оказываются под угрозой дальнейшей деформации, это ставит под сомнение возможность благоприятных изменений в этносоциальной среде Арктических территорий.

Ключевые слова: Арктика, молодежь, ценности, Якутия, жизненные стратегии.

Vasileva Olga Valerevna. VALUES AND LIFE STRATEGIES OF ARCTIC YOUTH (*Based on the Republic of Sakha (Yakutia)*).

The article deals with the problem of value orientations of the modern youth of the Arctic. The data of a sociological survey are presented, which demonstrate the inconsistency of the values and social practice declared by young people. The role of global and local trends in shaping the current situation is determined. As a conclusion, it is indicated that the values of young people are threatened by further deformation, this casts doubt on the possibility of favorable changes in the ethno-social environment of the Arctic territories.

Keywords: Arctic, youth, values, Yakutia, life strategies.

Введение. Значительные социальные изменения, которые имели место в России за прошлые 20 – 30 лет, создали массу вызовов для современного общества, в том числе это касается вопроса социализации подрастающих поколений.

Три важных аспекта оказали влияние на современное общество Арктики - это, во-первых, разрыв в процессе социализации как передачи молодому поколению норм, ценностей и традиций, выработанных предшествующими поколениями.

Васильева Ольга Валерьевна

к.полит. н., н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГиИПМНС СО РАН;
Olgaosipovaigi@gmail.com

Vasileva Olga Valerevna

Candidate of Political Sciences, Research Fellow of the Department of History and Ethno-sociology Arctic
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Во-вторых, в процессе слома Советского государства, претерпели существенные изменения условия жизни и идеология. В российской Арктике как нигде проявились последствия экономических неолиберальных реформ 1990-х. гг. Сворачивание производства, полный упадок инфраструктуры, деградация социальной сферы, обнищание населения, волны миграции.

Третий аспект, на который хотелось бы обратить внимание – это особенности влияния глобализации на формирование жизненных стратегий молодежи периферийных регионов посредством средств массовой коммуникации.

Для ответа на вопросы что же происходит с молодежью в данных условиях, какие ценности для нее важны, и к чему она стремится, нами было предпринято исследование в рамках проекта, поддержанного грантом Президента РФ «Арктика молодая: идентичности, жизненные стратегии молодежи Северной Якутии».

Методика. Основой исследования послужили социологические опросы (согласно квотной выборке) в рамках выполнения проекта «Арктика молодая: идентичности и жизненные стратегии молодежи Северной Якутии». Исследование было проведено в пяти муниципальных районах Республики Саха (Якутия): Аллаховском, Анабарском, Булунском, Нижнеколымском, Усть-Янском. Всего было опрошено 510 респондентов, из них мужчин – 47,1%, женщин – 52,9%. Возрастная структура соответствовала генеральной совокупности: молодежь от 14 до 17 лет составила 25,5% опрошенных, в возрасте от 18 до 24 лет – 37,8%, и в возрасте от 25 до 30 лет – 36,7% от числа опрошенных.

В данном разделе акцент сделан на базовых ценностях и обобщенных жизненных целях, выполняющих роль фундаментальных норм деятельности людей. Они образуют смысловое основание норм повседневного поведения, через которые интегрируют население страны в целостное, социальное сообщество. Терминальные ценности – это ценности, важные сами по себе: самооценности. Ценности, которые нельзя обосновать другими, более общими или более важными ценностями. К таким ценностям обычно относят: любовь, счастье, безопасность, удовольствие, свободу, дружбу, равенство, всеобщий мир. Жизненные цели – это все то, к чему стремится человек в течение своей жизни.

Этносоциальный бэкграунд исследования. Как известно, в советский период в ходе экономического освоения якутской Арктики, было принято решение о постепенном переселении местного кочующего населения в поселки, сопровождавшееся формированием соответствующих государственных институтов на местах.

В тот исторический период, мир молодого человека Арктики начинает постепенно приобретать отличия от того, в котором жили их родители, бабушки и дедушки. В прошлом молодые люди долж-

ны были социализироваться быстрее, осуществляя быстрый переход из детства во взрослую жизнь. Молодые люди четко знали, что жизненный путь их родителей это и их будущее. Кроме того, традиционное общество прошлого предполагало четкое распределение гендерных, социальных ролей и обязанностей, наложенных требованиями суровой среды обитания.

Советская власть существенно изменила эту картину, формируя поселки для постоянного проживания, а также выстраивая систему образования. В ходе выполнения постановления государственной власти по переводу кочевого населения на оседлый образ жизни в пяти Арктических районах, вошедших в географию исследования, в период с 1968 по 1975 гг. было переведено на оседлость 437 хозяйств (1711 чел. населения) из 658. К концу 1979 г. число кочующих хозяйств составляло 114 (численность населения в них составляла 418 чел.). Перевод кочующего населения был масштабным и трудным мероприятием, требующим строительства поселков, обеспечения в пунктах оседания жильем и работой семей охотников и оленеводов [7, с. 30].

Местная молодежь из числа коренных малочисленных народов Севера получила возможность приобрести образование, но стала проводить большую часть дня изолированно от влияния социализации родителей и других взрослых.

В свою очередь, в поселках под влиянием миграции формировался пестрый этнический состав. Молодежь коренных народов оказалась встроенной в советское общество и на уровне социальных практик не отличающейся от своего окружения. И уже в постсоветский период, когда экономика данного региона подверглась изменениям в связи с экономическими и политическими потрясениями в стране жители Арктики, включая как местное, так и пришлое население испытали на себе наиболее тяжелые эффекты кризисного времени.

Сейчас же происходит дальнейшее изменение за счет распространения информационных технологий. 63,7% респондентов исследования указали, что основным источником информации на данный момент является Интернет. На втором месте по популярности ответ – телевидение – 46,7%.

В этой ситуации современная молодежь Арктики имеет образ жизни принципиально отличный от того, что было в прошлом. Сейчас они проходят те же стадии социализации, что и подростки любых иных территорий. Используют выход в интернет и телевидение, чтобы формировать свои представления о мире. Как известно, телевидение и интернет сейчас не только являются окном к внешнему миру, но и окном к мировым молодежным субкультурам. В результате молодые люди Арктики разделяют такие же ценности,

социальные ожидания и поведенческие нормы, как и их сверстники в современном мире.

Результаты исследования. Наиболее важными терминальными ценностями для молодежи Арктики оказались:

Семья – 88,6%	Успех – 22,5%
Здоровье – 71,9%	Стабильность – 20,3%
Дружба – 48,0%	Свобода – 18,3%
Образование – 42,2%	Богатство – 17,0%
Любовь – 37,9%	Мир – 15%
Уважение к родителям – 35,9%	Порядочность – 11,1%
Справедливость – 24,2%	Профессионализм – 8,2%

В меньшей мере актуальны такие ценности как: безопасность – 6,5%, секс – 5,9%, законность – 5,2%, патриотизм – 5,2%, Бог – 4,2%, милосердие – 2%, «блат» – 1%.

Из особенностей ответов респондентов Арктики, следует отметить, что опрос показал различия в ответах респондентов, разделенных по гендерному признаку. При общем ценностном ядре, выясняется, что для женщин ценность семьи, образования, здоровья, стабильности и мира выше, чем для мужчин. В свою очередь, для мужчин большую значимость имеют такие ценности как дружба, свобода, богатство.

Наблюдаются различия в ответах респондентов разных возрастных групп. В старшей возрастной группе от 25 до 30 лет существенно большую значимость получали такие ценности как, семья, здоровье, законность, справедливость, порядочность, стабильность и безопасность.

Для молодежи самой юной возрастной категории от 14 до 18 лет характерна значимость таких ценностей как дружба, образование, любовь, свобода, успех, секс. Для молодежи в возрасте от 18 до 24 лет характерна сравнительно высокая значимость богатства и сравнительно низкий уровень ценности уважения к родителям.

Стоит отметить, что в целом, полученные результаты соотносятся с данными общероссийских исследований, где ценности здоровья, семьи, детей и материального благополучия занимают лидирующие строчки. В частности, схожие данные были получены в ходе социологического исследования, проведенного в 2010 г. Таким образом, можно говорить о том, что население арктических поселков и сел включено в единое смысловое поле страны, результатом действия которого, являются общие ценности.

Однако можно задаться вопросом как эти ценности совмещаются с социальной реальностью Арктики? Данные социологических исследований показывают, что в настоящее время ведущими цен-

ностями молодежи выступают такие ориентации, как семья, здоровье, дружба, образование и любовь.

Исследуя ценности молодежи, Ф. Шереги предложил рассмотреть их в трех измерениях (группах): социально-биологические, материально-экономические и институциональные жизненные ценности [8, с. 104]. Далее, рассмотрим данные группы ценностей более подробно.

Что касается первой группы – социально-биологических ценностей (семья, здоровье, друзья), которые вышли на первое место в ценностных ориентациях, то они оценены молодежью очень высоко. И на первый взгляд ситуация выглядит сравнительно благополучной. Но как совместить признание ценности семьи со статистикой роста неполных семей на Севере, более низкими показателями брачности и сравнительно высокими показателями разводимости?

В 2017 году удельный вес детей, рожденных вне зарегистрированного брака, в арктических районах Якутии в среднем составил – 47,2%, а в Нижнеколымском районе был зафиксирован пик – 57,1%, в то время как, в среднем по республике данный показатель составляет 33,2% [2, С. 64]. Сопутствующей тенденцией с начала 2000-х годов является рост числа семей, состоящих из двух человек. При этом в арктической зоне двухчленные семьи занимают наибольший процент по республике. В их составе, наряду с супружескими парами без детей или с детьми старше 18 лет, заметную долю занимают одинокие родители, как правило, мать с ребенком. Однако почти в каждом девятом случае, а в отдельных районах и в 7, во главе неполных семей, состоящих из двух человек, значатся мужчины-отцы [5].

Социолог Ж.Т. Тощенко считает, что подобные показатели при обстоятельном и углубленном анализе показывают, что мы имеем дело с одним из проявлений социокультурной травмы — декларируемым признанием семьи как опоры в жизни и в то же время с неспособностью освоить реалии семейных отношений, нести за них ответственность, неготовностью считаться с интересами другого человека, неумением идти на компромисс. Ценность семьи соседствует с полной неприспособленностью к жизненным трудностям, неспособностью сочетать эмоциональный и рациональный подход, с инфантильностью, неумением выполнять новые социальные роли [6]. Контрастным выглядит и декларирование ценности здоровья при реальном обеспечении практики здорового образа жизни. Высок процент молодых людей, употребляющих алкоголь (см. табл. 1).

Таблица 1

**Употребление алкоголя в разрезе возраста респондента
(субъективная оценка), в %**

Возраст	почти каждый день	чаще трех раз в неделю	2-3 раза в неделю	1 раз в неделю	1-3 раза в месяц	реже чем раз в месяц	не употребляю
14-17	1,6	0	0,8	3,1	7,0	14,1	73,4
18-24	0,5	0,5	4,7	16,7	22,4	27,1	28,1
25-30	0	0,5	3,2	15,1	13,0	30,3	37,8
Всего	0,6	0,4	3,2	12,7	15,0	25,0	43,2

Относительно второй группы ценностей материально-экономического характера стоит отметить, что материальное благополучие, карьера, а тем более удовлетворяющая человека занятость имеют ключевое значение.

Однако для молодежи Арктики богатство не является ориентиром в жизни. Большую значимость имеет для них такая ценность как стабильность.

Тем не менее, на пути формирования собственного материального благополучия стоят безработица, сложности получения образования и дальнейшего трудоустройства. Поэтому почти закономерными тенденциями становятся – разочарование в жизни, рост неудовлетворенности. А если к этому добавить то, что общество не обеспечивает реализацию этих ценностных ориентаций, то можно говорить о травмирующей ситуации, которая приводит к потере молодым человеком социальной ориентации, а иногда и смысла жизни.

Третья группа – ценности институциональной жизненной среды (милосердие, Бог, патриотизм, свобода) – оказалась наименее важной составляющей, существенно уступающей по значимости первым двум группам. Именно эта несформированность (или сформированность в слабой степени) приводит к тому, что на институциональном поле появляются отклоняющиеся, асоциальные, противоправные практики поведения.

Возможно, именно это и приводит к тому (это одно из следствий травмированности сознания и поведения), что наблюдается высокий уровень самоубийств (табл. 2).

Число умерших от самоубийств (без учета возраста) [4]

Район/улус	2012	2013	2014	Первое полугодие 2015
Аллаиховский (Чкалов, Нычалах, Русское Устье, Оленегорск, Ойотунг)	3	2	1	1
Анабарский (Саскылах, Юрюнг-Хая)	3	3	9	8
Булунский (Намы, Кюсюр, Быковский, Сиктях, Таймылыр, Усть-Оленек, Найба)	10	-	3	2
Нижнеколымский (Андрюшкино, Походск, Колымское)	1	1	-	1
Усть-Янский (Казачье, Хайыр, Сайылык, Тумат, Устьянск, Уянди, Юкагир)	5	3	1	1

Иначе говоря, мы имеем поле ценностей, которое слабо соотносится с социальной действительностью Арктики. Данное обстоятельство требует определения причин сложившейся ситуации, а также поиска ответа на вопрос, как поддержать формирование позитивных ценностных ориентаций молодежи, как противостоять негативным тенденциям.

Многие исследователи отмечают, что в индивидуальных жизненных ситуациях растет удельный вес социальных причин, которые зависят от общества и глобальных тенденций.

К примеру, посредством средств массовой коммуникации молодым людям в Арктике становятся доступны образцы потребления, образ жизни, ценности, мировоззрение современного общества. В тоже время, молодежь арктических территорий является изолированной, в виду территориальной отдаленности от экономических, культурных и общественных центров. В виду этого обстоятельства многие из широких возможностей современного мира просто блокируются.

Отсутствие социальной инфраструктуры поселений приводит к тому что, молодежь не может реализовать свои желания в плане потребления и формирования на основе потребления собственного стиля жизни и своей идентичности, отчасти именно этим продиктовано негативное отношение к месту своего проживания и желание его покинуть.

Уже сейчас молодежь хотела бы стереть различия между городами и селом именно в плане потребления. Не случайно, на вопрос о том, что необходимо для того, чтобы сделать для вас пребывание в

вашем населенном пункте комфортабельным, поколение самых молодых говорит о том, что их поселкам нужны торговые центры и развлекательные учреждения. Образ нормальной, комфортной жизни связывается с возможностью потребления различных благ, материальных товаров и услуг.

В условиях территориальной изоляции и ограниченных ресурсов, установки, которые дает им глобальный мир посредством СМИ, которые стали доступны повсеместно, о том, как строить свою жизнь, какими качествами необходимо обладать и к чему стремиться, не всегда являются достижимыми и даже более того, просто иллюзорными.

В связи с чем, уместно вспомнить слова польского исследователя Зигмунда Баумана, который отмечает, что: «когда человек не в состоянии даже попытаться достичь тех целей, к которым многие стремятся, или когда у него не хватает средств, чтобы дойти до конца пути, становятся неизбежными обида и разочарование, но человек ничего не может сделать, чтобы предотвратить подобную ситуацию или избежать ее... Именно такое затруднительное положение, как представляется, препятствует рациональным действиям, вызывая торможение или же бессмысленную, лишённую цели агрессию» [1].

З. Бауман экстраполировал этот тезис на все современное общество, однако представляется, что на периферийных территориях описанная ситуация распространена чаще, а проявляется сильнее. Мы считаем, что данное обстоятельство в определенной мере способствует агрессии, направленной как на общество, так и на самого себя, в современной Арктике, определяя довольно высокие показатели самоубийств, преступности, употребления алкоголя. При этом надо учитывать, что в рамках многих зарубежных исследований было показано, как присутствие и распространение в локальном сообществе негативных ролевых моделей, социальных норм и заниженных ожиданий порождает порочный круг, препятствующий реализации жизненных шансов выходцев из финансово и социально неблагополучных семей.

В заключение хотелось бы отметить, что противоречивость ситуации с точки зрения заявлений, личных стремлений и реальной деятельности, совмещенное с ощущением неблагополучия, в условиях политической стабильности и одновременной экономической стагнации государства, приводит молодых людей к важным, при этом нередко и к парадоксальным решениям о своем месте в жизни, о своем будущем. Глобальная тенденция, характерная для современного социума, проявляющаяся в мощной индивидуализации проблем, планов и устремлений, взваливает всю ответственность за положение молодых людей на их плечи. В результате жиз-

ненные стратегии, в первую очередь, оказываются связанными с дихотомическим выбором: остаться на селе или переехать [3, с. 6].

Ответом на сложившуюся ситуацию должна быть, по всей видимости, молодежная политика. На данный момент она характеризуется скорее непродуманностью, локальностью и убожеством и это не вина отдельных управлений молодежной политики. На федеральном уровне отсутствуют ключевые стратегические установки в данной области.

Каковы перспективы Арктических сообществ в Якутии, с учетом вышесказанного? Ценности молодежи оказываются под угрозой дальнейшей деформации, что ставит под сомнение возможность благоприятных изменений в этносоциальной среде Арктических территорий.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Индивидуализированное общество [электронный документ] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/baum/index.php (дата обращения 04.10.2013)

2. Естественное движение населения Республики Саха (Якутия) за 2017 год. Стат. сборник №5/269. Т. 2., 92 с.

3. Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Молодежь Арктики: миграционные намерения и социальные ожидания // Journal of Siberian and Far Eastern Studies. 2014. № 10. С. 6-44.

4. Социально-экономическое положение мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера: стат. сб. Якутск: Саха(Якутия)стат, 2015. С. 73–75.

5. Сукнева С.А., Мостахова Т.С., Барашкова А.С., Туманова Д.В., Елшина И.А. Демографические процессы в Республике Саха (Якутия): территориальный аспект. Якутск, 2017. 208 с.

6. Тощенко Ж.Т. Ценности молодежи и молодежная политика: как соединить их вместе? Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: XIII Международные Лихачевские научные чтения 16 - 17 мая 2013 года/ Рос. акад. наук, Рос. акад. образования, Конгресс Петербургской интеллигенции, СПб Гуманит. ун-т профсоюзов. СПб.: СПбГУП, 2013. С. 177 – 181.

7. Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: вторая половина XX в. Новосибирск: Наука, 2007. 176 с.

8. Шереги Ф.И. Политические установки студентов российских вузов // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 63-78.

Маклашова Елена Гавриловна

УПРОЧЕНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ КАК ЗАДАЧА СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

(на материалах региональных социологических исследований)

Аннотация. «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» вносит существенные изменения в управление повседневностью российского полиэтничного сообщества, которые, прежде всего, связаны с внедрением гражданского единства и единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации). В статье автор поднимает вопрос о восприятии единства в социальной практике. Методика изучения базируется на социологическом анализе. Приводятся результаты двух массовых анкетных опросов жителей Якутии и Еврейской автономной области как национальных территорий России и экспертного опроса представителей власти девяти субъектов Дальневосточного федерального округа. На момент исследования отмечено существование фрагментарности в понимании единства обществом, что и позволило выработать ряд рекомендаций по повышению эффективности управления вопросами национальной политики.

Ключевые слова: национальная политика, российская нация, единство, гражданин России (россиянин), Республика Саха (Якутия), Еврейская автономная область, Дальневосточный федеральный округ

Maklashova Elena Gavrilevna. STRENGTHENING THE RUSSIAN NATION AS THE TASK OF THE STATE NATIONAL POLICY OF RUSSIA (RESULTS OF REGIONAL SOCIAL RESEARCHES).

Abstract. The Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025 introduces significant changes in the management of the Russian polyethnic community everyday life, which, first of all, are connected with the introduction of civic unity and unity of the multinational people of the Russian Federation (Russian nation). In the article the question about perception of unity in social practice are raised. The method of the study is based on sociological analyses. The results of two mass surveys of the residents of Yakutia and the Jewish Autonomous Region and an expert poll of the officials of nine subjects of the Far Eastern Federal District are presented. The results of the study allowed the authors to conclude on a fragmentary understanding of unity and offer some recommendations to the authorities.

Keywords: national policy (ethnic policy), Russian nation, unity, Russian, Republic of Sakha (Yakutia), Jewish Autonomous Region, Far Eastern Federal District

Маклашова Елена Гавриловна

к.полит.н., с.н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГиИПМНС СО РАН; maklashova@mail.ru

Maklashova Elena Gavrilevna

Candidate of Political Science, Senior Researcher of the Department of History and Ethno-sociology Arctic Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Актуальность и постановка задачи. Основой стабильности государства, его территориальной целостности является политическое и гражданское единство населения. Но в условиях многонационального общества достижение этой государственной задачи осложняется.

В России, где народы, образуют региональные сообщества и принадлежат к различным культурам, конфессиям, языковым семьям, требуется особая парадигма развития с особыми консолидирующими началами [2].

В условиях идейных конфронтаций и долгих общественно-политических дискуссий в 2012 г. была принята «Стратегия государственной национальной политики России на период до 2025 года» (далее – Стратегия РФ), отражающая новый концепт управления этнокультурным и национально-гражданским развитием полиэтничного российского общества. Сложилась своя уникальная правовая и повседневная практика учета полиэтничности страны, основанная на бинарном подходе: укрепление единства народа и поддержка этнокультурного многообразия. Сегодня управление в сфере национальной политики, связано с внедрением новых символов, ценностей и механизмов укрепления единства и многообразия в социальную ткань российского общества. В этой связи весьма интересным является фиксация процесса внедрения бинарной системы национальной политики в социальные отношения дифференцированных в социально-экономическом и правовом плане регионах.

Методология и методика. Основой данной статьи являются результаты конкретных авторских социологических исследований (программы разработаны, утверждены в Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН и проведены лично автором, как сотрудником данного института), краткое описание которых можно представить следующим образом:

массовый анкетный опрос населения арктической (Аллаиховский, Анабарский, Усть-Янский, Нижнеколымский, Булунский районы), центральной (г. Якутск), южной (Нерюнгринский и Олекминский районы) зон Республики Саха (Якутия) (далее – РС(Я)) по теме «Этносоциальные процессы в Республике Саха (Якутия)». Выборка квотная, пропорциональная, половозрастная (n=968, 2014-2015 гг.). В основе инструментария заложены как авторские наработки (в соавторстве с Васильевой О.В.), так и Л.М. Дробижевой в контексте изучения межнациональных отношений и этнической идентичности, и отдела этносоциальных и политических исследований Института гуманитарных исследований Академии наук РС(Я);

массовый анкетный опрос населения по теме «Этносоциальные процессы в регионах России», выборка квотная, половозрастная,

география: г. Биробиджан (Еврейская автономная область (далее – ЕАО)) (n = 200, 2015-2016 гг.). Инструментарий исследований включает как авторские разработки (в соавторстве с Васильевой О.В.)³, так и Л.М. Дробижевой в контексте изучения межнациональных отношений и этнической идентичности.

Выбор контрольных зон обусловлен национально-территориальным статусом обоих регионов и этносоциальной спецификой, которая в целом заключается в том, что в РС(Я) происходит рост численности коренного этноса и сохраняется отток населения, а в ЕАО, наоборот, происходит рост русского населения при низкой доле этноса, определившего название территории, но не являющегося исконно проживающим в данном регионе, кроме того столица ЕАО – г. Биробиджан представляет собой концентрацию жителей региона, где проживает 46% всего населения ЕАО;

стандартизированное экспертное интервью представителей законодательной и исполнительной органов государственной власти девяти регионов Дальневосточного федерального округа: Амурская, Магаданская, Сахалинская и Еврейская автономная области, Хабаровский, Приморский и Камчатский края, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ по теме «Особенности реализации государственной национальной политики в субъектах РФ» (n=18, 2015-2016 гг.). Инструментарий исследования авторский (разработка Маклашовой Е.Г.). Подбор экспертов осуществлялся по следующим критериям: от исполнительной власти: 1) должность в органе, ответственном за реализацию национальной политики в регионе (не ниже начальника отдела); 2) опыт работы по вопросам в сфере национальной политики; от законодательной власти: 1) должность должна быть связана с координацией национальной политики (не ниже заместителя руководителя комитета или комиссии); 2) опыт работы в сфере национальной политики.

Результаты региональных социологических исследований.

Опорным положением, определяющим единство населения России, сохранившимся и поддерживаемым в Стратегии РФ, является символический конструкт «многонациональный народ России», но произошла трансформация содержания – от признания его союзом разных народов при объединяющей роли русского народа (что было закреплено в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, принятой в 1996 г.) к более сложной дефиниции с усилением на факторе единства – российская нация.

В конструкте «многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)» заложен и отражен многосоставной характер, основанный на формировании гражданского сознания, государственной и многонациональной (полиэтнической и поликультурной) общности. В целом, можно сказать, что используется две-

дина модель, совмещающая понятия «нация» и «этнос». «Этнос» – общность людей, объединённых общими объективными либо субъективными признаками, такими как: культура, язык, территория проживания и т.д. Определяясь через дефиницию «нация», многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) представляет собой не просто многоликую совокупность народов (этносов), а единое меж- и над- этническое согражданство, т.е. сложносоставное сообщество, основанное на гражданском единстве и духовной общности.

Можно предположить, что многосоставной конструкт «многонациональный народ России (российская нация)», сочетающий как факторы единства, так и дифференциации, весьма сложен для внедрения на паритетных основаниях в социальную практику. В этой связи, полагаем, что ввиду трансформации целей и формирования новых образов государственной национальной политики в обществе пока существует фрагментированное восприятие многосоставного характера российской нацией.

Интересным примером реализации государственной национальной политики в России является социальная практика в рамках Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) как особой стратегической и уникальной этнокультурной территории России, где национальная политика, прежде всего, связанная с поддержкой развития коренных малочисленных народов России, а также этносов, образующих национально-территориальные субъекты РФ.

Одной из задач авторских социологических исследований являлось выявление особенностей идентификации населения с понятием «гражданин России» и «российская нация».

Надо заметить, что система идентичности в национальном регионе, – Республике Саха (Якутия), сложная и даже имеет этнотерриториальные особенности: преобладание арктической идентичности в арктических регионах Якутии, гражданской идентичности в Южных и этнической в Центральных [1, 3, 4]. Согласно результатам социологического исследования, у населения Якутии наблюдается достаточно высокий уровень самоидентификации с образом «гражданин России, россиянин», занимающей второе место в иерархии идентичности после этнической идентификации. Более 85% респондентов в той или иной степени значимости оценили важность идентификации себя как гражданина России или россиянина.

Однако мы наблюдаем существование недопонимания у населения вопроса о необходимости формирования российской нации (наподобие единой американской). Так, результаты массового анкетного опроса показали, что только четверть опрошенных жителей Якутии положительно относятся к формированию единой рос-

сийской нации в рамках данного вопроса. 24,5% респондентов дали ответ «да», а 33,9% затруднились ответить. При этом не имеется сильной дифференциации в частоте положительных ответов представителей арктической, центральной и южной Якутии. В среднем 33% в каждой зоне проживания поддерживают инициативу формирования российской нации. Частота неприятия необходимости формирования единой российской нации, наподобие единой американской, в каждом из типов социальной идентичности, связанной с территорией (государственно-гражданская, республиканская, территориальная) в Якутии составляет порядка 41,0%.

Этнический срез показал, что также четверть (в среднем 23%) опрошенных представителей анализируемых этнических групп («русский», «якут», «представитель коренных малочисленных народов», «другой этнической группы») считает необходимым формирование российской нации.

На вопрос о сближении и единении народов России с вариантами из 10 ответов, преобладающее большинство опрошенных жителей Якутии ответили, что факторами сближения являются: общее государство (72,7% ответов респондентов); родная земля, территория, природа (36%); язык (34,4%). Культура (а также праздники) как фактор единения, к сожалению, не нашла высокой поддержки среди опрошенных якутян (19,3 % ответов респондентов).

Если обратиться к результатам социологического опроса, проведенного в Еврейской автономной области, то на данной национальной территории также выявляется своя специфичная матрица (система) идентичности, которую, исходя из частоты ответа «имеет очень высокую значимость», можно представить иерархично (по убыванию): 1) гражданин России (46% респондентов); 2) дальневосточник (21,2%); 3) житель Еврейской автономной области (14,6%); 4) гражданин мира (14,3%); 5) представитель своего этноса (13,0% респондентов).

На вопрос о необходимости формирования в России единой российской нации, наподобие единой американской, лишь 21,5% опрошенного населения согласилось с этим высказыванием (что несколько меньше, чем в Якутии), а 26,9% выбрали вариант ответа «затрудняюсь ответить». Частота отрицания вопроса о формировании единой российской нации в каждой из типов идентичности в Еврейской автономной области составляет порядка 50,0% (что гораздо больше, чем в Якутии).

В Еврейской автономной области опрошенное население считало, что ключевыми факторами единения народов России являются: общее государство (68,4% ответов респондентов); родная земля, территория, природа (47,8%); язык (39,2%) и историческое прошлое (34%). Частота выбора ответов «культура» и «праздники»

у населения Еврейской автономной области составила чуть более 26%.

Сложная ситуация наблюдается и в сообществе, непосредственно реализующего национальную политику и отвечающего за межнациональное согласие в регионах ДФО. Результаты анализа экспертных высказываний показали отсутствие четкого понимания термина «нация» со стороны власти. Так мнения разделились в отношении всех трех предложенных вариантов:

- нация – это исторически сложившаяся общность людей, возникшая на базе единства языка, культуры, традиций, менталитета (этнос – нация);

- нация – особое надэтническое сообщество людей, проживающих в едином государстве, объединённых общей идеей, чувством солидарности и любви к Отчеству, где признаются культурные отличия и равноправие этносов;

- нация – это политическая общность людей, проживающих в едином государстве, объединённых общей идеей, чувством солидарности и любви к Отчеству (гражданская нация).

Имея возможность отметить степень приверженности (от полностью разделяю до полностью не согласен) к каждому из вышеобозначенных высказываний, эксперты – представители власти не смогли показать свою категоричность, поскольку чаще выбирали «полностью согласен» как вариант ответа к каждому из вышеобозначенных высказываний. В большинстве своем эксперты указали, что нацию стоит трактовать и как этнос – нация (67% экспертов полностью согласились с этим вариантом ответа), и как гражданскую нацию (56% экспертов полностью согласились с этим вариантом ответа). Полностью согласились с утверждением, что нация – это особое надэтническое сообщество 25% экспертов.

Экспертный опрос показал, что в сознании представителей власти существует весьма разрозненный комплекс пониманий основ государственной национальной политики России.

В целом большинство экспертов (94% от всех опрошенных) полностью согласились с положением, что «Россия – общий дом, в котором все народы обладают равными правами», далеко оставив варианты о превосходстве одних этнических групп над другими (Россия – многонациональное государство, но русские, как большинство должны иметь больше прав, поскольку на них лежит ответственность за судьбу страны, ее народов и нацию в целом) или переноса проблем этносов исключительно в сферу культуры («Россия – мононациональное государство, где этнические различия – это вопросы культурной политики»).

При выборе оптимальной управленческой политики решения межэтнических вопросов эксперты отдали предпочтение типам, обозначенным как: – политика интернационализма (формирова-

ние межэтнической солидарности, соблюдение равенства и прав всех народов (этносов)) (39% экспертов); – политика множественной идентичности (укрепление гражданской нации на фоне сохранения и развития полиэтнического характера страны) (50% экспертов).

Политика мультикультурализма и плавильного котла воодушевила лишь 11% опрошенных экспертов. Не вызвал интерес тип управления, основанный на создании единой гражданской нации.

Однако, четверть экспертов показали свою плюрипотентность, поскольку могли придерживаться взаимоисключающих точек зрения по вопросу интерпретации термина «нация» и оптимальной модели решения вопроса этнокультурного разнообразия в России. Признавая за термином «нация» вариант, где заложен ее государственно-политический смысл, в то же время некоторые представители власти склонялись выбирать как дополнительный оптимальный вариант учета этнокультурных особенностей политику интернационализма, где политическими субъектами признаны, прежде всего, народы России, этносы, нежели подходящий по смыслу вариант – концепцию гражданственности.

Итак, результаты социологических исследований показали, что восприятие российской нации в обществе происходит на основе представления о ее государственно-территориальном начале. Такой важный фактор единения как культура пока не находит соответствующей рефлексии у населения, как и сама необходимость формирования российской нации, позитивно оценивая лишь четверть населения. Однако, на наш взгляд, эта ситуация констатирует существование перелома в сознании населения о многозначности самого феномена «многонациональный народ России (российская нация)». В то же время, стоит отметить наличие вариативности в понимании новых образов государственной национальной политики ведущими агентами управления – властью, что, свидетельствует о сложностях в формировании паритета между ключевыми слагаемыми российской нации (государственной, этнической и национально-гражданской основы). Уровень критичности оценки эффективности управления в сфере национальной политикой в регионах ДФО несколько снижается за счет наличия у преобладающей части экспертов мнения, что оптимальной моделью для России стоит признать политику по укреплению гражданской нации на фоне сохранения и развития полиэтнического характера страны. Кроме того, в данных регионах не наблюдается острых конкурирующих настроений у респондентов, связанных с неодобрением формирования единой российской нации и такими самоидентификациями, как этническая, гражданская, территориальная (региональная).

Обсуждение. Деятельность по укреплению многосоставного феномена «многонациональный народ России (российская нация)» осложнена самой особенностью политических и социальных отношений и связей, выстроенных на этнических, территориальных представлениях общественного развития. Социологические исследования свидетельствуют о существовании пока что фрагментарного восприятия многосоставного характера сплочения многонационального народа России, отражающегося в дифференциации его государственного и национально-гражданского начала. Наблюдается разрыв между уровнем идентификации респондентами себя как гражданами России (россиянами) (зафиксирован как очень высокий) и принятия единой российской нации как единой, наподобие американской (зафиксирован как невысокий). Полученный результат фиксирует момент процесса конструирования новых символов российского государства и характеризует его как степенный и находящийся в фазе осмысления его целей обществом.

Результаты исследования позволяют констатировать необходимость корректировки дискурса и механизмов управления в сфере государственной национальной политики, в частности на Дальнем Востоке, связанной с укреплением ключевых слагаемых многосоставного понятия «многонациональный народ России (российская нация)», формированием паритета в системе «единство и многообразие», повышением роли культуры как фактора единства; а также наталкивают на важность проведения социологического исследования по вопросу одобрения формирования российской нации и определения ключевых ресурсов единения в регионах Дальнего Востока, учитывая значимость и динамичность процессов по реализации Стратегии РФ в России. Кроме того, по нашему мнению, необходимо разработать единое методическое пособие по основам государственной национальной политики России для органов федеральной и региональной власти; усилить дискурс о нациестроительстве в России и транспарентность информации о задачах национальной политики в общественном пространстве (главным образом, о культурном и духовном единстве, российской нации как национально-гражданском единстве).

ЛИТЕРАТУРА

1. Маклашова Е.Г., Осипова О.В. Государственная национальная политика в условиях российского этнофедерализма: социологический срез (на материалах Республики Саха (Якутия)) // Теория и практика общественного развития. 2015. №12. С. 28–34.
2. Мочалов А.Н. «Российская нация» и будущее российского федерализма // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2014. № 2 (27). С. 41-45.

3. Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия).
Выпуск 1. Сб. науч. ст. Якутск: ИГиПМНС СО РАН, 2015. 139 с.
4. Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия).
Выпуск 2. Сб. науч. ст. Якутск: ИГиПМНС СО РАН, 2016. 120 с.

РАЗДЕЛ II ФОЛЬКЛОР И СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ АРКТИКИ И СЕВЕРА

DOI: 10.25693/571.56.985.2018_008
УДК 811(=554)

Курилова Самона Николаевна

ВАРИАТИВНОСТЬ РУССКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН В ЯЗЫКЕ ТУНДРОВЫХ ЮКАГИРОВ

Аннотация. В речи тундровых юкагиров встречаются имена собственные из чукотского, тунгусских, якутского и русского языков. В данной статье дается характеристика личных имен, перенесенных напрямую из русского языка в юкагирский, с одной стороны, как результат приспособления онимов одного языка к системе онимов другого, с другой – в процессе коммуникации. Представлены особенности фонетико-графической адаптации русских личных имен.

Ключевые слова: язык тундровых юкагиров, личное имя, перенос, русский язык, вариант, адаптация, усечение, прагматика.

Kurilova Samona Nikolaevna. VARIABILITY OF THE RUSSIAN PROPER NAMES IN TUNDRA YUKAGHIR

There are proper names from Chukchi, Tungus, Yakut and Russian in Yukaghir. This paper characterizes the proper names transferred directly from Russian to Tundra Yukaghir, on the one hand, as a result of adaptation of one language's onyms to a system of another language's onyms, and on the other, in a process of communication. The features of the phonetic and graphic adaptation of the Russian proper names are identified.

Keywords: Tundra Yukaghir, proper name, transfer, Russian, variant, adaptation, reduction, pragmatics.

Традиционная антропонимика юкагиров, как и многих других народов Севера, своеобразна и уникальна. Юкагиры давали имена своим детям исходя из особенностей в физиологии, поведения, соотношения с явлениями и событиями окружающей действительности. Например, в зависимости от того, как протекали беременность

Курилова Самона Николаевна

к.ф.н., с.н.с. отдела северной филологии ИГиИПМНС СО РАН; samonakur@mail.ru

Kurilova Samona Nikolaevna

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of the North Philology
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

и роды, ребенок мог получить имена *Лохнии* 'выпиривший в животе матери' или *Аадъэй* 'долго появлявшаяся на свет'. В случае, если имели место выделяющие его черты физиологического или поведенческого характера, то ребенок получал соответствующее и раскрывающее его особенности имя, как *Пөмдии* 'кругленькое личико', *Пөмдикиэ* 'обладающая мягким характером', *Орукаа* 'маленькая рыбка' и др. Знаток юкагирского языка и культуры Н.Н. Курилов отмечает, что раньше юкагирские имена не имели гендерного различия, чаще бывали односложными, и меняли форму, принимая различные аффиксы субъективной оценки [4, с. 120-122].

С первой половины XVII в. начинаются первые изменения в антропонимической картине коренных народов Якутии в связи с приходом русских и христианизацией населения. Не обошла стороной политика Петра I и юкагирские племена. Вследствие христианизации многие юкагиры стали крещеными и получали имена в соответствии с церковным календарем имён. Как, впрочем, и жизнь юкагиров также подстроилась под церковный календарь. По календарным дням, поставленным в соответствии с именем, определялась вся жизнь юкагиров в до- и постреволюционное время до 90-х гг. XX столетия. Юкагиры определяли по именинам смену времен года, изменения в погоде и природе, начало и конец сезонной рыбной ловли, важные события и др.

(1) *Акулинэу чайлэба чирэмэдиэ уо мэ көндизунуи, тудэ асурбат мэ ньохобойтэй.* 'В Акулинин день птенец малых птиц появляется, освобождается от своей скорлупы' [1, с. 159]

(2) *Ильин киндъэ – илэн личиэ антэйл киндъэ, личуоркэплэ тануда алгинь.* 'Месяц Ильина – это месяц, когда начинают хоркать оленьи быки, начиная гоняться за важенками' [1, с. 47]

(3) *Сэминэп киндъэба эримэ кэриэй, ан – лукул чаahasур эйич.* 'В Семенов день (осенью) снег выпадает, чтобы земля промерзла' [4, с. 68]

(4) *Афанасьевнэ чаайлэ. Йэртэйэ саал бурэ льэтэй.* 'День Афанасиев. Солнце будет находиться на верхушке деревьев' [5, р. 202]

(5) *Васильевнэ чаайлэ. Ньидьэртэй йэртэйэ ньамучэрэч.* 'Именины людей по имени Василий. Новое солнце покраснело' [5, р. 202]

(6) *Константиннэ чаайлэ. Саргусчи чаайлэ. Чамуолэл йандэ уоньизунуи.* 'Константина день. День Саргусчи. Большой гусь (зд. гуменник) откладывает яйца (букв. имеет детей)' [5, р. 204]

(7) *Михайлов чаайлэ. Йархабан саабандьэлэ өгэтэнгаа.* 'Михайлов день. Подо льдом (букв. вдоль льда) сети ставят (они)' [5, р. 212]

В настоящей статье мы ставим цель описать русские личные имена, зафиксированные в различных нарративах на современном юкагирском языке.

Одной из особенностей антропонимов и в ономастике в целом является вариативность как распространенное и закономерное явление, свидетельствующее о развитии языка.

Особый интерес представляют различные фонетико-графические варианты русских личных имен в юкагирском антропонимиконе. Языковой материал показал, что, например, русскому мужскому имени Иннокентий имеются два варианта *Анакиэнчэ* и *Энэкиэнчэй*, а женскому имени Евдокия три – *Эвдикиэйэ*, *Йэудикиэйэ*, *Йэудэкиэйэ*. Несмотря на структурную модификацию русского личного имени в тундровом юкагирском языке, тем не менее практически неизменной сохраняется его фонетическая реализация. Понятно, что под *Анакиэнчэ* речь идет о человеке под именем Иннокентий, а под *Йэудикиэйэ* – Евдокия.

Личные имена способны образовывать варианты или дериваты, объединяющие все производные имена – сокращенные, ласкательные, уменьшительные и др. В юкагирский язык вместе с полным русским личным именем вошли также дериваты в виде сокращенной и субъективно-оценочных форм, например:

Александр – Саша

(8) *Тадаа Александра мони: «Бу туох итирик дьонноро сылдьалларый!» - мони.* 'Тогда Александра крикнула (из-за двери по-якутски): «Что за пьяные люди ходят!»' [5, р. 58]

(9) *Тудэ акаҕанэ, Сашаҕанэ, чаманэн йэулигим: уудэк акааги нэмэлэ шиэмэлэ, йауноу мэ пундум.* 'Своего старшего брата Сашу очень любил: всегда его старший брат что-нибудь делал, все рассказывал' [3, с. 49]

Валентина – Валя

(10) *Ваай монтэйли: «Валентина, / Чамариимэ мит эмдье!»* 'Снова скажем (мы): «Валентина, уважаемая наша младшая сестра!»' [3, с. 48]

(11) *Тадаа мэт өчидиэ Пураамаҕа льэйэн. Уоги эульэдэҕэ. Лэвээйл молун. Тэт Валя дитэ бандьэн (имдалдьан сукуномольбал).* 'Тогда у младшего брата отца Пурамы жила (я). У него не было детей (поэтому меня и отдавали). Лето прожила (я). Как твоя Валя была (пяти лет)' [5, р. 24]

Варварэ – Варенька

(12) *Тунг Варвара (эл чалдьандьэ) эньиэги мэ мархильньэй.* 'У этой Варвары (безрукой) мать дочку имела' [5, р. 142]

(13) *Варенька эньиэги истаадаҕа, чауллааҕар, чаҕадыаануй.* 'Мама Вареньки в стаде к северу работает' [3, с. 39]

Владимир – Володя

(14) *Владимир Ильич амааги, Илья Николаевич, Симбирскэй губернияҕэ искуолапэ инспектор чаҕадыэҕэ чаҕадыаануй.* 'Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич, в Симбирской губернии в школе инспектором работал' [3, с. 49]

(15) *Володя илэдаҕа эврэйэн. 'В стаде Володи был (я)' [2, с. 89]*

Даарийэ – Даша

(16) *Эвдьюо кирийэ (өксиинньэ) ат пандэнгумлэ, хуодиитуюк, тан лугуйэ көдэ мэ кэлуй... таатльэр Даарийэ нголаай. 'Имя тети (Аксиный) дали бы (девочке они), что же поделаем, когда та пожилая старуха приехала... поэтому стала Дарией'* [1, с. 365]

(17) *Мэт тэт йаадиэньэн Дашаньэн маархан сукунмольҕалҕа илвийэйли. 'Мы с твоей младшей тетей Дашей один год пастушили'* [6, р. 10]

Йэвдикиэйэ – Дуусинька

(18) *Экыэ Йэвдикиэйэ тудэ уодуо хуодулҕа эурэллэк мони: «Ах көдэ пойудэҕэ – мэт аҕарэ эл пэлиэ!..» 'Старшая сестра Евдокия, (сходив) на кладбище (зд.: на похороны, букв.: на лежание) твоей внучки, сказала: «От того, что людей много было – дыхание мне спирало (букв.: моего дыхания не хватало)»'* [5, р. 142]

(19) *Дуусинька тудэ складханэ мэ йонготэйчаальэлум. 'Дусенька свой склад пошла открывать'* [1, с. 125]

Хиристиинэ – Тина

(20) *Уунурэн, аха-модьэли: иидиэ Хиристиинэньэн ньи йуойэйли! 'Идем, и вдруг – о радость: с тетей Христиной встречаемся!'* [5, р. 86]

(21) *Тидэн мит Тина ваай мэ кэйпэрльэнь. 'Та давешняя наша Тина опять мальчика заимела (зд. родила)'* [1, с. 177]

Как и в русском языке имена-гипокористики (*Саша, Валя, Володя* и др.) служат цели языковой экономии и удобства, а имена-квалитативы (*Варенька, Дуусинька, Куостик* и др.) – формы выражения субъективной оценки для передачи ласки, симпатии, благожелательности, и они всегда эмоционально окрашены.

С одной стороны, прагматический аспект значения русских имен в языке-реципиенте сохраняется в виде осознанного употребления либо гипокористиков, либо квалитативов в определенной речевой ситуации.

С другой, в речевом общении на юкагирском языке некоторые личные имена подвергаются усечению. По месту сокращения они относятся к инициальным, с отсеченной финальной частью.

Апанаачии > Апанаа

(22) *Маархадьэн Апанаа Куриль митхэ пудиними нголдэн саҕанэй. 'Однажды Афанасий Куриль у нас по соседству (букв. соседом будучи) жил'* [5, р. 140]

Йэвдикиэйэ > Йэвдээ

(23) *Экыа Йэвдээ ваай амутнэн чундэлэ кэриэсум, мөндьииэрэн. 'У старшей сестры Евдокии тоже очень настроение упало (букв.: старшая сестра Евдокия тоже очень мысль уронила), слыша (это)'* [1, с. 567]

Оксана – Окса, Оксэ

(24) *Чэнди Оксаҕанэ самолетха гитньюо хандэйм.* ‘Ченди до самолета провожала Оксану’ [1, с. 507]

Федосия > Федуо

(25) *Таат, чунгдэгудичирэн, абуолҕа, нимэҕат льукуодьэ апаналаак, абучиэ Федуо, пулгэйл, мит лангудэн кэлуй, мэтханэ мэр идьим.* ‘Пока так в думах стояла, из дома малюсенькая бабушка Федосия вышла, к нам пришла, меня поцеловала’ [6, р. 12]

Укульиинэ > Укульээ, Укульаа

(26) *Тунг Укульэ йуодиуҕат аавэлэ мэ чантайраам.* ‘Эта Акулина из-за глаз спать не может’ [6, р. 18]

Возникновение такого рода гипокористиков, являющихся отражением аллонимической системы языка, связано с имеющейся сложностью воспроизведения полного имени в общении. Легче использовать в процессе коммуникации краткое и привычное в звучании *Йэвдээ*, нежели тяжеловесное *Йэвдикиэйэ*.

Рассматриваемая вариативность среди русских личных имен, перенесенных в язык тундровых юкагиров, является следствием различий в фонетико-графических системах языка-донора и языка-реципиента.

Наиболее выраженной является трансформация в области вокализма. Наблюдается субституция русских гласных гласными звуками или набором звуков юкагирского языка, ауслаутное выпадение, ауслатуное и инлаутное наращение гласных звуков.

а) субституция русских гласных

Замещение *а*

а > ø: рус. Арина > юк. *Өриинэ*;

а > у: рус. Акулина > юк. *Укульиинэ*;

а > эу: рус. Акулина > юк. *Укульинэу*.

Замещение *е*

е > а: рус. Пелагея > юк. *Палагийэ*

е > ø: рус. Семен > юк. *Сөмиэн*;

е > йэ: рус. Евдокия > юк. *Йэвдикиэйэ*, рус. Егор > юк. *Йэгуор*.

Замещение *ё*

ё > иэ: рус. Петр > юк. *Пиэтэр*;

ё > уо: рус. Алеша > юк. *Альуоша*.

Замещение *и*

и > а: рус. Иннокентий > юк. *Анакиэнчэ*;

и > э: рус. Иннокентий > юк. *Энэкиэнчэй*;

и > й: рус. Иосиф > юк. *Йуосип*.

Замещение *о*

о > у: рус. соболь > юк. *Суобуль*;

о > уо: рус. соболь > юк. *Суобуль*.

Замещение я

я > э: рус. Костя > юк. *Куосчэ*, рус. Петя > юк. *Пиэчэ*;

я > *йа*: рус. Яков > юк. *Йакэп*;

я > *йаа*: рус. Анисья > юк. *Онъиһийаа*, рус. София > юк. *Сапийаа*;

я > *йэ*: рус. Дария > юк. *Дарийэ*, рус. Пелагея > юк. *Палагийэ*;

я > *йиэ*: рус. Мария > юк. *Маарийиэ*;

я > *эйэ*: рус. Евдокия > юк. *Йэвдэкиэйэ*.

б) выпадение гласных

- в ауслауте

а > 0: рус. Никита > юк. *Нъэкиит*.

в) наращение гласных

- в анлауте

0 > *и*: рус. Стасик > юк. *Истаасик*;

0 > *о*: рус. Радион > юк. *Ордъивуон*.

- в инлауте

0 > *и*: рус. Христина > юк. *Хиристиинэ*.

В плане консонантизма отмечены субституция русских согласных юкагирскими согласными звуками, включая палатализованные непалатализованными, а также инлаутное и ауслаутное усечение.

а) субституция русских согласных

Замещение в

в < *w*: рус. Гаврила > юк. *Гаврилэ*.

Замещение л

л > *ль*: рус. Алексей > юк. *Альэксиэй*, рус. Миколин > юк. *Микуольин*.

Замещение н

н > *нь*: рус. Афоня > юк. *Апуоньэ*;

н > *нн*: рус. Аксиныя > юк. *Оксиинньэ*.

Замещение с

с > *h*: рус. Анисья > юк. *Онъиһийаа*¹;

с > *ч*: рус. Афанасий > юк. *Апанаачи*.

Замещение т

т > *ч*: рус. Кристина > юк. *Кирисчиинэ*, рус. Костя > юк. *Куосчэ*, рус. Митя > юк. *Миичэ*, рус. Петя > юк. *Пиэчэ*, рус. Иннокентий > юк. *Энэкиэнчэй*.

Замещение ф

ф > *п*: рус. Афанасий > юк. *Апанаачэ*, рус. Иосиф > юк. *Йуосип*, рус. Марфа > юк. *Маарпэ*, рус. Митрофан > юк. *Митропан*, рус. Фекла > юк. *Пиэклэ*, рус. София > юк. *Сапийаа*.

Замещение х

х > *к*: рус. Христос > юк. *Кристос*.

¹ Звука *h* в юкагирском языке нет, встречается только в инолексемах эвенского и якутского происхождения.

Замещение *ш*

ш > *с*: рус. Наташа > юк. *Натаасэ*.

б) субституция палатализованных согласных непалатализованными

вь > *в*: рус. Прасковья > юк. *Паскавийиэ*;

ть < *ч*: рус. Татьяна > юк. *Тачаанэ*.

в) выпадение согласных

- в инлауте

р < *0*: рус. Прасковья > юк. *Паскавийиэ*.

- в ауслауте

й < *0*: рус. Афанасий > юк. *Апанаачи*.

Таким образом, русские личные имена в языке тундровых юкагиров обладают достаточной вариативностью, обусловленной следующими причинами. Во-первых, переносу подверглись как полные личные имена, так и их производные в виде гипористиков и квалитативов. Во-вторых, результатом адаптации русских онимов стало сокращение имени до оптимально удобной для коммуникации формы. В-третьих, варианты одного и того же русского онима возникли по причинам различия фонетико-графических систем языка-донора и языка-реципиента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курилова Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
2. Курилов Г.Н. Современный юкагирский язык: учебное пособие. Якутск: Офсет, 2006. 280 с.
3. Курилов Н.Н. Чуннул кинигэ. 3 классынь: книга для чтения на юкагирском языке. Якутск: 1994. 60 с.
4. Курилов Н.Н. Тидаанэ титэ моннунги (Раньше так говорили): пословицы, загадки, образные выражения, сравнения. Якутск: Дани Алмас, 2007. 152 с.
5. Kurilov N. Tales from my mother Anna Kurilova. Эньиэ, Анна Курилова ньиэдьилпэ. Рассказы матери Анны Куриловой / С. Ode (ed.). Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2012. 270 p.
6. Struchkova A. Various tales for the Yukaghir children. Ньингомийээ ньиэдьилпэ вадудуорпиэнь. Разные рассказы юкагирским детям / С. Ode (ed.). Fürstenberg / Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2016. 92 p.

Васильева Римма Иннокентьевна

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТИПОВ ДВУЯЗЫЧИЯ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

(на материале Приленья)

Аннотация. В статье рассматривается социолингвистическая ситуация в многонациональных регионах Якутии, где контакты этнического языка сохраняются в течение длительного времени. Результаты полевых исследований свидетельствуют о паритете якутско-русского билингвизма в городской языковой среде. В старшей возрастной группе русских старожилов основным языком является якутский язык, русско-якутский билингвизм широко распространен в межличностном общении, в экономической и семейной сферах.

Ключевые слова: языковая ситуация, билингвизм, языковая компетенция, адаптация, ассимиляция, языковая идентичность, языковой статус.

Vasiliev Rimma Innokentvna. THE FUNCTIONING OF TYPES OF BILINGUALISM IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) (ON THE MATERIAL OF PRILENIE)

The article considers the sociolinguistic situation in multiethnic regions of Yakutia where ethnic language contacts persisted for a long time. The results of field studies bear witness to parity Yakut-Russian bilingualism in the urban linguistic environment. In the older age group of Russian old-timers the primary language is the Yakut language, Russian – Yakut bilingualism is widespread in interpersonal communication, in the economic and family spheres.

Keywords: language situation, linguistic competence, adaptation, assimilation, linguistic identity.

На территории Якутии проживают представители более 120 национальностей, в 2010 г. численность якутов составляла – 466 497 чел., русских – 353 649 чел., украинцев – 20 341 чел., татар – 8122 чел., бурят – 7011 чел., киргизов – 5022 чел., узбеков – 3691 чел.; малочисленные народы Севера: эвенки – 21 008 чел., эвены – 15 071 чел., долганы – 1906 чел., юкагиры – 1281 чел., чукчи – 670 чел. [5, с. 15]. Полиэтнический состав предполагает, взаимосвязь этноязы-

Васильева Римма Иннокентьевна

к.ф.н., с.н.с. отдела якутского языка ИГиИПМНС СО РАН; Rimin62@inbox.ru

Vasiliev Rimma Innokentvna

Candidate of Philology, Senior Research of the Department of the Yakut Language Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

ковых и этнокультурных процессов с экстралингвистическими факторами и историческими процессами, период формирования якутско-русских языковых контактов начинается в южных и юго-западных районах Якутии. На территории современной Республики Саха (Якутия) (далее РС(Я)) русские появились в 20-х годах XVII в., когда в результате крестьянской колонизации возникли первые заимки в районе современного с. Витим Ленского района. Параллельно быстро развивались государственная колонизация земель служилыми людьми и образование городских поселений. Начиная с 1632 г., менее чем за столетие русскими служилыми людьми и промышленниками было пройдено и включено в состав Русского государства необъятное пространство от берегов Лены до Тихого океана. Русские вступали в тесные контакты с коренными жителями – юкагирами, эвенками, якутами и за почти четыре столетия сосуществования накопили огромный и разнообразный опыт общения и взаимодействия [6, с. 5]. Самая крупная группа русского сельского населения размещалась по Иркутско-Якутскому тракту, основные русские поселения были расположены в деревнях средней Лены, Вилюя, в Лено-Амгинском междуречье.

Приленские районы, расположенные на юго-западе Якутии, интересны тем, что в них языковые контакты русского и якутского народов продолжались длительное время, поэтому имеют давние традиции. В данных районах высок процент русского старожильческого населения, которое проживает в сельских населенных пунктах, на месте бывших почтовых станций Иркутско-Якутского тракта. Относительно благополучное языковое равновесие в Олекминском и Хангаласском районах обусловлено развитием двусторонне направленного билингвизма (особенно в сельских населенных пунктах), где попеременное использование языков представляет устоявшуюся, речевую практику билингвов. Исследователи дают разное определение билингвизму в различных аспектах. Наиболее емким определением можно считать определение, данное У. Вайнрайхом: «Практику попеременного пользования двумя языками мы будем считать двуязычием, а лиц, ее осуществляющих, двуязычными» [2, с. 22]. Исследователь не разъясняет, как, в какой мере индивид владеет языками и в каких сферах их использует. Многие зарубежные исследователи считают билингвизм большим благом, приносящим человеку большие возможности в повседневной жизни, в быту, профессиональной деятельности. Но проблема состоит в том, что языки занимают определенную иерархию в языковом социуме многоязычного общества: русский язык в плане функциональном имеет высокий статус, является мажоритарным языком, языком межнационального общения в РФ и международным в странах СНГ. Якутский язык относится к тюркской языковой семье, имеет региональный статус, миноритарный язык, его ис-

пользуют в устной и письменной речи якуты (саха) и некоторая часть малочисленных народов Севера: эвенки, эвены и юкагиры.

Исаев М.К. выражает мнение большей части ученых, которые считают, что двуязычие имеет большое значение в рассмотрении двуязычия с точки зрения теории коммуникации [3, с. 143]. Анализ различных дефиниций понятия билингвизма показывает, что трудно дать универсальное понятие билингвизма, так как билингв использует языки в различных коммуникациях, имеет при этом различные возрастные, профессиональные, социальные характеристики. Исследователи делят старожильское русское население, проживающее на территории современной Якутии на две основные группы:

а) приленскую, к которой относят жителей населенных пунктов Ленского, Олекминского, Хангаласского районов, город Якутск, с относящимся к нему пригородом;

б) колымо-индигирскую, куда относятся большие и малые селения, участки и заимки Нижнеколымского, Аллаиховского улусов. К этой же группе относят селения Усть-Янского района. Нас интересует приленская группа русских старожилов, которая проживает вместе с коренным населением на месте бывших почтовых станций Иркутско-Якутского тракта.

Якутский разговорный язык служил языком общения представителей различных этнических групп, населяющих Якутию. Как известно, в XIX в., по наблюдениям чиновников и путешественников, якутский язык был распространен, как «французский в столице». И.А. Худяков писал: «Вообще здешний русский язык изобилует якутизмами...» [7, с. 95]. В Якутии русские крестьяне были малочисленнее якутов и быстро воспринимали язык и обычаи местного населения. Поэтому амгинские, ленские и вилюйские крестьяне хотя и считались русскими, но по языку были якутами. Обособленными оставались русские на Индигирке и Колыме [7, с. 47-48]. По свидетельству И.А. Худякова, в этот период русское население Олекминска и Вилюйска также совсем объякутилось [8, с. 215]. Особая роль в интенсификации межэтнических контактов принадлежит казачеству, для которого первоначально «...процесс колонизации и приращение новых земель проходили болезненно. Возникали трудности языкового барьера, сказывались различия в традициях и обычаях..., но второе поколение якутского казачества кровно связано с местным населением, свободно владеет языком своих матерей и дедов и усвоило их обычаи и уклад жизни...» [4, с. 53]. Об уровне русско-якутского билингвизма свидетельствуют результаты социолингвистического обследования, проведенного в Приленье. Владеют якутским языком совершенно свободно – 28,2%, довольно свободно – 17,9%, с затруднениями – 7,3% русских старожилов в Хангаласском улусе (районе), эти показатели ниже в Олекминском улусе

(районе) (табл.1). Примечательно, что респонденты русской национальности Хангаласского улуса (района) затрудняются в выборе родного языка, так как оба языка в этническом и функциональном плане для них равнозначны. Русские поселенцы, их дети и внуки с рождения используют в повседневной жизни якутский язык, он является языком межличностного и семейного общения.

Таблица 1

Свободное владение якутским языком русскими старожилыми, %*

Владеют якутским языком	Олекминский улус	Хангаласский улус
совершенно свободно	4,8	28,2
довольно свободно	6,5	17,9
с затруднениями	5,0	7,3

* *Результаты социолингвистического обследования, проведенного в Приленье*

Якутско-русский билингвизм является массовым социально – значимым типом национального двуязычия и признается наиболее эффективным средством языковой интеграции полиэтнического языкового сообщества при сохранении языкового многообразия РС(Я), поскольку билингвы, владея средством межнационального общения всей страны (русским языком), владеют и родным языком. Двуязычие (билингвизм) – явление социально закономерное и необходимое в многонациональном государстве, где без языка – посредника невозможна нормальная жизнь людей, как в целом в РФ, так и во входящей в ее состав многонациональной РС(Я). Коренное население Якутии владеет русским языком, поэтому якутско-русское двуязычие образует основной тип билингвизма, и русский, и якутский языки выполняют схожие общественные функции межнационального общения, внутрисемейного общения, на производстве, в системе школьного и высшего образования, в сфере массовой культуры, в художественной и специальной литературе, театральном искусстве, телевидении и радиовещании [1, с. 298].

Статус 25 государственных языков республик закреплен конституциями республик в составе Российской Федерации и республиканскими законами о языке, в которых они равноправно функционируют с русским языком. В РС(Я) закреплен статус двух государственных языков якутского и русского и пяти официальных языков малочисленных народов Севера: эвенкийского, эвенского, юкагирского, долганского, чукотского. Языковая компетенция в том или ином языке формируется из ряда факторов, и она представляет собой систему понятий о грамматике языка. Языковая компетенция присутствует в жизни человека, начиная с рождения,

и этот термин означает свод языковых знаний и навыков, наличие которых позволяет разговаривать на другом языке в различных сферах деятельности. Показатели языковой компетенции на родном и русском языках представлены в табл. 2.

Таблица 2

Языковая компетенция респондентов – якутов, %*

Степень владения языками	На языке саха		На русском языке	
	Хангаласский улус	Олекминский улус	Хангаласский улус	Олекминский улус
Пишу так же, как говорю	74,7	65,5	60,3	58,9
Пишу лучше, чем говорю	6,5	4,5	17,4	14,6
Пишу хуже, чем говорю	12,4	20,9	13,2	10,1

* Результаты социолингвистического обследования, проведенного в Приленье

Многообразие национального, религиозного и языкового состава населения, многовековой опыт межкультурного взаимодействия, традиции учета государственных интересов всех народов, проживающих в России, высокая степень участия институтов гражданского общества в реализации государственной национальной политики определяют основные особенности современного этнокультурного развития народов РФ [9, с. 114]. Задача современной государственной национальной политики в РФ состоит в укреплении духовной консолидации многонационального народа России в единую гражданскую нацию при сохранении этнокультурного и языкового многообразия. Конституцией Российской Федерации гарантировано право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития, что соответствует нормам международного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аммосова Л.И. Состояние проблемы якутско-русского билингвизма на современном этапе // Сибирский педагогический журнал. Вып. 2. 2007. С. 297-309.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища шк., 1979. 263 с.
3. Исаев М.К. Лингво-контрастивное исследование речевой деятельности в условиях искусственного двуязычия: дисс ... докт.филол.наук. Алма-Ата, 1991. 483 с.
4. Скупов Б.А. Мы были, мы есть, мы будем! // Полярная звезда. 1996. № 4. С. 52-57.
5. Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект / Р.И. Васильева, М.Г. Дегтярева, Н.И. Иванова, Л.Н. Семенова. Новосибирск: Наука, 2013. 252 с.

6. Строгова Е.А., Романов И.Г. Русские / Якутия – наш общий дом: очерки истории народов Республики Саха (Якутия). Якутск, 2012. 232 с.
7. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969, 437 с.
8. Этнография русского крестьянства Сибири: XVII – середина XIX в. М.: Наука, 1981. 270 с.
9. Языковое многообразие РФ: проблемы и перспективы. Материалы парламентских слушаний. 7 октября 2010 года. М.: Издание Государственной Думы, 2011. 120 с.

Мухоплева Светлана Дмитриевна

РУКОПИСЬ ОЛОНХО «СИДЬИ БОСХОҢ БУХАТЫЫР» В ЗАПИСИ А.А. САВВИНА

Аннотация. В статье архивная рукопись олонхо исследуется как документ, повествующий не только историю своего создания, но и рассказывающий о своем создателе. Рассмотрение рукописи в контексте архивных документов Северной экспедиции ИГиИПМНС СО РАН позволяет автору обосновать положение о том, что в 40-х гг. XX в. в Аллаиховском районе эпическая традиция была жива и честь ее открытия принадлежит фольклористу А.А. Саввину. Научное описание рукописи обнаруживает, что архивный документ состоит из двух основных частей: «конвоя» рукописи, который создан работниками архива и дополнен пользователями, а также автографа собирателя. Анализ структуры автографа собирателя в сравнении со структурой его документов Вилуйской экспедиции показывает, что собирательская технология А.А. Саввина не была схематичной, она носила творческий характер и, возможно, эволюционировала.

Ключевые слова: олонхо, рукописная запись, заглавие, археографическое описание, фольклорная текстология, история якутской полевой фольклористики.

Mukhopleva Svetlana Dmitrievna. THE MANUSCRIPT OLONKHO “SIDJI BOSKHONG BUKHATYYR” IN THE A.A. SAVVIN’S RECORD

The article examines the Olonkho archival manuscript as a document that tells not only the history of its creation, but also tells about its creator. Consideration of the manuscript in the context of the archival documents of the Northern Expedition of the IHRISN SB RAS allows the author to substantiate the statement that in the 40-ies of XX century in the Allaikhov district, the epic tradition was alive and the honor of its discovery belongs to folklorist A.A. Savvin. The scientific description of the manuscript reveals that the archival document consists of two main parts: the “convoy” of the manuscript, which is created by archive workers and supplemented by users, as well as the autograph of the collector. The analysis of the structure of the collector’s autograph in comparison with the structure of his documents from the Vilyui Expedition shows that the Savvin’s collecting technology was not schematic it was creative and may have evolved.

Keywords: olonkho, handwritten recording, title, archeographic description, folklore technology, history of Yakut field folklore studies

Мухоплева Светлана Дмитриевна

к. ф. н., с. н. с. отдела фольклора и литературы ИГиИПМНС СО РАН; Mukhopleva@mail.ru

Mukhopleva Svetlana Dmitrievna

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Folklore and Literature
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Аллаиховский улус является многонациональным районом Якутии. Его территория еще в дореволюционное время была заселена эвенками, эвенками, юкагирами, чукчами, якутами (сахы), русскими старожилами. Время заселения якутами низовий Индигирки точно не установлено. Как пишут авторы книги «Аллаиховский улус: история, культура, фольклор», якуты прибыли в эти территории немного позже русских в конце XVII – начале XVIII вв. [2, с. 36-41]. В результате длительного проживания оторванно от основной массы якутов и тесного общения с аборигенами на территории Аллаиховского района образовалась своеобразная северо-восточная якутская локальная традиционная культура. Как показывают архивные материалы, собранные в этом регионе фольклорной экспедицией А.А. Саввина, С.И. Боло, здесь в 40-х гг. XX в. бытовали все жанры якутского фольклора, в том числе олонхо, о чем свидетельствуют записи текстов и архивные документы участников экспедиции.

Рукопись «Сидьи Босхонг бухатыыр (Богатырь Сиджи Босхонг)» и архивные документы как свидетельство бытования олонхо в Аллаиховском районе. Рукопись представляет собою один из бесценных документов первой научной экспедиции Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, так называемой «Северной экспедиции Боло и Саввина», история и результаты которой в последнее время начинают привлекать пристальное внимание исследователей [1; 7; 8; 15; 19]. Этот рассматриваемый нами рукописный текст был создан в результате фиксации олонхо из уст двадцатидвухлетнего грамотного сказителя, уроженца Бьянггырского наслега Аллаиховского р-на Иннокентия Николаевича Ефимова, и его автобиографических данных [Ефимов]. Запись была произведена фольклористом Андреем Андреевичем Саввиным 1 августа 1940 г. в поселке Чокурдах. Эта единственная запись олонхо якутов Аллаиховского района является не случайной записью, она – репрезентативный материал для исследования ареальных особенностей не только аллаиховской, но и всей северо-восточной сказительской традиции в целом.

В Аллаиховском районе в период работы экспедиции традиция сказывания олонхо была жива. О живом бытовании сказительской традиции свидетельствуют, кроме зафиксированного текста, два документа. Это – биография молодого сказителя в записи А.А. Саввина и список сказителей, составленный также им [5, л. 30–30 об.; 18, л. 2]. В биографическом тексте указано, что молодой олонхосут И.Н. Ефимов является уроженцем Бьянггырского наслега, где существовал свой очаг сказительской традиции. Ярким представителем этой локальной традиции был олонхосут Степан Никулин-Куйуу, от которого информантом был услышан и усвоен зафиксированный текст олонхо.

Список сказителей, составленный собирателем, является рабочим документом экспедиции. Он, по всей видимости, был составлен для планирования работы с информантами. Документ имеет заглавие «Сказители», включает данные о 14 чел. Указаны: 1) фамилии и местами инициалы информантов, с которыми планировал работать собиратель; 2) «специализация» (олонхосут, певец) или возраст (старик / старуха) носителя фамилии; 3) место проживания; 4) расстояние до места жительства информанта; 5) направление по реке (вверх / вниз). «Олонхосутами» обозначены следующие носители фамилий: Чихачев (местность «Оџонньор сирэ»), Лебедев (пос. Чокурдах), Слепцова Мария (местность «Стрык»), Жирков Ив. (Быянгнырский наслег) [18, л. 2]. К сожалению, ни одним из указанных в списке людей собирателю не удалось работать по ряду причин, о чем в Отчете собиратель написал следующее: *«Из-за ограниченности средств и неблагоприятных транспортных условий в отдаленные наслега Аллаиховского р-на я не решился выехать, и вынужден был работу вести только в одном Аллаиховском наслеге, находящемся в центре района. Другого исхода не было. <...> Сказителей в Аллаиховском наслеге всего несколько человек. Часть из них оказалась в длительной отлучке. Благодаря тому, что районные организации, РИК, РОНО, РАЙКОМ партии, недостаточно уяснили себе значение этой работы и реальной помощи не оказывали, отдельных сказителей трудно было склонить к записи от них песен и былин»* [12, с. 11, 12].

Палеографические особенности рукописи: место хранения, объем, материал, орудие письма, графика. Рукопись хранится в архиве ЯНЦ СО РАН в отдельной папке, состоит из россыпи 33 листов двух разных размеров [5]. Записи от руки на первых 32 листах рукописи сделаны на нестандартной плотной оберточной бумаге со светло-коричневым оттенком, размером 42×29 см.. Последний лист А4, имеющийся в папке, является приложением позднего происхождения. Он представляет собой справку от руки о реставрации документа. Указано имя реставратора: Филиппова М.А. и дата: октябрь 2009 г. Документ до реставрации хранился россыпью в картонной папке А4 в сложенном виде, что привело к затуханию письма, изнашиванию бумаги рукописи. Реставрация документа была сделана в рамках подпрограммы «Защита, хранение и обеспечение сохранности эпического наследия» Государственной целевой программы (ГЦП) по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса олонхо, вступившей в силу 15 марта 2007 г. [11]. После реставрации документ хранится в развернутом виде вместе с другими документами в картонной папке соответствующего размера.

Конвой рукописи. В документе есть листы без нумерации. Не пронумерованы первые два листа, которые можно признать титульными листами рукописи, а также вышеуказанная справка о реставрации рукописи на писчей бумаге А4 (справка приложена к документу работниками архива). Титульный лист №1 содержит информацию разного характера: заголовок документа (ФИО сказителя, от которого сделана запись; краткое название олонхо «*Сидьи Босхон бухатыыр*», ФИО собирателя); архивные шифры с указанием / без указания даты, под которыми хранилась рукопись в разные годы («оп. №49», «инв. № 18», «Ф. 5, оп. 7, ед. хр. 8»), штампы владельцев («Рукописный фонд Научной библиотеки Як. филиала АН ССР», «Библиотека Як. филиала АН ССР»), объем документа («на 29 листах»), особая отметка, сделанная пользователем при работе над документом («сюж+»). Информация внесена неизвестными лицами (архивными работниками, исследователями) разными почерками, разными орудиями письма (пером с фиолетовыми и синими чернилами, карандашами черного, красного, оранжевого цветов), в разное время.

На титульном листе № 2 красным карандашом крупными буквами указано «Аллаиховский район» и почерком собирателя А.А. Саввина черным карандашом записано неполное название олонхо и в скобках отмечается, что олонхо записано в кратком изложении. Вся запись на документе, в том числе краткая фиксация олонхо и сведения о сказителе, сделаны на основе кириллического алфавита, который был утвержден 23 марта 1939 г. указом народного комиссара просвещения СССР. Как известно, до этого действовал унифицированный тюркский алфавит на основе латиницы [20].

Автограф собирателя А.А. Саввина. Собственноручная запись фольклориста сделана на 30 листах. Нумерация сделана самим собирателем вверху страницы справа и /или внизу страницы в середине листа на одной стороне листа. Запись сделана черным карандашом на обеих сторонах листов. Текст занесен сплошной прозой. Листы в среднем содержат 28 строк. Фиксация устной информации на бумаге сделана опытным собирателем по схеме, принятой в левой фольклористике того времени. Схема была выработана якутскими фольклористами для полевых исследований в Вилюйской экспедиции 1938-1939 гг. и была апробирована в те годы на материале текстов разных жанров [9; 13]. Как выявлено, рассматриваемая нами рукопись Саввина оформлена в целом по утвержденной форме, но имеет свои особенности. Так, в данном автографе мы впервые находим в составе паспортных данных информацию об этнической принадлежности информанта, а также указатель персонажей олонхо. Кроме того, биография сказителя вложена в рукопись за текстом олонхо, а не разрознена, как в других материалах. Записи олонхо, а также текстов других фольклорных жанров А.А. Саввина

в Вилюйском районе, насколько известно, не снабжались указателями имен персонажей, и в паспортных данных документов не указывалась национальность [3, с. 6–7; 9, с. 153; 13, с. 159].

Рукопись олонхо в записи А.А. Саввина состоит из следующих структурных компонентов:

– Паспортные данные, которые записаны вверху страницы справа, на листе №1. В паспортных данных собирателем указана фамилия, имя, отчество информанта полностью, его возраст и место жительства, а также национальность;

– Заглавие – неполное название олонхо «*Үтүө таас үктэллээх, үрүҥ таас олбохтоох Үрүҥ Айыы оҕонньор ылгын уола Сидьи Босхон Бухатыыр*», со спецификацией – указанием того, что запись представляет собой краткое изложение устного олонхо («*олонхону кылгатаҥ суруйуу*»), записан по центру первого листа;

– Текст олонхо. Он зафиксирован с листа №1 по оборотную сторону листа №25;

– Примечания собирателя к непонятным словам текста, сделанные со слов информанта, начинаются с оборотной стороны листа №25 и завершаются на листе №28;

– Постскрипtum на листе №28. Эта коротенькая приписка, сделанная собирателем, отличается своей содержательностью. В ней дается информация об историческом информанте, от которого перенято олонхо. При этом указываются его имя, фамилия и прозвище, возраст, сведение о смерти, уточняется его происхождение (коренной). Здесь же указывается ареал распространения олонхо; уточняется форма исполнения зафиксированного устного олонхо – при записи сокращалась только песенная часть олонхо;

– Информация о собирателе. Подпись собирателя «*Суруйдум А. Саввин*» дана снизу на этом же листе;

– Дата записи: месяц, день, год, также указана на этом листе. Цифрами записаны год «1940» и день «1»;

– Место записи: название поселка и район, завершает записи на лицевой стороне листа №28.

– Озаглавленный перечень (указатель) имен персонажей олонхо, состоящий из 11 единиц. Он записан на одной стороне листа №29 рукописи. Здесь в качестве заглавия дано полное развернутое название олонхо – «*Үөһээ үс хаттыгастаах үөлөт маҕан халлаан үрүт өттүгэр олохтоох, үтүө таас үктэллээх, үрүҥ таас олбохтоох Үрүҥ Айыы оҕонньор ылгын уола Сидьи Босхон Бухатыыр (олонхо)*». Заглавие имеет два подзаголовка: указание жанра в скобках – олонхо, и конкретизация темы – перечень имен богатырей и персонажей олонхо «*Бу олонхоҕо баар бухатыырдар, дьоннор ааттара*»;

– Биографические данные информанта занимают всю лицевую и часть оборотной стороны листа №30. Текст биографии озаглавлен. В заголовке полностью указываются фамилия, имя, отчество ин-

форманта. Заглавие имеет подзаголовок, где в скобках уточняется ипостась носителя антропонима – «олонхону суруттарааччы» (информант, от которого записан текст олонхо). Текст биографических данных завершается подписью Саввина, вслед за которым указаны дата и место записи.

Итоги наблюдения над рукописью. Рукопись олонхо в единственном экземпляре является мало репрезентативным материалом для суждения об эпической традиции региона. В силу этого она в статье рассмотрена в контексте архивных документов Северной экспедиции ИГиИПМНС СО РАН. Это позволило нам обосновать положение о том, что в 40-х гг. XX в. в Аллаиховском районе эпическая традиция была жива и честь ее открытия принадлежит фольклористу А.А. Саввину. Научное описание рукописи обнаруживает, что архивный документ состоит из двух основных частей: «конвоя» рукописи, который создан работниками архива, с дополнительными записями пользователей, а также автографа собирателя. Анализ структуры автографа собирателя в сравнении со структурой его документов Вилюйской экспедиции показывает, что собирательская технология А.А. Саввина не была схематичной, она носила творческий характер и, возможно, эволюционировала. Кроме того, обнаружилась вариативность заглавия олонхо. В рукописи имеется краткое, неполное, полное (развернутое) название олонхо по имени героя, что, на наш взгляд, отражает традицию функционирования заглавия в устной коммуникации [10, с. 143–144].

Вместо заключения: архивная рукопись как объект исследования и документальной публикации. Рукопись олонхо, поступившая в архив, сразу привлекла внимание фольклористов, которые в то время интенсивно работали над научным проектом создания сводного текста олонхо [14]. В рамках этого проекта было сделано краткое изложение сюжета сданного в архив олонхо «Сидьи Босхон бухатыр». Сюжет был переведен на русский язык [16; 17].

Впоследствии знаменитым эпосоведом Н.В. Емельяновым текст олонхо был отнесен к группе олонхо о заселении Среднего мира племенами ураангхай саха. Сюжет эпоса был опубликован под №8 в известной книге автора «Сюжеты якутских олонхо» [4, с. 46–53]. Полное издание рукописного текста олонхо, как одного из образцов олонхо северной группы якутов, ожидается в серии «Саха боотурдара» (Богатыри саха) [6].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

РИК – районный исполнительный комитет.

РОНО – районный отдел народного образования.

РАЙКОМ – районный комитет.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аластыров Н.В. Вилюйская и Северная фольклорные экспедиции Института языка и культуры (1937–1941 гг.) // Якутский архив. 2009. №1. С. 3–8.
2. Аллаиховский улус: история, культура, фольклор. Якутск: Бичик, 2005. 320 с.
3. Данилова А.Н. Бүлүү олонхоһута С.И. Еремеев-Дэдэгэс «Төбөт Мэник бухатыыр» олонхото // Еремеев-Дэдэгэс С.И. Төбөт Мэник бухатыыр: олонхо. Дьокуускай: Бичик, 2017. С. 3–13.
4. Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.
5. Ефимов И.Н. Сидьы Босхон бухатыыр: Олонхо / [Зап. А.А. Саввин, пос. Чокурдах Аллаиховского р-на, 1940 г.] // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 7. Д. 8. – 33 л.
6. Илларионов В.В., Илларионова Т.В. Типы изданий олонхо (опыт якутских фольклористов) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2017. № 1 (32). С. 90-97.
7. Кузьмина А.А. Вилюйская фольклорная экспедиция 1938 года: материалы по якутскому героическому эпосу олонхо // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-1 (86). С. 33-36.
8. Кузьмина А.А. Сэсэн Иванович Боло: Творческий портрет и технология собирания фольклора // Научный диалог. 2018. № 6. С. 69-81.
9. Мухоплева С.Д. Рукописи песен круговых танцев в записях А.А. Саввина: структурные и графические особенности // С.А. Новгородов и проблемы письменности народов России: [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения первого якутского ученого-лингвиста С.А. Новгородова. Электрон. текстов. дан. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2017. С. 152-154. Режим доступа: <http://igi.yasn.ru/files/publicasii/Novgorodov.pdf>.
10. Мухоплева С.Д., Дмитриев П.Н. Повесть Р. Кулаковского «Аҕам олоҕо» 'Жизнь отца' как фольклорный источник: Олонхо и олонхосуты // Вестник Калмыцкого Института гуманитарных исследований. 2015. № 4. С.141-145.
11. О Государственной целевой программе по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса Олонхо на 2007-2015 годы (утратил силу с 30.12.2010 на основании Закона Республики Саха (Якутия) от 15.12.2010 N 874-З № 641-IV) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802096821> (дата обращения 24.10.2018).
12. Отчет А.А. Саввина о фольклорной экспедиции в северные районы Якутии, 1939–1941 гг. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 3. Д. 461. 22 л.
13. Павлова Н.В. Особенности фиксации якутских народных сказок в записях А.А. Саввина // С.А. Новгородов и проблемы письменности народов России: [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения первого якутского ученого-лингвиста С.А. Новгородова. – Электрон. текстов. дан. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2017. С. 158-160. Режим доступа: <http://igi.yasn.ru/files/publicasii/Novgorodov.pdf>.

14. Покатилова Н.В. Как создавался «сводный текст» якутского эпоса олонхо. Научный проект советской эпохи. 1940-1941 гг. // Исторический архив. 2018. № 1. С. 108-130.

15. Покатилова Н.В. О фольклорном наследии А.А. Саввина: интеллектуальный контекст и исследовательский подход // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. №3 (20). С. 133–138.

16. Сюжет № 15. Сидьи Босхон бухатыыр: Схема сюжета. Сюжеты олонхо. Переводы на русский язык. 1946-49 гг. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 8. Д. 84. 2 л.

17. Сюжет № 16. Сидьи Босхон бухатыыр: Сюжет олонхо. Сюжеты олонхо. Переводы на русский язык. 1946-49 гг. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 8. Д. 84. 5 л.

18. Учет сказителей в Аллаиховском районе // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 3. Д. 489. 2 л.

19. Чарина О.И. Особенности фиксации эпического фольклора русских старожилов Якутии в Арктической зоне в 1940-е гг. // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2018. №1 (09). С. 53–61.

20. Якутская письменность [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Якутская_письменность (дата обращения 24.10.2018).

Данилова Анна Николаевна

ОСОБЕННОСТИ ОЛОНХО Д.А. ТОМСКОЙ («КӨМҮС МӨКҮЛҮКЭЭН СТАРИК, ЭЛГЭЭН ИЭЙИЭХСИТ СТАРУХА»)

Аннотация. В статье рассматривается специфика олонхо «Көмүс Мөкүлүкээн старик, Элгээн Иэйиэхсит старуха» верхоянской сказительницы Д.А. Томской-Чайка. Сюжетное действие данного олонхо отличается от традиционного олонхо тем, что в нем значительное место занимают сказочные мотивы, свидетельствующие об удивительно богатой фантазии сказительницы Д.А. Томской. Наличие сказочных мотивов в данном олонхо может быть объяснено тем, что в северных олонхо можно обнаружить ранние формы архаического эпоса.

Ключевые слова: эпос, эпическая традиция, экспедиция, фонозапись, публикация, сюжет, мотивы, образы.

Danilova Anna Nikolaevna. Features of D.A. Tomskaia's Olonkho ("Komus Mokulukeen Old Man, Elgean Ieiiekhsit Old Woman")

The article deals with the specifics of Olonkho "Komus Mokulukeen old man, Elgean Ieiiekhsit old woman" of the Verkhoyansk storyteller D.A. Tomskaia-Chaika. The plot action of this Olonkho differs from the traditional Olonkho in that fairy-tale motives occupy a significant place in it, testifying to the surprisingly rich fantasy of the storyteller D. Tomskaia. The presence of fairy-tale motives in this Olonkho can be explained by the fact that in the Northern Olonkho can be found early forms of archaic epic.

Keywords: epic, epic tradition, expedition, sound recording, publication, plot, motives, images.

Верхоянская эпическая традиция занимает немаловажное место среди других очагов олонхо. Впервые олонхо Верхоянского улуса были зафиксированы русским фольклористом И.А. Худяковым, который был сослан в г. Верхоянск как участник революционного движения в 1867 г. И.А. Худяков во время ссылки собрал этнографические материалы и уникальный фольклор верхоянских якутов. Его труд «Краткое описание Верхоянского округа» является первым источником изучения географии, истории и культуры локальной группы северо-восточной Якутии начала XX в. [Худяков]. Как

Данилова Анна Николаевна

к.ф.н., н.с. отдела фольклора и литературы ИГиИПМНС СО РАН; danilova.aanchyk@yandex.ru

Danilova Anna Nikolaevna

Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of the Folklore and Literature Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

отмечает В.В. Илларионов «он хоть и четко не определил олонхо как отдельный от сказки жанр, но сделал очень важные для дальнейшего изучения замечания об особенностях исполнения олонхо, сути сражений богатырей айыы и абаасы, значении якутских божеств и духов, кроме того остановился на историзме и отражении верования в олонхо» [2, с. 5].

Еще одним фиксатором олонхо Верхоянского улуса был первый ученый из якутов, действительный член российского научного общества ИРГО Н.С. Горохов, который записал олонхо «Юрюнг Уолан» и перевел на русский язык. В.В. Илларионов проанализировал текстологию олонхо «Юрюнг Уолан» и предполагает, что «Н.С. Горохов вместе с И.А. Худяковым записал олонхо, текст которого последний перевел на русский язык и включил в «Верхоянский сборник», что является первой публикацией олонхо на русском языке, а Н.С. Горохов впоследствии опубликовал его по памяти в журнале «Известия ВСОРГО» [3, с.93].

Верхоянский фольклор позднее был зафиксирован во время фольклорной экспедиции якутскими фольклористами-собираателями А.А. Саввиным, С.И. Боло в 1941 г., инициированной первым директором Института языка и культуры П.А. Ойунским. Саввиным А.А. был составлен учет олонхосутов и записаны биографические сведения данного улуса. Имя Д.А. Томской как олонхосута также была включена в этот список (тогда ей было 27 лет).

В фонотеке отдела фольклора и литературы ИГИИПМНС хранятся полные и отрывочные магнитофонные записи олонхо, начиная с 1960-х гг. прошлого века, записанные в ходе живого исполнения олонхосутами. Записи были сделаны во время комплексных экспедиций отдельными фольклористами. Так, в аудиовизуальном архиве отдела хранятся записи олонхо верхоянской сказительницы Д.А. Томской-Чайка, сделанные фольклористами В.В. Илларионовым, С.Д. Мухоплевой в разные годы. В настоящее время усилиями собирателей, специалистов расшифрованы и изданы несколько олонхо Д.А. Томской-Чайка [7, 8, 9].

Исследование поэтики текстов олонхо верхоянской сказительницы стали объектом многих исследователей. Так, А.А. Кузьмина проанализировала сюжетные особенности олонхо Д.А. Томской «Ючюгэй Юдюгюэн, Кусаган Ходжугур» и выявила основные сюжетные структуры данного олонхо, состоящие из трех частей; содержание первой части перенято от сказки, а вторая и третья части построены по канонической схеме [4]. Выявлению типов женских образов была посвящена статья А.Н. Даниловой [1].

Дарья Андреевна Томская – Чайка (1913 г.р.) была одной из талантливых олонхосутов верхоянской эпической традиции. От нее якутские фольклористы записали на магнитофонную пленку олонхо «Элитэр Бэргэн», «Старик Кемюс Мёкюлюкээн, старуха Элгээн

Иэйэхсит», «Богатырь Хаан Илбистээн», «Ючюгэй Юдюгюйэн, Кусанган Ходжугур» и др. Как отмечает В.В. Илларионов, «сюжеты, мифологическая основа, эпические формулы исполняемых ею произведений в целом близки и даже идентичны с текстами олонхо, записанным И.А. Худяковым в этом же улусе еще в начале XX в. [Образцы..., 1913, 1918, ч. 2]» [9, с.18]. На примере репертуара Д.А. Томской можно определить особенности эпической традиции верхоянских олонхосутов, фольклор которых представляет культуру северных якутов-оленеводов. Как было отмечено авторами, подготовивших текст олонхо Д.А. Томской «Омуннаайы бухатыыр», «специфические особенности сюжета и стиля рассматриваемого произведения, как мы полагаем, связаны с архаической традицией женского исполнительства, ранним типом сказительства» [7, с. 9].

Олонхо «Көмүс Мөкүлүкээн старик, Элгээн Иэйиэхсит старуха» [8] Д.А. Томской является ярким примером северной локальной традиции. Данное олонхо Дарья Андреевна определяет, как «сээм» олонхо – т.е. краткое маленькое олонхо. Данное олонхо состоит из шестидесяти шести повествовательных блоков. По своему содержанию, развитию сюжета данный текст сильно отличается от традиций героического эпоса. Хотя олонхо названо именами старика Кемюс Мегулулукээн и старухи Элгээн Иэйиэхсит, действующими лицами выступают их сыновья, в частности, их младший сын, парализованный богатырь Тойон Нёлюю. То, что младший из братьев – героев олонхо – страдает от тяжелого недуга, парализован, сближает это олонхо с народными преданиями, а именно – с циклом преданий о Ньырбакаан, у которой также был сын калека. Мотив уродства (физического недуга) главного героя широко распространен в якутских олонхо других локальных эпических традиций.

В олонхо речь идет о том, как старшие братья обижают младшего брата Тойон Нёлюю после смерти родителей. Однако, в олонхо Д.А. Томской Тойон Нёлюю слаб только в начале повествования. После ухода братьев, он достает зубами ногу быка, спрятанную братьями, и съедает, из-за своей немощи катая ее по земле. Затем он ползет вслед за своими братьями и останавливается только у коновязи родоначальника Ньыыраайы Баай Тойона. В большинстве олонхо богатыри набираются сил, испив живой воды или искупавшись в океане. В этом же олонхо Тойон Нёлюю находит силы для такой дальней дороги, наевшись свежего мяса, которого он никогда раньше не пробовал. Здесь мясо соответствует функции живой воды.

Как и в большинстве олонхо Д.А. Томской, в данном олонхо можно обнаружить наличие сугубо сказочных мотивов. Прежде всего, зачин этого олонхо почти ничем не отличается от инициальных формул [6, с.154] традиционной сказки:

*Жили-были
Старуха по имени
Элгээн Иэйиэхсит
И старик по имени
Кемюс Мекюлюкээн.*

Если во всех других олонхо эпические герои живут, не зная нужды, в достатке, то герои данного олонхо живут в бедности. Три брата – угрюмый богатырь Кюннэйи, прячущий свою силу в груди, богатырь Тюенэк Беге и немощный богатырь Тойон Нёлюю описываются бедняками, живущие занимаясь охотой, в частности, рыболовством. Изображение богатырей бедными более характерно для сказочных, чем для эпических произведений: герои большинства якутских сказок происходят из бедной семьи. Эпос отражает жизнь и быт каждого народа. Так, в данном олонхо запечатлены быт и нравы двух разных народностей: центральных якутов и северных якутов-оленевонов.

В данном олонхо развязкой сюжетных действий выступает не нападение абаасы на людей айыы, а отражение ситуации бытового характера.

Необычным мотивом данного олонхо является изображение Тойон Нёлюю находящимся внутри черного камня размером с коровье брюхо вплоть до начала основных событий олонхо. Он появляется только в тот момент, когда сын Ньыыраайы Баай Тойона разбивает черный камень кочергой. Такой волшебный эпизод характерен для сказки. В данной ситуации этот эпизод представляет трансформацию мотива чудесного рождения главного героя.

После этого Тойон Нёлюю приобретает традиционные качества богатыря айыы, например он легко может подбросить богатыря абаасы вверх за семь небес или забросить далеко вниз под девять земель преисподних. Далее по сюжету следуют его героические подвиги, в конце повествуется его женитьба на шаманке Айхалджын. Шаманка Аан Айхалджын оживляет старших братьев героя, от которых остались только скелеты. В большинстве эпических текстов мотив воскрешения богатырей является традиционным и относится к мифологическим мотивам. Мотив оживления героя тесно связано с мотивом живой воды. В данном олонхо оживление связано с обрядами, отражающие методы традиционной медицины (лечение слюной, лечение речью-благопожеланиями).

В эпизоде, где богатырь Тойон Нёлюю избегает неминуемой смерти при помощи волшебного платка, также проявляется сказочный мотив чуда. Роль чудесного предмета здесь отводится волшебному платку. Взаимосвязь сказки и эпических произведений было отмечено Е.М. Мелетинским: « В основном же тематика героического эпоса тюрков и бурят Сибири ограничена сферой семейно-родовых отношений, что сближает его со сказкой [...] эпос сая-

но-алтайских народов сохраняет жанровый синкретизм, т.к. в нем героический эпос в собственном смысле слова еще недостаточно отделен от волшебного-героической сказки» [5, С. 258].

Как и в других текстах олонхо, в данном олонхо можно обнаружить тираду традиционных эпических формул: «мускулы на руках окрепли, мышцы на ногах созрели» [блок 8], «развяжи свои праздные уста» [блок 15], «тонкими веками мигающая» [блок 22] и т.д.

Таким образом, несмотря на сравнительно небольшой объем, в олонхо «Көмүс Мөкүлүкээн старик, Элгээн Иэйиэхсит старуха» множество волшебных мотивов и вставок сказочного характера свидетельствует об удивительно богатой фантазии сказительницы Д.А.Томской. Наличие сказочных мотивов может быть объяснено тем, что в северных олонхо можно обнаружить ранние формы архаического эпоса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кемюс Мекюлюкээн. [Данилова А.Н. Женские образы в олонхо Д.А. Томской «Ючюгэй Юдюгюйэн, Кусаган Ходжугур» //Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. №2. Ч.1. С.82-84.
2. Илларионов В.В. И.А. Худяков – первый исследователь фольклора и традиционной культуры Верхоянья // Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Якутск: Бичик, 2016. С.3-6.
3. Илларионов В.В. Н.С. Горохов: первые записи олонхо и их перевод на русский язык (к изучению верхоянской эпической традиции) //Северо-восточный гуманитарный вестник. №1. 2014. С.93-98.
4. Кузьмина А.А. Сюжетные особенности олонхо Д.А. Томской «Ючюгэй Юдюгюйэн, Кусаган Ходжугур» // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 95-97.
5. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. – 2-е изд., испр. М.: 2004. – 462 с.
6. Павлова Н.В. Инициальные (начальные) формулы в якутской народной сказке // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. №12 (408). Филологические науки. Вып. 110. С.154-158.
7. Томская Д.А. Омуннайы бухатыыр: олонхо / сост. С.Д. Мухоплева, Н.В. Павлова, Е.И. Бурцева, А.Д. Татарина. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2016. 204 с.
8. Томская Д.А. Хаан Илбистээн бухатыыр. Көмүс Мөкүлүкээн оҕонньор, Элгээн Иэйиэхсит эмээхсин: олонхолоор /сост. А.А. Кузьмина, А.Н. Данилова. Якутск: Алаас, 2016. 128 с.
9. Томская Д.А. Ючюгэй Юдюгюйэн, Кусаган Ходжугур: олонхо / сост. В.В. Илларионов, В.С. Никифорова. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2011. 376 с.

Павлова Надежда Васильевна

**О ПУБЛИКАЦИИ ТЕКСТОВ ОЛОНХО
РАННИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ
В ТОМАХ СЕРИИ «САХА БООТУРДАРА»:
ТОМ «ОЛОНХО СЕВЕРНЫХ ЯКУТОВ»**

Аннотация. В данной статье рассматривается содержание тома «Олонхо северных якутов» серии «Саха боотурдара», который будет издан в 2019 г. Автором статьи приводится информация о каждом тексте олонхо этого тома: когда, где, от кого и кем они записаны.

Ключевые слова: олонхо, сюжет, фольклор, фольклорная экспедиция, текст, северные якуты, серия «Саха боотурдара» и др.

Pavlova Nadezda Vasilevna. ON THE PUBLICATION OF OLOKHO TEXTS OF EARLY FOLKLORE EXPEDITIONS IN THE VOLUMES OF THE SERIES "SAKHA BOOTURDAR": VOLUME "OLOKHO OF THE NORTHERN YAKUTS"

This article is discussed the contents of the volume of the "Olonkho of the Northern Yakuts" series "Sakha Booturdar", which will be published in 2019. The author of this article provides information about each olonkho text of this volume: when, where, from whom and by whom are they recorded.

Keywords: olonkho, plot, folklore, folklore expedition, text, Northern Yakuts, "Sakha Booturdar"

21-томная серия «Саха боотурдара» была основана в 2002 г. усилиями научных сотрудников отдела Олонхо Института гуманитарных исследований АН РС (Я) и первым президентом Республиканской Ассоциации «Олонхо» М.Е. Николаевым.

Тексты олонхо, опубликованные в томах серии «Саха боотурдара», являются материалами отдельных собирателей-корреспондентов, а также различных (фольклорных, диалектологических, комплексных) экспедиций института. Так, например, в третий том был включен текст олонхо «Тон Саар богатырь», зафиксированный А.А. Саввиным во время Вилюйской экспедиции в 1938 г. [14]. Том «Олонхо Момы» содержит тексты олонхо, записанные известным собирателем-исследователем С.И. Боло во время Северной экспеди-

Павлова Надежда Васильевна

к.ф.н., м.н.с. отдела фольклора и литературы ИГиЛПМНС СО РАН
nadya.sanaaya@yandex.ru

Pavlova Nadezda Vasilevna

Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of Folklore and Literature
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

ции в 1940 г. [10]. Олонхо «Уол Дуолан Бухатыыр», записанный А.А. Саввиным во время Вилюйской экспедиции в 1938 г., был издан в 7 томе [15].

В настоящее время изданы 19 томов, остается подготовить и издать последние два тома: олонхо Абыйского района и олонхо северных якутов. Том «Олонхо Абыйского улуса» составлен д.ф.н., профессором В.В. Илларионовым и готовится к печати.

В данной статье мы рассмотрим содержание тома «Олонхо северных якутов».

Северные якуты – это якутоязычное население всех северных районов Якутии, т.е. бассейнов рр. Колымы, Индигирки, Яны, Оленека, Анабара. Исследователи выделяют три типа хозяйственных систем северных якутов: на северо-западе – оленеводство, в бассейнах рек Яны, Индигирки и Колымы – скотоводство, в низовьях рек Северного Ледовитого океана – рыболовство и охота [11; 18, с. 20]. Подробно о северных якутах можно найти в работах Г.В. Ксенофонтова, И.С. Гурвича, Б.О. Долгих, П.Е. Ефремова, В.Б. Игнатьевой, С.И. Бояковой, С.Д. Мухоплевой и др. [2; 3; 4; 7; 8; 9;11].

В этом томе будут включены короткие по размеру тексты олонхо эссеиских якутов «Кыйдааннаах Кыыс Бухатыыр» («Вспыльчивая дева-богатырка»), «Тиинг һонноох Тиигээнэй Бухатыыр» («Богатырь Тигяняй в беличьей дохе»), «Хотой Бөҕө», олонхо Анабарского района «Көҕүлүмэ бухатыыр уонна Сыҕаалтай бөҕө», олонхо Аллаиховского района «Үрүҥ Айыы оҕонньор ылгын уола Сидьи босхонг бухатыыр», олонхо Оленекского района «Булаадар бухатыыр», отрывок олонхо «Үрүмэччилээн бухатыыр». Таким образом, том будет состоять из семи коротких олонхо.

Тексты олонхо этого тома являются материалами фольклорных экспедиций 1940, 1959 и 1964 гг. нашего Института в северных районах Якутии.

Олонхо Аллаиховского района «Үтүө таас үктэллээх үрүҥ таас олбохтоох Үрүҥ Айыы оҕонньор ылгын уола Сидьи босхонг бухатыыр» был зафиксирован А.А. Саввиным от Иннокентия Николаевича Ефимова (22 л.) в 1940 г. в Быйаннырском наслеге Аллаиховского района во время северной экспедиции. Сюжет этого олонхо в систематизированном своде сюжетов якутского героического эпоса Н.В. Емельянова включен под №8 во вторую подгруппу «Заселение Среднего мира отверженными потомками Айыы», которая находится в первой группе «Заселение Среднего мира» [6, с. 46–53; 13].

Олонхо эссеиских якутов, проживающих в Эвенкийском автономном округе Красноярского края, в 1959 г. во время фольклорно-диалектологической экспедиции записал эпосовед Н.В. Емельянов от Ёспёка Мартена Ивановича, 64 лет, и Осогостока Егора Христофоровича, 41 лет. Сюжет олонхо «Вспыльчивая Дева-богатырь»

Н.В. Емельянов включил в указатель сюжетов олонхо под №14 и причислил в третью подгруппу «Женщины-богатырки – первые люди Среднего мира» первой группы «Заселение Среднего мира» [6, с. 67–69; 12]. Сюжеты олонхо «Богатырь Тигянй в беличьей дохе» и «Хотой Бёгё» в указателе сюжетов якутских олонхо отсутствуют. Все эти три олонхо были изданы в 2002 г. в сборнике «Фольклор эссеиских якутов» [5, с. 29–135]. Композиционную структуру, образы и художественные особенности этих олонхо в своей неизданной монографии П.Е. Ефремов в сравнительном аспекте анализировал с долганскими и якутскими олонхо, тем самым определил специфические отличия олонхо эссеиских якутов [7]. Отличия, выявленные П.Е. Ефремовым, были подробно описаны и составлены в виде таблицы в статье С.Д. Мухоплевой [11, с. 125–130]. П.Е. Ефремов выявил аналогичные сходства сюжетной линии олонхо «Хотой Бёгё» с долганским олонхо «Сын лошади Аталами-богатырь» [7]. Далее отмечает, что «эссеиские олонхо односюжетны, кратки по объему, часто ограничиваются одним поколением героев, но в то же время носят завершённый характер, как и во всяком олонхо героиней после совершения богатырских подвигов возвращается на родину и ведет мирную счастливую жизнь» [7]. Таким образом, он пришел к выводу, что «эссеиские олонхо занесены сюда якутами из центральных районов, так как и янские олонхо тоже происходили из тех же мест, особенно из Усть-Алданского района <...> Несомненно, и то, что через эссеиских якутов олонхо попало в долганскую среду» [7].

Олонхо Анабарского района. В 1964 г. П.Е. Ефремовым от Ивана Афанасьевича Антонова–Балиикаана (1887 г.р.) в Анабарском районе записаны олонхо «Богатырь Кёгюлюмэ и Сыгаалтай Бёгё» во время фольклорно-диалектологической экспедиции. Однако сюжет этого олонхо в систематизированном своде Н.В. Емельянова отсутствует. О сказителе Балиикаане можно найти в материалах диалектологической экспедиции, руководителем которым являлся П.С. Афанасьев в 1959 г. [1]. Однако в то время от сказителя был записан только репертуар, в который вошли 10 названий олонхо и несколько сказок. В 2013 г. участники фольклорной экспедиции в Анабарском районе С.Д. Мухоплева, Н.В. Павлова, В.Н. Николаев записали воспоминания жителей пенсионного возраста, которые в детстве не раз слушали сказания олонхосута, затаив дыхание. Их воспоминания свидетельствуют, что он был истинным носителем сказительского искусства. В связи с этим неудивительно, что содержание устных сказаний «Богатырь Кёгюлюмэ и Сыгаалтай Бёгё», «Богатырь Калека», «Эр Соготох», «Богатырь Даадардаан» из репертуара талантливого олонхосута отложилось в памяти двух продолжателей традиции (Трифона Алексеевича Туприна-Старика Охтуу, 1929 г.р., Милании Ивановны Спиридоновой, 1952 г.р.). Так,

во время экспедиции нам удалось зафиксировать на технические носители краткое содержание 6 устных олонхо в их исполнении [11; 17].

Олонхо Оленекского района. В 1970 г. студентом заочного отделения Е.А. Филипповым во время фольклорной практики в Оленекском районе от Г.А. Степанова были зафиксированы два олонхо: «Богатырь Булаадар» и «Богатырь Юрюмэччилээн» (отрывок). Эти олонхо также не были включены в указатель сюжетов олонхо. В 1997 г. они были изданы в книге «Фольклор Оленекского района» [16, с. 5–36].

Итак, мы вкратце рассмотрели содержание завершающего тома «Олонхо северных якутов» серии «Саха боотурдара», который будет издан в следующем году.

Подробное описание об олонхо северных якутов можно найти в неизданном научном отчете «Эпическое творчество северных якутов-оленевонов» П.Е. Ефремова, хранящегося в Рукописном фонде Архива ЯНЦ О РАН [7], в научной статье «Эпос северных якутов-оленевонов: история собирания, издания и исследования» С.Д. Мухоплевой [11].

Если объем олонхо центральных и вилюйских якутов достигает от 6000 до 10000 строк, то объем олонхо северных якутов состоит из 579–1202 строк. Эпические сказания северных якутов всегда непродолжительны, часто ограничиваются одним поколением героев, рассчитаны на исполнение за один вечер [7].

Как известно, Н.В. Емельянов на основе многих сюжетов олонхо, определил единую композиционную структуру олонхо, которая состоит из 6 частей: эпический зачин, завязка, развитие действия, кульминация, дальнейшее развитие действий, развязка [6, с. 11–12]. Так, С.Д. Мухоплева, изучив содержание олонхо северных якутов-оленевонов, отмечает, что «...содержание олонхо северных якутов-оленевонов универсально, сводится к героической женитьбе; по структуре они представляют собой стройную композицию, в которой есть зачин, завязка действия, развитие действия, кульминационный момент, дальнейшее развитие действий, развязка» [11, с. 122].

По мнению П.Е. Ефремова, «<...> северные олонхо всегда односюжетны. Главное в деяниях богатырей – героическое сватовство и продолжение рода, а идея защиты племени айыы отсутствует. Несколько особняком стоит сюжет олонхо «Вспыльчивая дева-богатырь». В нем героиня мстит богатырю абаасы за своего сына» [7].

Многие сюжеты соприкасаются со сказочными сюжетами. Однако это отдельная тема для исследования, которая будет полностью затронута во вступительной статье последнего тома серии «Саха боотурдара».

В данном томе каждый текст олонхо будет сопровождаться комментариями, примечаниями, указателями (имени персонажей, гидронимов, топонимов). Составителями будет написана вступительная статья, в которой будут затронуты материалы фольклорных экспедиций 2011, 2013 гг. исследователями института в Анабарский, Аллаиховский и Оленекский районы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев П.С. Говор якутов Анабарского района: Рукопись, 1965 // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 376. 167 л.
2. Боякова С.И. Г.В. Ксенофонов и концепция пограничных этнографических групп: к дискуссии об этнической принадлежности населения Северо-Запада Якутии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2012. №1. С. 64-66.
3. Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М.: Наука, 1977. 248 с.
4. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд. АН СССР, 1960. 622 с.
5. Дьэниэй сахаларын фольклора. Дьокуускай: Агроинформ, 2002. 228 с.
6. Емельянов Н.В. Сюжетов якутских олонхо. Москва: Наука. 376 с.
7. Ефремов П.Е. Эпическое творчество северных якутов-оленеводов // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп.1 З. Д. 185. 174 л.
8. Игнатьева В.Б. Этнографические группы // Якуты (Саха) / отв. ред. Н.А. Алексеев и др. М., 2012. С. 20-32.
9. Ксенофонов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. 1, 2-я книга. Якутск: нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. 317 с.
10. Муома олонхолоро. Дьокуускай: Бичик, 2004. 240 с. (Саха боотурдара: 21 томнаах; 4-с том)
11. Мухоплева С.Д. Эпос северных якутов-оленеводов: история собирания, издания и исследования // Традиционная культура. №1 (57). Москва: Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова, 2015. С. 117-132.
12. Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп.6. Д. 341. Л. 56-65.
13. Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп.7. Д. 8. 31 л.
14. Тон Саар бухатыыр. Дьокуускай: Бичик, 2004. 240 с. (Саха боотурдара: 21 т., 3 т.)
15. Уол Дуолан бухатыыр: олонхо. Дьокуускай: Бичик, 2010. 257 с. (Саха боотурдара: 21 т., 7 т.)
16. Филиппов Е.А. Өлөөн сахаларын фольклора. Якутск: Бичик, САПИ-Торг-книга, 1997. 242 с.
17. Якутский фольклор и эпос в иноязычной среде: прошлое и настоящее. 2-й этап: Отчет по проекту, выполненному при поддержке Государственной программы РС (Я) «Создание условий для духовно-культурного развития народов Якутии на 2012-2016 годы»: Рукопись / Мухоплева С.Д., Николаев В.Н., Павлова Н.В. Якутск, 2013.
18. Якуты (Саха). М.: Наука, 2012. 599 с. (Народы и культуры).

Оросина Надежда Анатольевна

**САМОЗАПИСЬ ОЛОНХО У.Г. НОХСОРОВА «ДЫЫРАЙ БЭРГЭН»
КАК «МНОГОСЛОЙНАЯ» РУКОПИСЬ**
(к вопросу редактирования эпического текста)

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме исследования «многослойных» рукописей в свете текстологического изучения эпических текстов. На примере самозаписи олонхо У.Г. Нохсорова «Дыырай Бэргэн» рассмотрены признаки «многослойности», в частности аспекты редактирования. При этом внимание было акцентировано на выявление основных правок, введенных редактором. Помимо них имеются правки самого автора самозаписи. Отметим, что данный текст олонхо, подвергавшийся литературной обработке, так и не был опубликован.

Ключевые слова: историко-фольклористическая текстология, эпический текст, самозапись, «многослойная» рукопись, автограф, текстологическое описание, редакция, правка.

Orosina Nadezda Anatolievna. U.G. NOHSOROV'S SELF-RECORDED OLONKHO "DYURAY BERGEN" AS A "MULTI-LAYERED" MANUSCRIPT (EPIC TEXT EDITING)

This article is devoted to the problem of the study of "multi-layered" manuscripts in the context of the textual study of epic texts. We have completed the criteria of "layering", in particular the aspects of editing on the example of U.G. Nokhsorov's manuscript Olonkho "Dyuray Bergen". At the same time, attention was focused on identifying the main edits introduced by the editor. An attempt has been made to classify his editorial corrections. In addition to them, there are edits of the author self-recording. It should be noted, that this text Olonkho, subjected to literary handling, has not been published.

Keywords: historical folkloristic textual study, epic text, self-recording, "multi-layered" manuscript, autograph, textual description, edition, correction.

В текстологической традиции имеются уникальные рукописи, которые свидетельствуют о тесной связи эдиционной текстологии с историко-фольклористической. Это исходит из того, что принципы подготовки эпических текстов к изданию со временем становятся объектом изучения современной фольклорной текстологии.

Оросина Надежда Анатольевна

к.ф.н., м.н.с. отдела фольклора и литературы ИГиИПМНС СО РАН onadya88@mail.ru

Orosina Nadezda Anatolievna

Candidate of Philology Sciences, Research Fellow of the Department of Folklore and Literature
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

О специфике такого рода «нюансов» фольклористической текстологии подробно написана Т.Г. Ивановой, которой была отмечена, что «вопросы эдиционной текстологии – “как надо записывать фольклор”, “как надо редактировать и издавать произведения народной поэзии” в той же формулировке в прошедшем времени – становятся центром внимания историко-фольклористической текстологии» [4, с. 6-7]. То есть последняя в настоящем времени изучает прошлый опыт эдиционной практики, который со временем превращается в историко-фольклористическую текстологию.

Одним из характерных рукописей, позволяющих отслеживать особенности фольклорной текстологии считаются так называемые «многослойные» рукописи. Под «многослойной» рукописью мы подразумеваем рукопись сказителя / собирателя (автограф) с участием других лиц. При этом в том случае, когда изменения третьих лиц отображаются в первоисточнике. В настоящее время проблема изучения «многослойных» рукописей находится на стадии методологической разработки и ее применения на практике. Так, данная тема не раз обсуждалась и рассматривалась в процессе работы по гранту РГНФ № 14-04-00381 «Рукописи самозаписей олонхо: опыт научного описания и исследования». В результате написаны статьи о «многослойности» рукописей на примере олонхо К.Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный» [8] и олонхо Н.Ф. Попова «Тойон Нюргун» [5].

В настоящее время подготовка к изданию «многослойных» рукописей практикуется современными исследователями якутского фольклора. Так, рукопись олонхо У.Г. Нохсорова «Дыырай Бэргэн» была подготовлена С.Д. Мухоплевой в 2009 г. рамках книжной серии «Саха боотурдара» [3]. Ею и Л.У. Нохсоровой, дочерью У.Г. Нохсорова, проделана огромная текстологическая работа, направленная на реконструкцию подлинного текста сказителя, начиная с букв до подстрочных разбивок и абзацев.

В данной статье мы акцентируем внимание к проблеме редактирования эпических текстов. Одной из признаков, по которой следует считать рукопись «многослойной» является участие редактора, т.е. редакция рукописи представляет собой один слой рукописи. Несмотря на то, что редакторская работа имеет свои особенности в отношении к фольклорным произведениям, не всегда оно соблюдалось и приводило к тому, что невероятное «улучшение» текста иногда оставляло свои последствия. Об этом явлении имеется немало работ отечественных фольклористов, в котором высказывалась разносторонняя оценка участия редактора. Например, в работе В.Я. Проппа осмысляются особенности принципа редакционной обработки в записях фольклора, рассмотрены положительные и отрицательные стороны «вмешательства» редактора [10]. Некоторые исследователи весьма критически относятся к участию редак-

тора, расценивая его функцию не иначе как «искажение текста» [1, с. 160].

Проблема научного редактирования эпического текста также подвергался рассмотрению якутских фольклористов. Так, И.В. Пуховым была освещена работа Э.К. Пекарского над текстом олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур», в котором выявлены его основные тенденции и принципы работы как редактора [11]. В целом, он положительно оценивал работу Э.К. Пекарского в этом направлении.

Прежде тем, как приступить к оценке работы редактора, нужно выяснить определение редакции текста. По определению Д.С. Лихачева, «редакцией текста называется целенаправленная переработка текста, принадлежащая автору или какому-либо другому лицу. Целью переработки может быть изменение идейного содержания, художественной формы, стиля, полноты памятника, устранение из него тех или иных фактических данных или изменение их» [6, с. 20].

Рукопись олонхо У.Г. Нохсорова «Дыырай Бэргэн» хранится в Рукописном фонде Архива ЯНЦ СО РАН (Ф. 5. Оп. 7. Д. 22). Годы записи составляют 1937–1940 гг. По сведению С.Д. Мухоплевой, указание разных годов свидетельствует о том, что самозапись в архив поступила частями [7, с. 55]. Имеет два титульных листа, где в очередном порядке указаны номера фонда, описи, единицы хранения и представлены имя сказителя, название олонхо, год записи и количество строк. Количество 348 листов (при этом формат листов смешанный, состоящий из А4 и А3), 12620 строк. Текст олонхо начинается с 3-го листа, состоит из пяти частей, расположен в стихотворной форме. Рукопись написана на латинице, материалами письма выступают бумага и чернила. Наличие ремарок скриптора и краткое содержание сюжета отсутствуют.

Как отмечено выше, в самозаписи олонхо «Дыырай Бэргэн», написанного в 1941 г. олонхосутом У.Г. Нохсоровым, в качестве редактора выступил народный поэт Якутской АССР В.М. Новиков–Кюннюк Урастыров. Следует отметить, что правки сделаны не только редактором (*далее* – Ред.), но и самим автором самозаписи (*далее* – Авт.). Видно, что рукопись готовилась к изданию. Судя по общему представлению осуществления правок, Кюннюк Урастыров проводил литературное редактирование эпического текста. В дальнейшем предстоит задача выяснить при каких обстоятельствах выполнена редакторская работа: в качестве штатного сотрудника издательства или приглашенного внештатного работника. В связи с тем, что данный вопрос требует дополнительного изучения историко-документальных источников, возможно, будет объектом обсуждения в отдельной статье. Также учитывая то, что мы рассмотрели не всю редакцию рукописи, необходимо иметь в виду, что

изучение имеет первоначальный характер и будет продолжаться.

В редакционно-издательском деле выделяют такие правки как: а) *правка-вычитка*; б) *правка-сокращение*; в) *правка-обработка*; г) *правка-переделка*, которые различаются по степени вмешательства редактора в авторский текст. Следуя характеристикам каждого из них, редактором самозаписи олонхо «Дыырай Бэргэн», видимо, осуществлена правка-обработка, «направленная на анализ и обработку фактического материала, на устранение нарушений логических связей в тексте, на совершенствование лексических и грамматико-стилистических средств языка рукописи»; главная задача которого «подготовить оригинал к сдаче в производство, удовлетворяющий всем требованиям, при этом индивидуальный стиль автора необходимо сохранить в полном объеме» [9, с. 28].

При изучении самозаписи выявлено 5 видов правок редактора и автора самозаписи: 1) исправления; б) перестановки; в) добавления; г) замены; д) удаления. В основном они внесены в целях устранения грамматических и пунктуационных ошибок. Далее приводятся примеры:

I. Исправления.

а) исправление букв: *Уолах ала ойбогостоох* (исправлена буква «У») (испр. Авт.) [2, л. 4];

б) исправление одного и более слов:

Былыргы дьылга,

Уруку (исправлено на слово «*урукку*») *үйэбэ* (испр. Ред.) [2, л. 10].

II. Перестановки:

а) перестановка одного и более слов:

Ал(ы)дьархайдаах ааспыт дьы(ы)л (слово «*ааспыт*» перенесено в начале строки) (испр. Ред.?) [2, л. 1].

III. Добавления:

а) добавление букв:

Түөрт саха

Төрүү илигинэ (испр. Ред.) [2, л. 10].

б) добавление нескольких строк:

Үс *туһуу* (вычеркнуто) *ала* (перенесено со 2-й строки)

Көдүк дьаалы дойдум (вычеркнуто и добавлено: «*Үс ала* (вычеркнуто и перенесено на первую строку) *түһүү төгүл дойдум*» [2, л. 1] (испр. Ред.)

IV. Замены:

а) замена одного и более слов: *Курунг сылга Көхсүн тириитин курдук...* (заменено на слово «*күрэн*») (испр. Ред.) [2, л. 1]; *Аңаарыйары(а)ала өттүгэр* (заменено на слово «*таһаатыгар*») (испр. Ред.) [2, л. 1]; *Унаар-мангаар уссууннаах* (заменено на слово «*урсуннаах*») (испр. Авт.) [2, л. 4]; *Ойон тэбэр* (заменено на слово «*күөрэйэр*») *күннээх* (испр. Ред.) [2, л. 4].

б) замена одного или нескольких строк:

... дулаџата 70-онус сааска

Тохтон түһүөхтүн диэн

строки вычеркнуты и заменены на:

«Кулугута буорга тийэ

Тохтон түһүөхтүн диэн») (испр. Ред) [2, л. 2].

* * * *

Улуу Тойон

Дьоллоох тусаһатынан

Дьөлө үүнэн тахсан

Үрүҥ Уоластай

Тимир Дьэргэстэй

Заменены на:

Кини бэйэлээх

Дьол-соргу тохтооботох

Тонг муус тулаһатын

Тобулу үүнэн тахсаммын,

Үс сиринэн

Үрүҥ Уолан (вычеркнуто)

Бүгүлү бөкчөгөр,

Үрдүк Уодастай,

Тимир Дьэргэстэй (испр. Ред.) [2, л. 12].

V. Удаления:

Үрдүк үтүө дойду

Үөскээн **төрөөн** (удалено) турбут эбит (испр. неизвестно).

* * * *

Манньык үтүө дойдуну

Өйдөөх дьүүллээн

Көрөн турдахха,

Илин диэки, (вычеркнуто)

Элэмэс сылгы (вычеркнуто)

Сиэллээх кутуругун (вычеркнуто)

Тиирэ тардан (вычеркнуто)

Кэбиспит курдук, (вычеркнуто)

Иирэ талах төбөтүгэр

Эриэхэлээн сии олорор ... [2, лл. 4-5].

Помимо них встречаются смешанные редакции, в которых параллельно осуществлена несколько правок. Посмотрим на примере:

Бастын **сабаџата** (вычеркнуто и заменено на слово «**алата**»)

Суудай-суудайдык (вычеркнуто)

Түргэн-түргэнник (вычеркнуто)

Үс хартыгастаах

Үрдүк дьүрүс
Добун (вычеркнуто и заменено на «**өндөл**») маџан **халлаанга**
(добавлено)
Халлаан диэки (вычеркнуто)
Өрө үүнэн, үөскээн (вычеркнуто)
Үөрэн көтөн,
Өрөйөн чөрөйөн,
Көџөрөн наџаран, (добавлены запятые)
Испит эбит (вычеркнуто и заменено на слова «**Тахсан бара турбут эбит**») [2, л. 13] (испр. Ред.).

В самозаписи также встречаются корректурные знаки, сделанные редактором: =, z, ←, →, {, и др.

В заключение следует сказать, что самозапись олонхо У.Г. Нохсорова «Дыырай Бэргэн» заметно подвергался литературной обработке. Как отмечается в редакционно-издательской деятельности была осуществлена правка-обработка с элементами исправления, перестановки, добавления, замены и удаления, а также с использованием их в соединенном виде. Такое «улучшение» эпического текста могло произойти, возможно, из-за цензурных мотивов и обстоятельств печатной продукции того времени.

Следует заметить, что в «многослойных» рукописях помимо редактора можно обнаружить и участие консультантов. Поэтому предлагается изучать текст по отдельным слоям, акцентируя внимание каждому изменению. Ведь любое изменение имеет свою цель. Также из данного аспекта можно перейти к аспектам редактирования эпических текстов в постсоветском периоде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие, 1998. – 416 с.
2. Дыырай Бэргэн. Нохсоров Устин Гаврилович – сказитель. Амгинский район // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 22. 348 л.
3. Дыырай Бэргэн: олонхо [самозапись У.Г. Нохсорова; подгот. к печати, вступ. статья, сост. текст. комм., указ. С.Д. Мухоплевой; перен. с лат. на кирилл. Л.У. Нохсоровой; отв. ред. Н.Н. Ефремов]. Якутск: Бичик, 2009. 336 с. (Саха боотурдара: 21 т.; Т. 6).
4. Иванова Т.Г. Специфика фольклористической текстологии // Проблемы текстологии фольклора. Русский фольклор XXVI. Л., 1991. С. 5-21.
5. Кузьмина А.А. Проблема базового и «многослойного» текста якутского героического эпоса (на основе рукописей олонхо Н.Ф. Попова «Богатырь Тойон Нюргун» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12 (66): в 4 ч. Ч. 4. С. 32-35.
5. Лихачев Д.С. Текстология: краткий очерк / отв. ред. С.О. Шмидт. 2-е изд. М.: Наука, 2006. 175 с.

6. Мухоплева С.Д. По повелению П.А. Ойунского: история рукописи олонхо «Дыырай Бэргэн» Устина Нохсорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 12 (90). Ч. 1. С. 52-56.

7. Оросина Н.А. «Многослойные» рукописи дореволюционных текстов якутского эпоса олонхо: некоторые вопросы методики текстологического описания (на примере рукописи олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К.Г. Оросина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (57). Ч. 1. С. 156-159.

8. Петрова Л.И. Основы редактирования: системный подход в деятельности редактора: учеб. пособие. Минск: Букмастер, 2012. 384 с.

9. Пропп В.Я. Текстологическое редактирование записей фольклора // Русский фольклор. Материалы и исследования. Том I / ред. коллегия: А.М. Астахова, В.Г. Базанов, М.О. Скрипиль (отв. ред.). М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 347 с.

10. Пухов И.В. Работа Э.К. Пекарского над текстом олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур» (К проблеме научного редактирования эпического текста) // Текстологическое изучение эпоса [отв. ред. В.М. Гацак, А.А. Петросян]. М.: Наука, 1971. С. 170-179.

Ларионова Анна Семеновна

ОСОБЕННОСТИ ПЕНИЯ СЕВЕРНЫХ ЯКУТОВ (на материале комплексных экспедиций)

Аннотация. В статье исследуется верхоянская стилистика пения по фольклорным материалам комплексной экспедиции 1986-1987 гг. Песенные жанры верхоянской традиции пения отличаются от песенных традиций других локальных стилистик якутского пения. Тойук данного стиля пения поется метризованным стилем якутского пения дэгрэн ырыа, хотя и имеет традиционный зачин «Дьэ буо!». В верхоянской стилистике отсутствуют характерные для других региональных стилей пения протяженные вокализованные распевы, преобладают краткие распевы. В большей степени у них распеваются последний слог слова, а огласовки в пении основаны на диалектных особенностях верхоянского говора. Кылысах у них напоминают больше форшлаг или соскальзывание к звуку. Песни со специфическими тембровыми призвуками отличаются от других стилистик якутского пения способами звукоизвлечения.

Ключевые слова: комплексная экспедиция, жанр, тойук, стиль, дэгрэн ырыа, песня, традиция, тембр, распевы, зачин

Larionova Anna Simenovna. SINGING FEATURES OF THE NORTHERN YAKUTS (MATERIAL OF COMPLEX EXPEDITIONS)

In article is investigated the Verkhoyansk stylistics of singing on folklore materials of complex expedition of 1986-1987. Song genres of the Verkhoyansk tradition of singing differ from song traditions of other local stylistics of the Yakut singing. Toyuk of this style of singing is sung by metric style of the Yakut singing degeren ыrya, though has a traditional beginning "Dye buo!". In the Verkhoyansk stylistics there are no extended vokalization singsongs, characteristic for other regional styles of singing, short singsongs prevail. More they sing a final syllable of the word, and vowel singing is based on dialect features of the Verkhoyansk dialect. Kylysakh at them remind more grace note or sliding to a sound. Songs with specific timbre additional sounds differ from other stylistics of the Yakut singing in ways of sound extraction.

Keywords: complex expedition, genre, toyuk, style, degeren ыrya, song, tradition, timbre, singsongs, beginning

Комплексная экспедиция в Якутию ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР, ОИИ-ФиФ СО АН СССР и ФК СК СССР 1986-1987 гг. проводила записи якут-

Ларионова Анна Семеновна

д. иск., доцент, г.н.с. отдел фольклора и литературы ИГИИПМНС СО РАН, degerenan@mail.ru

Larionova Anna Simenovna

Doctor of Art Criticism, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of Folklore and Literature Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

ского музыкального фольклора по различным регионам республики. Из северных улусов якутская исполнительская традиция была зафиксирована в Верхоянском улусе, что, видимо, связано с большей сохранностью песенных традиций якутов именно в данном регионе. Поэтому, изучая специфику пения северных якутов по материалам данной экспедиции, речь может идти только о верхоянской стилистике исполнения якутских народных песен.

Верхоянская стилистика исполнения якутских народных песен совершенно отличается от пения якутов тех улусов, которые располагаются по рекам Лена и Вилюй, по многим параметрам. Так, *тойуки* поются ими совершенно иначе, чем это свойственно приленской и вилюйской стилистическим группам. Например, песня «О родном поселке Табалахе» (о родной земле)» под № 13.92 из коллекции комплексной экспедиции в Якутию ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР, ОИИФиФ СО АН СССР и ФК СК СССР 1986-1987 гг. записана от Х.И. Эверстова (1914 г.р.) из Верхоянского улуса. По содержанию, в ней воспевается родная земля, благодаря чему она напоминает *тойук*, но отличается от *тойуков* тем, что репрезентирует стиль пения *дэгэрэн ырыа*. Открывается данный напев, также традиционным для *тойуков* зачином «Дьэ буо!», но отличается отсутствием протяженных вокализованных распевов. Первое слово зачина пропевадается четвертным звуком *f*, а второе слово – двузвучным распевом восьмыми *fis-e*. Затем следует напев, изложенный в типичной манере *дэгэрэн ырыа*.

Звукоряд напева: *b-ces-c-es-f-g*. Основную попевку песни составляет интонация на б.3 вниз *es-ces*, затем, после возврата к тону *es* происходит поступенное восходящее движение к верхнему опорному тону *g*, после чего поступенное нисходящее движение приводит к утверждению тона *es*. Представленное движение звуков изложено восьмыми и только при нисходящем движении в инициали попевки появляется типичный для *дэгэрэн ырыа* ритм в виде одной восьмой и двух шестнадцатых.

Метрика напева представлена двухдольным размером, перемена которого происходит за счет паузы, во время которой исполнитель берет дыхание. Двухдольность в хореическом изложении как было указано выше является отличительной чертой традиционной якутской песенности.

Мобильностью отличается первый такт практически каждой мелостроки. Так, во второй и третьей мелостроках начальная интонация шире в интервальном отношении и представлен ч.4 *es-b-es*. Только в 3 мелостроке начальная интонация устанавливается в том виде, в котором мы определили ее как инициаль основной попевки напева. Она начинает изменяться уже при приближении к концу песни: в 34 мелостроке (69 строка вербального текста). Здесь начальная интонация попевки представляет собой м.3 *c-es*. Затем в какой-то момент звук *c* начинает постепенно микророльтерационно

понижаться доходит до *ces* и в следующей попевке опять звучит как *c*. В этом отношении в представленном напеве мобильным является нижний опорный тон песни и зону его составляют звуки *b-ces-c*.

Другой вариант напева «О речке Туостаах» под № 13.95 того же исполнителя интонационно-ритмически напоминает предыдущий *тойук*, только зачин в нем отсутствует.

Анализ песни «О лошади» под № 13.94 из коллекции комплексной экспедиции в Якутию ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР, ОИИФиФ СО АН СССР и ФК СК СССР 1986-1987 гг. в исполнении Х.И. Эверстова показывает, что напев имеет также начальный *тойуковый* зачин «Дьэ буо!», но отличается данная песня от *тойуков*, поющих стилем *дьиэрэтии ырыа* также отсутствием вокализованных распевов. Первое слово зачина пропеваётся долгим звуком *fis*, а второе слово – двузвучным распевом *fis* четвертной длительностью и *e* несколько более укороченной длительностью, чем четвертная с точкой. Затем следует напев изложенный в типичной манере *дэгэрэн ырыа*, в котором напев предыдущих вариантов песен звучит практически без изменений.

Хотя, «Ырыа. Песня на торжественном открытии ысыаха» в исполнении П.П. Сукумасова из Верхоянского улуса под № 14.07 из коллекции комплексной экспедиции в Якутию ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР, ОИИФиФ СО АН СССР и ФК СК СССР 1986-1987 гг. представляет собой типичное исполнение *тойуков*, свойственное как приленской так и вилюйской исполнительской традиции. Различия обнаруживаются в том, что *тойук* верхоянской стилистики исполнения четко метризован с преобладанием метрики в размере 4/4 и напоминает этим *дэгэрэн ырыа* вилюйской традиции исполнения. В центральных (приленских) и вилюйских традициях исполнительства метрика *тойуков* как известно свободная. *Кылысахи* в этом напеве также напоминают *кылысахи*-флажолеты центральной стилистики исполнения. Таким образом, в Верхоянском улусе обнаружены два типа исполнения *тойуков*:

1. *Тойук*, близкий исполнительской традиции центральной (приленской) и вилюйской стилистики исполнения, но изложен в манере *дэгэрэн ырыа*;

2. *Тойук*, совершенно отличный от центральной (приленской) и вилюйской стилистики исполнения, представляющий собой манеру пения *дэгэрэн ырыа* обычным голосом. С *тойуком* же напев роднит только вступительный зачин, но и он отличается отсутствием протяженных вокализованных распевов.

В отношении распевов пение исполнителей Верхоянского улуса также отличается от других региональных стилистик исполнения. У них преобладают слоги, которые не подвергаются распеву, когда слогу соответствует один музыкальный звук, например, в песне

«Тангалай ырыата. Небное пение» в исполнении В.И. Эверстовой из Верхоянского улуса под № 13.98 из коллекции комплексной экспедиции в Якутию ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР, ОИИФиФ СО АН СССР и ФК СК СССР 1986-1987 гг. распевы совершенно отсутствуют, а в напеве «Кымыс ырыата» в исполнении С.Н. Слепцовой из Верхоянского улуса под №14.17 распевается шестнадцатыми только начало второй доли двухдольного такта. В некоторых других песнях, например, «Ырыа. Песня о родной природе, о наступлении лета» в исполнении Х.И. Эверстова из Верхоянского улуса под № 13.93 и «О лошади» в том же исполнении под 13.94 эти две шестнадцатые даже сложно уловить, так как зачастую они воспринимаются как один звук, только при внимательном прослушивании при их расшифровке можно эти распевы услышать. В целом, такое отсутствие распевов можно наблюдать во многих песнях исполнителей Верхоянского улуса. Отсутствие их характерно для эвенских напевов, например, в *икэ* (песне) «Ханилби дентурам» («Раздумье») [6, с. 56] в записи Г.А. Григоряна во время экспедиции в Верхоянский улус в 60-х гг. XX в. В ней распевы совершенно отсутствуют. Здесь можно говорить о влиянии на верхоянскую исполнительскую традицию напевов эвенских песен.

В верхоянской стилистике пения функционируют двух-, трех-, четырехзвучные распевы, которые могут расцениваться как протяженные. У исполнителей же центральных и вилюйских улусов они выступают в качестве кратких. Так, в песнях «Ырыа. Песня о родной природе, о наступлении лета» в исполнении Х.И. Эверстова из Верхоянского улуса под № 13.93, «О лошади» в том же исполнении под № 13.94, 14.17 звучат двузвучные распевы. В песне «О реке Яна. 1 вариант» в исполнении Х.И. Эверстова под № 13.91 основу составляют трехзвучные распевы. В песне «Ырыа. Дьэ буо. Песня труда, восхваление работы» в исполнении П.П. Сукумасова под № 14.05 обнаруживаются двузвучные распевы в первой строке при распеве слова *дьэ*, а также во всей песне в каждой строке. Трехзвучные распевы наблюдаются, в основном при распеве предпоследнего слога практически каждой строки. Четырехзвучными распет во 2-й, 3-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й и 17-й строках последний слоги строки, что в данной песне является преобладающим, так как из 18-ти строк, имеющих в песне, в 12-ти из них встречаются четырехзвучные распевы последнего слога строки. Таким образом, в отличие от исполнителей центрального региона Якутии, у северных якутов отсутствуют протяженные вокализованные распевы, их заменяют распевы, которые в центральных и вилюйских традициях пения являются краткими. Если сравнить вступительный зачин тойука У.Г. Нохорова «Улуу кыайы кюнэ» («День великой победы») [1, с. 45-46] с песней «О реке Яна. 1 вариант» в исполнении Х.И. Эверстова под № 13.91 из коллекции ком-

плексной экспедиции в Якутию ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР, ОИИФиФ СО АН СССР и ФК СК СССР 1986-1987 гг., то отличия в них очевидны.

Что касается большей протяженности вокализованных распевов в верхоянской исполнительской традиции, то самый протяженный распев слога обнаружен только в тех *тойуках* «Ырыа. Дьэ буо. Песня труда, восхваление работы» в исполнении П.П. Сукумасова под № 14.05 и «Ырыа. Песня на торжественном открытии ысыаха» в том же исполнении под № 14.07, которые похожи на исполнение *тойуков* центральной и вилюйской группы улусов. Здесь протяженность распева последнего слога песни в первом *тойуке* равна 12-ти звукам, а во втором – 11. Хотя, как нам известно, в центральной и вилюйской стилистике исполнения обнаруживаются и более протяженные распевы, в отличие от верхоянских *тойуков*, например, 16 и 21-звучные вокализованные распевы. Таким образом, его протяженность в верхоянской стилистике исполнения *тойуков*, близких по многим параметрам *тойукам* центральных и вилюйских музыкальных диалектах, все же меньше, чем подобные распевы исполнителей приленской и вилюйской традиции пения.

Количество распетых и нераспетых слогов, а также протяженность вокализованных распевов определяет, следовательно, стилистическую принадлежность песенного образца. Так, в *тойуках* наименьшее количество нераспетых слогов наблюдается у исполнителей центрального региона Якутии, а наибольшее – у народных певцов Верхоянского улуса, являясь показательной особенностью исполнительской манеры, свойственной именно стилистике данного региона. Например, если сравнить хотя бы следующие после вступительного зачина строки *тойуков* различных стилистик исполнения, то в центральной стилистике пения в *тойуке* У.Г. Нохорова нами было обнаружено, что во 2 и 3 строках, состоящих из 11 слогов не распет только 1 слог, а именно, последний во 2 строке, остальные слоги все распеты. В *тойуке* В.А. Гаврильева «Кэлии ырыата» («Песнь ступы») [5, с. 295-314] вилюйской стилистики исполнения также из коллекции Комплексной экспедиции ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР, ОИИФиФ СО АН СССР и ФК СК СССР 1986-1987 гг. из 14 слогов не распеты 4, остальные 10 распеты преимущественно краткими распевами в виде двух восьмых. В сравнении с ними количество нераспетых слогов в верхоянской стилистике несколько выше. Так, в песне «О лошади» в исполнении Х.И. Эверстова из 16 слогов распеты только 5, и, соответственно, не распеты 11.

По местоположению в слове в центральном и вилюйском региональных стилях исполнения последний слог, по сравнению с другими слогами в этом же слове, подвергается распеву в меньшей степени, чем у верхоянских исполнителей, у которых этот слог распевается больше. Например, в предыдущем *тойуке* «О лошади» распеты преимущественно именно только последние слоги слова, а в

тойуках «Ырыа. Дьэ буо. Песня труда, восхваление работы» в исполнении П.П. Сукумасова под № 14.05 и «Ырыа. Песня на торжественном открытии ысыаха» в том же исполнении под 14.07 все последние слоги строк распеты. Другие по местоположению в слове слоги у верхоянских исполнителей распеваются в меньшей степени.

Мелодический рисунок распевов характеризуют большетерцовые и большесекундовые, по преимуществу нисходящие интонации, что свойственно пению северных якутов. Так, в «Ырыа. Песне о родной природе, о наступлении лета» из коллекции Комплексной экспедиции ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР, ОИИФиФ СО АН СССР и ФК СК СССР 1986-1987 гг. в исполнении Х.И. Эверстова под № 13.93 нисходящей б.2 в ритме двух шестнадцатых распета каждая вторая восьмая первой доли такта на протяжении всего напева, а нисходящей м.3 в том же ритме – каждая вторая восьмая второй доли такта, также на протяжении всей песни. Совершенно идентичные этой песне распевы обнаруживаются в песне «О речке Туостаах» в том же исполнении под № 13.95. Восходящие распевы на б.3 и б.2 встречаются в песне «О родном поселке Табалах» под № 13.87, записанной от Д.Г. Слепцова. Восходящие на б.2 распевы являются преобладающими в песне «Ырыа. Воспевание молодого человека-коневода девушкой» в исполнении Х.И. Эверстова под № 13.96.

Отсутствие пространных распевов у северных якутов, по-видимому, связано с тем, что они редко используют в пении *кылысахи*. В их пении *кылысахи* либо совершенно отсутствуют, как это можно наблюдать в песне «О лошади», либо представлены в виде форшлаггов, например, в песне «О реке Яна. 1 вариант» в исполнении Х.И. Эверстова под № 13.91.

Северная стилистика исполнения якутских народных песен совершенно отлична от исполнительских традиций других регионов Якутии. На региональной периферии, которую представляют верхоянские стилистические традиции в большей мере употребляют в пении добавочные слоги. Для верхоянской стилистики исполнения характерно, в отличие от приленско-вилюйской традиции, добавление при пении слогов с согласным звуком *p*, например, в песне «О речке Туостаах» под № 13.95 постоянно появляются добавочные слоги с согласным звуком *p* в сочетании с различными гласными звуками во втором слоге каждого слова, где появляется подобный добавочный слог. При этом, вид гласного звука в этом добавочном слоге зависит от гласной близлежащего слога. Это может быть либо первый слог, либо последующий после добавочного слог. Гласный звук добавочного слога такой же, как и в основном слоге слова, благодаря чему соблюдается характерный для якутского языка сингармонизм гласных звуков. Так, в 5-й строке добавочный слог имеет вид *pa*, т.к. в следующем слоге появляется гласный звук *a*, благо-

даря такой огласовке слово *ыраас* ('чистый') в пении приобретает вид *ы(ра)раас*. В 36-й строке подобного вида добавочный слог появляется в слове *арааһынай* ('разный') в пении оно звучит как *а(ра)рааһынай*, но здесь появление гласного звука *а* зависит как от первого слога, так и от 3 слога слова. Подобное использование того же добавочного слога обнаруживается и в следующей 37-й строке в слове *арамааттаах* ('с ароматом'). В 48 строке вид гласного звука данный добавочного слога зависит от предыдущего к нему слога, который в слове *кырдалларын* ('с нагорной') является третьим. Слово в пении приобретает вид *кырдалла(ра)рым*. В 49-й строке уже появляется другой вариант добавочного слога – это слог *ры*, что связано с окружающими его слогами, в которых имеется гласный звук *ы*. В связи с чем слово *кырысыабай* ('красивый') в пении приобретает вид *кы(ры)рысыабай*. В 57-й строке к первому слогу *хо-* присоединен второй добавочный слог *-ро-*, в связи с чем слово *хоруонгкатын* ('с коронкой') приобретает вид *хо(ро)руонгкатын*. Кроме добавочного слога с согласным звуком *р*, в одной только 22-й строке встречается добавочный слог *дьай* в слове *дьайынгын* ('стороны') как его начальный повтор, благодаря чему в пении это слово приобретает вид *(дьай)дьайынгын*. Близкую этой песне огласовку можно наблюдать также в «Ырыа. Песне о родной природе, о наступлении лета» в исполнении Х.И. Эверстова под № 13.93, «О лошади» в исполнении Х.И. Эверстова 13.94 и «О речке Туостаах» в исполнении Х.И. Эверстова под № 13.95. Таким образом, в верхоянском региональном стиле пения преобладает добавление к слову слогов с согласным звуком *р*, что, видимо, является характерной особенностью верхоянской стилистики исполнения народных песен.

В огласовках соблюдается специфика диалектов якутской речи. В окающих и акающих говорах употребляются соответствующие гласные. В песне «О речке Туостаах» в исполнении Х.И. Эверстова под № 13.95 можно обнаружить, что основу составляет акающий говор певца, как известно, верхоянский диалект относится к акающей группе говоров якутского языка. Так, в строке 65 певец слово *дойдубун* 'родины' исполняет в акающем варианте *дайдыбын*.

Что касается песен стиля *дэгрэн ырыа*, то в Верхоянском улусе они, как и в приленских улусах поются обычным голосом без *кылысахов*. Отличия этих напевов связаны с мелодико-интонационным контуром песни. Многие песни верхоянских певцов схожи с эвенскими песнями, особенно в исполнении С.Н. Слепцовой из Верхоянского улуса. Так, в ее песне «Кымыс ырыата» («Кумысная песня») под № 14.17 начальная большетерцовая интонация в процессе развития преобразуется в квартовую с соскальзыванием в конце попевки на нисходящий тон неопределенной высоты. Затем тон неопределенной высоты трансформируется в нисходящие скачки даже по ходам *C-dur*'ного трезвучия, но микроальтерационное смещение

квинтового его тона указывает, что данный пример основан не на тональном интонировании. Благодаря этому мелодия напева расширяется до октавного объема. Подобное октавное развитие мелодии с квартовыми нисходящими ходами можно наблюдать в эвенской песне «Гора» в исполнении Л. Турнина [2, с. 161-162].

Наиболее явные различия в сравнении с другими региональными традициями исполнения якутских народных песен наблюдаются в исполнении *дэгэрэн ырыа* со специфическими способами пения. Так, в песне «О лошади. Хабар5а ырыата. Горловое пение» под № 13.97 в манере *хабар5а ырыата* специфические звуки исполняются закрытым ртом. Так исполнитель распевает гласный звук *ы* с повторяющейся восходящей интонацией б.2 двумя восьмыми. В то время как в центральном регионе подобный специфический способ исполнения воспроизведен фонетическим комплексом близким к *т5ыа*. Также и напев «Хабар5а ырыата» (горловое пение), записанный от М.М. Новгородовой [3, с. 145-148] в центральной группе улусов именуют как *мурунг ырыата* (носовые песни). Думается, что названия песен даны по информации самих исполнителей, которые, вполне возможно, точно не могут определить, в какой манере они поют.

В другом напеве «Тангалай ырыата» («Небная песня») [там же, с. 149-150] в исполнении С.Н. Слепцовой специфические звуки *һыт-тыа* вообще заменены последним звуком в строке неопределенной высоты на слог *нюк*, который затем в процессе развития преобразуется в слово *диэн* ('говоря'), постепенно приобретая определенную звуковысотность, логически завершая музыкальную мысль и создавая этим эффект деления на периоды неквадратной структуры. В другом же напеве «Тангалай ырыата (Небное пение)» под № 14.46 в исполнении И.М. Другина из п. Боронук Верхоянского улуса специфические звуки в начальной части попевки представлены в виде распева звуков *хм* восходящей большетерцовой интонацией двумя восьмыми. После повтора следует собственно вербальный смысловой текст песни в виде четырехсложного слова на одном звуковысотном уровне *h* малой октавы. Затем, после звучания внесмысловых звуков опять звучит смысловой текст в виде трехсложного слова на одном звуковысотном уровне *a* малой октавы. Такая структура песни повторяется до 10 строки, после которой все слова имеют четырехсложную структуру. Подобное отличие *тангалай ырыата* в исполнении С.Н. Слепцовой и И.М. Другина лишний раз подчеркивает отсутствие четких дефиниций в пении песен со специфическими способами исполнения самими носителями фольклора данного улуса. Скорее всего, это связано с достаточно поздним проникновением якутских народных песен в верхоянский регион, соответственно верхоянская стилистика исполнения возникла не так давно, скорее всего в XIX – начале XX вв.

Таким образом, для якутской народной песни *дьиэрэтии ырыа* верхоянской стилистики исполнения по материалам Комплексной экспедиции ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР, ОИИФиФ СО АН СССР и ФК СК СССР 1986-1987 гг. свойственны преобладание кратких распевов над протяженными вокализованными, при этом в них зачастую распевы слогов не распеты. При этом, напев после установления попевки начинает исполняться на манер *дэгэрэн ырыа* имея четко метризованный достаточно простой ритмический рисунок. Также редко в песнях *дьиэрэтии ырыа* данной стилистики исполнения обнаруживаются *кылысахи*, а в *дэгэрэн ырыа* они совершенно отсутствуют. В верхоянской стилистике исполнения якутских народных песен преобладает появление в процессе пения внесмысловых слогов. Мелодически многие песни *дэгэрэн ырыа* напоминают эвенские *икэ*. Песни же со специфическими способами пения отличаются от исполнения их в центрально-вилюйской традиции тем, что в них отсутствует дифференциация жанров подобных напевов, кроме того в песнях *хабар5а ырыата* отсутствуют характерные для нее специфические звуки, которые заменяются, либо внесмысловым словом неопределенной звуковысотности, либо следует распев гласного звука *ы*. В *тангалай ырыата* специфические звуки отличаются от центрально-вилюйских стилистик исполнения тем, что в них отсутствует характерное для песен этого типа прицелкивание языком о небо, вместо этого используется либо, распев звуков *хм* в начальном построении каждой попевки, либо попевка завершается внесмысловым словом звуком неопределенной высоты.

В.С. Никифорова, которая непосредственно участвовала в Комплексной экспедиции ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР, ОИИФиФ СО АН СССР и ФК СК СССР 1986-1987 гг., при исследовании музыкальной стилистики эпического пения северо-восточных саха (верхоянская традиция) считает, что «различия в музыкальной стилистике являются, по-видимому, следствием возникновения эпических “диалектов”, возникших из одного источника в результате миграционных волн якутских племен» [4, с. 17–18]. Возможно, что в напевах данного регионального стиля отразился какой-то древний пратунгусский субстрат. В отношении же формирования особенностей пения верхоянской стилистики якутского пения можно сказать, что он, безусловно, имел определенный древний источник, хотя, вероятно, этих источников могло быть несколько. Они проникали в якутское пение как в более древний период, так в более позднее время, когда якуты проживали совместно с тунгусо-маньчжурскими народами, что и создало возможности для формирования этой оригинальной стилистики исполнения традиционных песен якутов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Э., Николаева Н. Образцы якутского песенного фольклора. Якутск: Кн. изд-во, 1981. 100 с.
2. Кондратьев С.А. Якутская народная песня. М.: Сов. композитор, 1963. 180 с.
3. Ларионова А.С. Дэгэрэн ырыа. Песенная лирика якутов. Новосибирск: Наука, 2000. 152 с.
4. Никифорова В.С. Локальные традиции в музыке олонхо: Автореф. дисс... канд.искусствовед. СПб, 1994. 18 с.
5. Покидько Е.Б. Тойук и его претворение в творчестве композиторов Саха (Якутии): Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Новосибирск, 2001. 398 с. (Рукопись)
6. Эвендыл дентур, икэл-дэ (Эвенские песни и стихи). Якутск: Кн. изд-во, 1960. 80 с.

Чарина Ольга Иосифовна

**РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР СЕЛ СИНСК ХАНГАЛАССКОГО РАЙОНА
И ПАВЛОВСК МЕГИНО-КАНГАЛАССКОГО РАЙОНА ЯКУТИИ:
ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
(по материалам экспедиций 2016-2017 гг.)**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности бытования фольклорных текстов русского фольклора в селах, заселенных смешанным в национальном плане составом населения.

Целью исследования является изучение характера записей текстов фольклора, произведенных в период экспедиции 2016-2017 гг. в рамках программы «Историческая память в поликультурном пространстве Якутии: формирование и трансформация арктической идентичности» II.2П/ХII.186-2. 0379-2015-0009.

Приводятся результаты анкетирования, а также сравнение текстов, собранных в двух селах на реке Лена: Синск Хангаласского и Павловск Мегино-Кангаласского улусов.

Записи экспедиций в местах проживания русских старожилов имеют важнейшее значение, так как в фольклоре сохраняются жизненные представления носителей русской культуры.

Ключевые слова: фольклор, историческая память, песни, исторические предания, бытовые рассказы, экспедиционные материалы, билингвизм, взаимодействие.

Charina Olga Iosiphovna. RUSSIAN FOLKLORE OF THE VILLAGES SINSK OF THE KHANGALASSKY AREA AND PAVLOVSK - MEGINO-KANGALASKY AREA OF YAKUTIA: THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY (Materials of Expeditions 2016-2017)

The article deals with some features of the existence of folklore texts of Russian folklore in the villages occupied by a mixed population in the national plan.

The aim of the study is to study the nature of the records of folklore texts produced during the expedition 2016-2017 within the program "Historical memory in the multicultural space of Yakutia: formation and transformation of Arctic identity" II.2P/ХII.186-2. 0379-2015-0009

The results of questioning are given and also a comparison of texts in two villages on the Lena River: Sinsk of Khangalassky and Pavlovsk of Megino-Kangalassky uluses.

The records of expeditions in the places of residence of Russian old-timers are of great importance, as in folklore life representations of Russian culture bearers are preserved.

Keywords: folklore, historical memory, songs, historical legends, everyday stories, expeditionary materials, bilingualism, interaction.

Чарина Ольга Иосифовна

к.ф.н., с.н.с. отдела фольклора и литературы ИГиИПМНС СО РАН; ochar@list.ru

Charina Olga Iosiphovna

Candidate of Philological Sciences, Senior Research of the Department of Folklore and Literature
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Одной из задач по изучению исторической памяти в поликультурном пространстве Якутии, связанной с формированием и трансформацией арктической идентичности, является выявление некоторых особенностей бытования фольклорных произведений русского устного народного творчества в селах, заселенных смешанным в национальном плане составом населения.

В рамках изучения бытования русской культуры в местах, связанных с длительным проживанием русских переселенцев в центральной Якутии появилась явственная возможность сравнить настоящее состояние бытования русского фольклора в поселениях, стоящих на реке Лена.

Так, в с. Синск Хангаласского района мы побывали в конце марта – начале апреля 2016 г. в рамках проекта СО РАН «Историческая память в поликультурном пространстве Якутии: формирование и трансформация арктической идентичности». В составе экспедиции была также старший научный сотрудник сектора арктических исследований – Н.Д. Васильева. Прежде экспедиционная работа в Хангаласском, Олекминском и Ленском районах, которые относятся к приленским районам Якутии, сотрудниками института проводилась постоянно (1989–2001 гг.). В начале июля – в конце июня 2017 г. мы также побывали в с. Павловск Мегино-Кангаласского района совместно с сотрудником сектора арктических исследований нашего института, И.С. Астаховой. Таким образом, у нас появилась возможность охарактеризовать современное состояние бытования русских песен и преданий, которые бытуют в настоящее время в Синске и Павловске.

Прежде фольклором приленских русских занимались такие исследователи, как Ю.И. Смирнов [6], Н.В. Соболева [7], Р.П. Потанина [4; 5], М.Н. Мельников [3, с. 68-76], Р.П. Матвеева [2, с. 3-4], Л.С. Кузьмина и З.А. Миронова [1, с. 177-204] и др. Ряд песен, частушек, особенностей календарно-обрядового и свадебного обрядов отражены в работах автора статьи [9; 10].

В 1991 г. Ю.И. Смирнов писал, что «к настоящему времени мелкие группы русских на средней Лене, по нашим, впрочем, беглым впечатлениям, совершенно обьякутились и образовали оригинальную этнографическую группу (по-местному, «сахалыры»), обособленно держащуюся как от русских, так и собственно якутов» [5, с. 23]. Он отмечал, что они «поют унаследованные русские песни, хотя зачастую не понимают их слов», указывал на то, что «среди оседавших здесь людей были и потомки служилых людей, или казаков. Сюда постоянно доставляли партии ссыльных, и одной из первых групп, пришедших на Лену в 40-е гг. XVII в., были «пленные черкасы» [6, с. 22].

Так, за долгие годы совместного проживания в Хангаласском, Олекминском районах образовалась особая группа населения, ко-

торая называет себя «пашенными» (по-якутски «ямнар» – русское старожильческое население указанных улусов). В интервью респонденты сообщили, что выражение «центр» происходит от русского слова «центр». Они полагают, что слово «центр» указывает на метисное происхождение человека, т.е. рожденного от смешанного брака. Также, возможно, этимология слова от выражения «центр», означающего приехавшего из Якутска, Центральной части России, что несомненно, обозначает географическое значение термина «центр».

Они знают многие фольклорные жанры, помимо этого любят исполнять песни на якутском языке. Большую роль в жизни любого народа играет хозяйственная деятельность. В надежде всегда иметь хорошие урожай, рыбный улов, богатую охоту человек совершал определенные действия, которые пытался согласовать с силами природы, все это впоследствии оформилось в обряд.

В 2016 и 2017 гг. мы интервьюировали пожилых жителей села – участников творческих коллективов, также проводилось анкетирование, связанное с темой исторической памяти в поликультурном пространстве Якутии. Часть вопросов анкеты затрагивали проблемы бытования русского фольклора в сельской местности. В с. Синск проводилось пилотное социологическое исследование. Село находится примерно в трехстах километрах от г. Якутска. И по данным муниципального образования в Синском наслеге на 1 января 2016 г. проживало 890 чел.: 430 муж., 460 жен., из них около 30% дети в возрасте до 18 лет. Всего было опрошено 52 респондента. В селе живут русские, якуты, две семьи эвенков, примерно по 3-4 человека в семье.

В настоящее время в Павловске иная картина по составу населения. По данным паспорта в Нерюктяйинском наслеге Мегино-Кангаласского района среднегодовая численность постоянного населения на 1 января 2017 г. составляла 2558 чел., в том числе, мужчин 1114 чел., женщин 1444. Население в возрасте от 18 лет и старше составляет 1809 чел.

Согласно похозяйственным книгам, в селе проживают 2120 чел. в возрасте от 18 и старше. В отчёте проекта И.С. Астахова предполагалось, что «возможно, такая разница возникла в связи с высокой миграцией населения, вызванной близостью г. Якутска (19 км.) и бурно развивающегося с. Нижний Бестях (11 км.). Многие, имея собственность в с. Павловск, постоянно проживают в г. Якутск или в с. Нижний Бестях. Здесь все больше набирает обороты такое явление как «дачничество». Потомки переехавших из села, в том числе, и русского населения, приезжают в Павловск в летний период.

Учитывая цель и задачи исследования при исчислении выборочной совокупности, были взяты данные похозяйственных книг села, за вычетом проходящих срочную службу в армии (4 чел.) и студен-

тов очной формы обучения (46 чел.). Так как объем генеральной совокупности был незначительным, для вычисления выборочной совокупности были взяты около 5% от генеральной совокупности. Таким образом, выборочная совокупность составила 100 чел. Применялась квотная выборка, по двум критериям: пол и возраст.

Село Павловск первоначально было заселено переселенцами-старообрядцами, которые появились здесь в середине XIX в. В настоящее время с. Павловск состоит из населенных пунктов – Павловск (Павловское), Нерюктяй и Терют. В селе в основном проживают якуты, а русские, когда-то населявшие с. Павловск, в основном – староверы – постепенно разъехались либо в Нижний Бестях, Якутск, либо в другие города России.

Применительно к устной народной традиции в сёлах задавались следующие вопросы, например:

– Поете ли Вы народные песни?

– Как Вы исполняете песни? Совместно с кем-то, самостоятельно, с детьми?

– На каком языке поёте песни? На русском, якутском, эвенкийском, другом?

Представляем некоторые результаты опроса, по с. Синск в цифрах. Опрашиваемые не все поют песни, только около 40% респондентов. Некоторые включаются в процесс пения только «за компанию» (табл. 1).

Таблица 1.

Поете ли Вы народные песни? (%)

да	38,5
нет	38,5
редко, по особым случаям	23

Следующий вопрос связан с характером исполнения песен: «Если да, то как Вы исполняете в Вашей семье народные песни, другие произведения фольклора?» (табл. 2).

Таблица 2.

Как Вы исполняете в Вашей семье народные песни? (%)

всей семьёй	32,7
отдельно взрослые, дети обычно не присутствуют	17,3
другое	9,6
не ответили на данный вопрос	40,4

Таким образом, видно, что в опрошенных семьях соблюдают традиции передачи знания фольклорных произведений от родителей к детям. Песни поют в кругу семьи, когда дети непосредственно воспринимают песни родителей и более старшего поколения.

Поскольку в основном население села – билингвы, то не удивительно, что песни поют и на русском, и на якутском языке. Из 52 опрошенных, 17 респондентов не ответили на данный вопрос, остальные 35 распределились по ответам следующим образом:

на русском поет 13 чел., это 25%;

на якутском – 6 чел. – 11,5%;

на якутском и русском – 15 чел., что составляет 28%.

один человек (видимо, это эвенкийка) не поёт ни по-русски, ни по-якутски.

Предшествующие исследования показывали, что население пожилого возраста (старше 60 лет) предпочитает разговаривать в быту на якутском языке (речь идёт о русских и якутах Хангаласского и Олекминского районов). Поездка в Синск Хангаласского улуса еще раз убедила нас в том, что жители села и сейчас предпочитают изъясняться на якутском языке. В других сёлах района, в Ленском, Олекминском улусах картина меняется: основной язык общения – русский.

Как уже было сообщено, с. Павловск исторически связано с культурой старообрядцев, которые проживали в нем в течение полутора столетий. На современном этапе в селе менее десятка семей, кровно связанных со старообрядческой средой. Это несколько семей известного рода Кушнаревых все еще проживают в селе. В частности, 91-летняя невестка Кушнаревых – Мария Федоровна. Она приехала из-под Воронежа вскоре после Великой Отечественной войны, муж умер, рядом проживает ее приемный сын.

Еще одна невестка Кушнаревых – Анна (50 лет), в ее семье хранят Псалтырь с памятными записями (на внешней первой странице от руки написано следующее: апрель 1929, далее – 1951 г. сия книга – С.И. Кушн. «Псалтырь»). Следует также отметить, что ранее в среде староверов Павловска не было и сейчас нет указаний на исполнение народных песен.

В селе в основном живут якуты, часть из них – старожилы села, которые помнят старообрядцев, их обычаи и песни. Русские потомки на лето приезжают в родные дома, которые используют под дачи. Все дома расположены по улице Ивана Строда, часть домов к настоящему времени – не жилые. Тем не менее, они наглядно демонстрируют материальную культуру старообрядцев: экстерьер, интерьер, ведение хозяйства.

Представляем некоторые результаты опроса, проведенного в с. Павловск. Большинство населения села разговаривают в быту на якутском языке. Это более 85% населения села.

Хотелось бы также отметить, что население не знакомо с местными преданиями и легендами (70% респондентов), так как большинство населения села приехало в эту местность из других районов республики.

Песенная традиция сохраняется в селе. Так, 45% респондентов исполняют народные песни (табл. 3).

Таблица 3

Поете ли вы народные песни? (%)

да	45
нет	38
редко	16

Часть опрошенных поёт песни только на якутском языке – 31%; часть опрошенных исполняет песни на якутском и русском языках – 63%. Из опрошенных песни услышали от родных по материнской линии (в том числе от матери) – 38%; от родственников по отцовской линии (в том числе от отца) – 15%. Многие произведения народной культуры услышаны по радио, ТВ, из интернета – 39% опрошенных.

Учитывая, что основная часть села – якуты, следует отметить общее влияние русской культуры, как духовной, так и материальной.

В с. Синск на протяжении нескольких десятилетий существует ансамбль «Реченька», который составил свой репертуар на основе песен своих предков. Руководитель – Октябрина Егоровна Ефремова, в группу входят мужчины и женщины средних лет, есть молодые – около тридцати лет. Это не первое поколение, составляющее ансамбль села. В с. Павловск также есть ансамбль – «Павловские вечерки». Эту группу исполнителей собрала Мария Петровна Сидорова. Костяк этого ансамбля составляют семь женщин старшего возраста (более пятидесяти лет), в основном – саха, и гармонист.

Если песенный репертуар в с. Синск Хангаласского улуса – это в основном хороводные песни, песни о любви, такие, как: «Молодка, молодка, молоденькая», «Гуляла я в садочке», «Уж ты, сад, ты, мой сад», «Во субботу день ненастный», «Круглолица-белолица», «Третий гола», «Эй, Никола три Никола», «Как под липой, под липой», «Сидел Ваня на диване», «А мы просо сеяли», «У ворот стоит девчонка», «Я по горенке хожу», «Как у наших у ворот», «Сиди Дрема», «В хороводе были мы», «Журавлины ноги длинны», «Соловей мой, соловей», «Вечеринушка была», «Катерина да капитан» [8, с. 19-42]; то песни, которые исполняют женщины ансамбля с. Павловск – это следующие на русском языке: «Я не слушаю отца», «Ой ты, рожь», «На горе калина», «Над рекою месяц (ой, рябина, кудрявая)», «Де-

ревня моя, деревянная», «Под горой колхоз», «Виновата ли я?», «Эх, дороги». Как видим, это авторские песни. Помимо этого, женщины поют песни и на якутском языке.

Самая известная песня по всей Лене – «При лужке», исполняемая на свадьбе, – звучит и в Синске, и Павловске. Образы и символика песни (конь, повод, узда; передача девушки парню) вплотную приблизили песню к произведениям фольклора, которые сопровождали свадебный обряд.

Устная проза представлена рассказами, которые в разных сёлах распределяются по тематике: «раньше-сейчас», семейные предания (далёкое прошлое семьи), рассказы о разных необычных явлениях.

В основном семейные предания в с. Синск в русских семьях связаны с упоминанием прежнего места пребывания своих предков: «...А он (предок) пришёл из Ярославской губернии».

Часть опрошенных сообщили, что стараются уточнить происхождение, обосновавшись в селе предков. Из многих опрошенных редко у кого сохранились какие-либо предметы от родителей, бабушек и дедушек. Но житель с. Синск, С.А. Федоров (возраст – 58 лет на момент опроса), сообщил, что у него есть три сундука, другие вещи, принадлежавшие родителям (оглобли, сани, другие предметы, связанные с оснасткой лошадей). Его родители жили в этом же селе, но за рекой Синею (ближе к Якутску), поэтому часть предметов сохранились на заднем дворе. Многие опрашиваемые в этом селе не имеют вещей родителей, так как их родина – другие соседние села (происходило укрупнение поселений), часть из которых в настоящее время заброшены.

Вместе с тем, проживание якутов, русских, эвенков в среднем Приленье служит примером довольно терпимых отношений с точки зрения межнациональных, межсоциальных и межличностных связей. Русское устное народное творчество долгое время соединяет русских старожилов Хангаласского и Олекминского районов.

Часть якутского населения в Павловске знает предания о данной местности. Это люди, которые живут с рождения, или приехали из других мест. В Павловске наиболее популярно предание о местном Чочо-бае-Слободчикове (дяде Василия Маанчары); оно известно среди всего населения старше тридцати лет. Считалось, что он (бай) имел огромные стада коров, которые паслись рядом с местным озером «Ынахтаах» («Коровье озеро»).

Ряд исторических рассказов, которые сообщили опрашиваемые, связан с самыми известными местами Якутии, такими, как Ленские столбы, популярны рассказы о якутском легендарном вожде Дыгыне. В основном такие рассказы нам повествовали жители села, которые недавно поселились в этих местах.

Также встречаются мемуары, воспоминания, связанные с жизнью здесь старообрядцев, которые примерно до 1980-х гг. еще составляли большинство населения. В основном, это рассказы о хозяйственной деятельности, о примечательных соседях (русских), особенно пользуются успехом воспоминания о купцах Кушнаревых, их домах, магазинах, возможныхкладах.

Таким образом, можно в заключение отметить, что два села на реке Лене имеют разную историю развития, которая отразилась и в устном народном творчестве. Если в с. Синск Хангаласского улуса, который находится довольно далеко от Якутска, население остается стабильным, то в с. Павловск Мегино-Кангаласского района, которое расположено в непосредственной близости от г. Якутска, за последние сто лет заметно поменялся национальный состав населения в сторону увеличения численности якутов.

Вместе с тем, из анализа интервью следует, что в обоих селах сохраняется относительно устойчивая память о происхождении сел, о приходе русских в данные места. В Синск приходили русские переселенцы – для ямщицкой гоньбы, хлебопашества, в Павловск были направлены сосланные старообрядцы. В Павловске сохраняется материальная культура, так, остались дома и церковь староверов, хорошо развито огородничество. Возможно эти факторы, возможно, семейная память сохраняет семейные предания, рассказы о необычных людях, воспоминания о том, что было раньше, что появилось позднее. В силу изменения национального состава в с. Павловск, нет традиции исполнять семейные, обрядовые песни.

Как важная особенность памяти русских в Синске – сохранение русских песен, особенно, хороводных. Видимо, в с. Синск в силу постоянного состава населения продолжают существовать семейно-общинные традиции, ведущие к передаче молодым поколениям старинных знаний.

Также следует отметить, что использование второго языка в речи, для якутов – русского, а для русских – якутского, в обоих сел обусловлено тем, что совместное проживание предполагало выстраивание языкового общения и взаимопонимания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Кузьмина Л.П., Миронова Э.А. Современный русский фольклор на Крайнем Севере // Современный русский фольклор Сибири. Новосибирск: Наука, 1979. С. 177- 205.
2. Матвеева Р.П. Проблемы регионального исследования русского фольклора Сибири // Русский фольклор и фольклористика Сибири. Улан-Удэ, 1994. С. 3-4.
3. Мельников М.Н. Региональное своеобразие фольклора сибиряков // Русский фольклор. Полевые исследования. Т. 22. Л., 1984. С. 68-76.

4. Обрядовые песни русской свадьбы Сибири / Сост. Р.П. Потанина. Новосибирск, 1981. 324 с.
5. Русская свадебная поэзия Сибири / Сост. Р.П. Потанина. Новосибирск, 1984. 264 с.
6. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю.И. Смирнов. Новосибирск, 1991. 498 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
7. Соболева Н.В. Типология и локальная специфика русских народных сказок. Новосибирск, 1984. 172 с.
8. Фольклор русского населения Якутии (русские песни Ленского тракта) / Сост. О.И. Чарина. Якутск, 1994. 130 с.
9. Чарина О.И. Русские песни Приленья. Новосибирск, 2009. 160 с.
10. Чарина О.И. Село Синск Хангаласского улуса РС(Я) как заповедное место в бэкграунде культурологической глобализации // Гражданское общество в эпоху глобализации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2017. С. 87-92.

ПРИЛОЖЕНИЯ



«Лингвокультурологическая экспедиция “Русские старожилы на Северо-Востоке России в XVII-XXI вв.: опыт культурно-созидательного освоения Арктики (сс. Русское Устье, Походск Республики Саха (Якутия)”». Антропологический отряд, п. Чокурдах Аллаиховского улуса РС(Я), июль 2013 г. (Никитина С.Е., к.и.н., руководитель; Аксянова Г.А., к.б.н., антрополог; Плужников Н.В., к.и.н., аудио-визуальный антрополог)



«Лингвокультурологическая экспедиция.....». Исторический отряд, с. Походск Нижнеколымского района РС(Я), ноябрь 2013 г. (слева направо: глава района И.П. Суздалов, С.Е. Никитина, глава с. Походск Д.И. Вострикова, коренная походчанка И.П. Борисова, Е.П. Антонов, В.И. Шадрин).



«Лингвокультурологическая экспедиция...». Исторический отряд. «Сборы походчанки на подледную рыбалку», с. Походск Нижнеколымского района РС(Я), ноябрь 2013 г.



«Лингвокультурологическая экспедиция...». Исторический отряд. Руководитель экспедиции к.и.н. Никитина С.Е. проводит анкетирование, с. Походск Нижнеколымского района РС(Я), ноябрь 2013 г.



«Лингвокультурологическая экспедиция...». Антропологический отряд. «Замеры рыбака», с. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) РС(Я), июль 2013 г. (антрополог к.б.н. Аксянова Г.А.).



«Лингвокультурологическая экспедиция...». Антропологический отряд. Руководитель экспедиции к.и.н. Никитина С.Е. с жителями села на рыболовном участке, с. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) РС(Я), июль 2013 г.



«Лингвокультурологическая экспедиция...». Антропологический отряд, с. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) РС(Я), июль 2013 г. (Никитина С.Е., к.и.н., руководитель; Аксянова Г.А., к.б.н., антрополог; Плужников Н.В., к.и.н., аудио- визуальный антрополог; Глава МО «Русское Устье» А.В. Киселев)



«Лингвокультурологическая экспедиция...». Антропологический отряд. «Дети ходят по коробам», с. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) РС(Я), июль 2013 г.



«Лингвокультурологическая экспедиция...». Антропологический отряд. Антрополог к.б.н. Аксянова Г.А., руководитель экспедиции к.и.н. Никитина С.Е. производят антропологические замеры, с. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) РС(Я), июль 2013 г.



Выступление Фольклорного ансамбля школы с. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) РС(Я) на открытие Всероссийской научно-практической конференции «Язык и культура русских старожил Арктики как феномен этнокультурного взаимодействия народов РС(Я)» в ИГиПМНС СО РАН, г. Якутск, 5 декабря 2013 г.



Комплексная экспедиция сотрудников Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики в Магаданскую область. Работа с экспонатами музея при торговом доме «Таёжник», г. Сусуман, Магаданская область, 2014 г.



Комплексная экспедиция сотрудников Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики в Магаданскую область. Дом культуры, п. Ола, Магаданская область, 2014 г.



Комплексная экспедиция сотрудников Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики в Ямало-Ненецкую автономную область. В школе-интернате для детей оленеводов. Хантыйка Ендырева Татьяна Гавриловна, п. Аксарка, ЯНАО, 2014 г.



Комплексная экспедиция сотрудников Лаборатории комплексных гео- культурных исследований Арктики в Ямало-Ненецкую автономную область. Тундра Надымского района ЯНАО. В стойбище ненецкого оленевода Евгения Сергеевича Окоэтэто. Съемки документального фильма А.С. Романова, 2014 г.



Комплексная экспедиция сотрудников Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики в Ямало-Ненецкую автономную область. Ненец Е.С. Окоэтто на рыбалке, 2014 г.



Комплексная экспедиция сотрудников Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики в Ямало-Ненецкую автономную область. Ненец Е.С. Окоэтто за просмотром фильма о Якутии, 2014 г.



Комплексная экспедиция сотрудников Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики в Оймяконский (улус) район РС(Я). У оленеводов к.и.н. В.Н. Дьяконов, с. Томтор Оймяконского района РС(Я), 2013 г.



Комплексная экспедиция сотрудников Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики в Таймырский Долгано-Ненецкий район. О.Э. Добжанская с хантами, 2014 г.



*Участники фольклорной экспедиции к.ф.н. Мухомлева С.Д.
и к.ф.н. Павлова Н.В. Аллаиховский улус (район) РС(Я), 2011 г.*



Фольклорная экспедиция. Аллаиховский улус (район) РС(Я), 2011 г.



Фольклорная экспедиция. К.ф.н. Павлова Н.В. с информантом. Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район) РС(Я), 2013 г.



Социологическая экспедиция «Молодежь северной Якутии». Прогулки на снегоходе - любимое развлечение молодежи, с. Казачье Усть-Янского улуса (района) РС(Я), апрель 2013 г.



Социологическая экспедиция «Молодежь северной Якутии». Молодой оленевод, с. Казачье Усть-Янский улус (район) РС(Я), апрель 2013 г.



Социологическая экспедиция «Молодежь северной Якутии». Сотрудники института к.полит.н. Маклашова Е.Г и к.полит.н. Васильева О.В., с. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) РС(Я), август 2014 г.



Экспедиция в рамках ОВЭС. К.и.н Санникова Я.М. и к.ф.н. Иванов Нь.М. со старожилом села, с. Сьюльдюкар Мирнинского района РС(Я), июнь 2016 г.



Экспедиция в рамках ОВЭС. Место для празднования Ысыаха. Садынский национальный эвенкийский наслег Мирнинского района РС(Я), июнь 2016 г. (д.и.н. Боякова С.И., к.и.н Санникова Я.М.).



Экспедиция в рамках ОВЭС. Встреча с жителями с. Оленек в районной библиотеке, с. Оленек Оленекский эвенкийский национальный район РС(Я), июнь 2016 г.



Экспедиция в рамках ОВЭС. Соревнования, с. Оленек Оленекский эвенкийский национальный район РС(Я), июнь 2016 г.



Экспедиция в рамках ОВЭС. К.и.н. Филиппова В.В. с жительницей с. Харьялах Оленекского эвенкийского национального района РС(Я), июнь 2016 г.



Экспедиция в рамках ОВЭС. К.полит.н. Егоров П.М. с жительницей с. Эйик Оленекского эвенкийского национального района РС(Я), апрель 2016 г.



В музее с. Павловск Нерюктяйинского наслега Мегино-Кангаласского улуса РС(Я), декабрь 2016 г. (слева направо: ст. лаб. Максимова Т.П., к.и.н. Башкиров М.Б., к.ф.н. Чарина О.И., к.и.н. Григорьев С.А., к.и.н. Сулейманов А.А.).



«Павловские вечерки» и к.ф.н. Чарина О.И., с. Павловск Нерюктяйинского наслега Мегино-Кангаласского улуса РС(Я), июль 2017 г.



Старый Павловск, улица Строда И.Я. Нерюктяйинского наслега Мегино-Кангаласского улуса РС(Я), июль 2017 г.



Русские старожилы Якутии. Празднование 275-летие Иркутско-Якутского тракта, г. Ленск, июнь 2017 г. (фото к.и.н. Строговой Е.А.)



*Опрос информанта д.и.н. Бояковой С.И., с. Покровка
Майского наслега Амгинского улуса (района) РС(Я), август 2017 г.*



*Вдалеке поля злаковых культур, с. Покровка
Майского наслега Амгинского улуса (района) РС(Я), август 2017 г.*



*Экспедиция в рамках ОВЭС. г. Олекминск РС(Я) (отправляемся в с. Тяня),
июль 2017 г. (к.ф.н. Захарова Н.Е., м.н.с. Константинова Т.Н.,
м.н.с. Астахова И.С.)*



*Экспедиция в рамках ОВЭС.
Осмотр писаницы Суруктах-Хайя (р. Токко), август 2017 г.*

Научное издание

**АРКТИКА И СЕВЕР
В СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Сборник научных статей

Публикуется в авторской редакции

Обложка: *А.И. Харитонов*

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

Адрес: 677027, Якутск, ул. Петровского, 1

Тел: +7 (411) 236-14-49

Официальный портал: www.igi.ysn.ru